

ВЕСТНИК ВОЕННОГО ПРАВА

№2
2021

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
КАЗЕННОЕ ВОЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

123001, г. Москва,
ул. Большая Садовая, д. 14

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и
массовых коммуникаций.

Свидетельство
о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС 77-62644
от 10 августа 2015 г.

Журнал включен в Перечень рецензируемых
научных изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на
соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени
доктора наук по юридическим
и военным наукам (Перечень ВАК)
(по состоянию на 21.04.2021 года)
за № 304 по группам научных специальностей:
12.00.09 – Уголовный процесс
(юридические науки),
20.00.00 – Военные науки (военные науки)

Журнал включен
в Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ).

Выходит 4 раза в год
на русском языке.

Распространяется
в Российской Федерации.

Представляемые к изданию статьи проходят
обязательную экспертизу
в соответствии с требованиями
Инструкции о порядке подготовки
в Вооруженных Силах
Российской Федерации
материалов к открытому опубликованию

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редакционного совета:

Мишуткин Игорь Викторович,
начальник Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации

Члены редакционного совета:

Безбабнов Олег Геннадьевич,
директор Правового департамента
(начальник юридической службы)
Министерства обороны Российской Федерации

Дерешко Богдан Юльевич,
заместитель начальника Всероссийского
научно-исследовательского института
МВД России по научной работе

Маликов Сергей Владимирович,
главный советник Управления по вопросам
государственной службы и кадров
Администрации Президента Российской
Федерации

Марченков Валерий Иванович,
главный научный сотрудник (научный
руководитель) Военного университета

Петров Валерий Георгиевич,
заместитель Генерального прокурора
Российской Федерации - Главный военный
прокурор

Солонин Дмитрий Олегович,
помощник начальника Военного университета
по работе с верующими военнослужащими

Хомчик Владимир Владимирович,
заместитель Председателя Верховного Суда
Российской Федерации – председатель
Судебной коллегии по делам военнослужащих

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Председатель:

Винокуров Александр Юрьевич,
Доктор юридических наук, доцент

Заместитель председателя:

Никонович Сергей Леонидович,
Доктор юридических наук, доцент

Члены редакционной коллегии:

Бараненков Вячеслав Вячеславович,
Доктор юридических наук, профессор

Дамаскин Олег Валерьевич
Доктор юридических наук, профессор

Дикарев Илья Степанович,
Доктор юридических наук, доцент

Землин Александр Игоревич,
Доктор юридических наук, профессор

Кандыбко Наталья Викторовна,
Доктор экономических наук, профессор

Кардаш Игорь Леонидович,
Доктор военных наук, профессор

Корякин Виктор Михайлович,
Доктор юридических наук, профессор

Кушнир Андрей Михайлович,
Доктор экономических наук, профессор

Лиховидов Константин Станиславович,
Доктор юридических наук, доцент

Мазаник Александр Иванович,
Доктор военных наук, профессор

Мигачев Юрий Николаевич,
Доктор юридических наук, профессор

Никитин Алексей Николаевич,
Доктор юридических наук,
Доктор исторических наук, профессор

Рыльская Марина Александровна,
Доктор юридических наук, доцент

Толкаченко Анатолий Анатольевич,
Доктор юридических наук, профессор

Шкабин Геннадий Сергеевич,
Доктор юридических наук, доцент

Журнал ориентирован на публикацию
результатов научных исследований
по направлению –
военное право, военные проблемы
международного права,
а также иных научных работ,
в которых рассматриваются вопросы
правового обеспечения обороны
и военной безопасности государства

Главный редактор:
Винокуров А.Ю.

Заместитель главного редактора:
Никонович С.Л.

Научный редактор:
Рыльская М.А.

Выпускающий редактор:
Глазунова И.В.

Редактор:
Федулова Е.Г.

Адрес редакции:
111033, г. Москва,
ул. Б. Садовая, д. 14
E-mail: vestnik-vp@mail.ru
[http: //www.vvp-vy.pf](http://www.vvp-vy.pf)

Подписано в печать:
июль 2021 г.
Формат 70x108 1/16.
Печать офсетная.
Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии
«ИСПО принт»
г. Москва, ул. Щипок, д. 28
Тел.: 8 (499) 235-54-52
E-mail: zakaz@ispo-print.ru
www.ispo-print.ru

- Ответственность за содержание публикаций несут авторы
- Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций
- Рукописи авторам не возвращаются
- Перепечатка материалов возможна только по согласованию с редакцией

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС; КРИМИНАЛИСТИКА

ДИКАРЕВ И.С., СЛИВКОВ А.С.

ВОЕННОЕ УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В КОНТЕКСТЕ
ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ 7

ДМИТРИЕВ Е.Г., ИЛЛАРИОНОВ М.Д., ШАПОВАЛОВ В.А.

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ ПРИМЕНЕНИЯ ОЛЬФАКТОРНОГО
МЕТОДА ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ 15

ВОЕННОЕ ПРАВО, ВОЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

БАРКОВ А.В., МАРКЕЛОВ С.В.

ОСОБЕННОСТИ ИННОВАЦИОННО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ВОЕННО-
ПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ США 25

БОБРОВА О.Г.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАНИЦ:
ВОЕННО-ПРАВОВОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ 32

ВИНОКУРОВ А.Ю.

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ ВОЕННЫХ ПРОКУРАТУР С
УКЛОНЕНИЯМИ ОТ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ ПУТЕМ ЧЛЕНОВРЕДИТЕЛЬСТВА
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941- 1945 ГГ.) 39

ЗАКАЗНОВА А.Н.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ СУИЦИДОВ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ (НА ПРИМЕРЕ ОПЫТА США И ИЗРАИЛЯ) 45

ПРИЛЕПСКИЙ В.Ю., ГЛАЗУНОВА И.В.

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СИСТЕМЫ ДОКУМЕНТОВ СТРАТЕГИЧЕСКОГО
ПЛАНИРОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ВОЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 56

СЕМЕННИКОВ А.Г., ЗАДОРЖНАЯ И.В.

МЕМОРИАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА 66

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

ТОРГАЕВА И.Н., МУРАВЬЕВА Е.О.

НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ
РАБОТЫ ВОЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ ПО ПОДГОТОВКЕ К ГОСУДАРСТВЕННОЙ АККРЕДИТАЦИИ ... 71

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА ВОЕННЫХ ЮРИСТОВ

МЕЛЬНИК В.В.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАСПОЗНАВАНИЯ РЕЧЕВОЙ
МАНИПУЛЯЦИИ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ В СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ
УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ 77

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

СОКОЛОВ А.П., МИШУТКИНА Д.И.

ПРАВОВОЙ СТАТУС СУДЬИ ВОЕННОГО СУДА..... 88

НОВОЕ В ВОЕННОМ ПРАВЕ

ОБЗОР ИЗМЕНЕНИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ
И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА..... 93

CONTENT

CRIMINAL PROCEDURE; CRIMINALISTICS

DIKAREV I.S., SLIVKOV A.S.

MILITARY CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE CONTEXT OF THE
DIFFERENTIATION OF THE CRIMINAL PROCEDURE FORM7

DMITRIEV E.G., ILLARIONOV M.D., SHAPOVALOV V.A.

ON THE QUESTION OF THE USE OF THE OLFACTORY METHOD
OF EXPERT RESEARCH IN THE INVESTIGATION OF CRIMES BY MILITARY
INVESTIGATIVE BODIES 15

MILITARY LAW, MILITARY PROBLEMS OF INTERNATIONAL LAW

BARKOV A.V., MARKELOV S.V.

FEATURES OF INNOVATION AND LEGAL SUPPORT OF PUBLIC-PRIVATE
PARTNERSHIP IN THE US MILITARY-INDUSTRIAL COMPLEX25

BOBROVA O.G.

BORDER SECURITY: LEGAL AND ECONOMIC KEY ISSUES32

VINOKUROV A.Y.

ON THE QUESTION OF THE ORGANIZATION OF THE WORK OF MILITARY
PROSECUTOR'S OFFICES WITH EVASION OF MILITARY SERVICE
BY SELF-HARM IN THE YEARS THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941-1945)39

ZAKAZNOVA A.N.

FOREIGN EXPERIENCE IN PREVENTING MILITARY SUICIDE
(BASED ON THE EXPERIENCE OF THE UNITED STATES AND ISRAEL) 45

PRILEPSKIY V.Y., GLAZUNOVA I.V.

ON IMPROVING THE SYSTEM OF STRATEGIC PLANNING DOCUMENTS
IN THE FIELD OF MILITARY CONSTRUCTION IN THE RUSSIAN FEDERATION56

SEMENNIKOV A.G., ZADOROZHNYA I.V.

MEMORIAL LEGISLATION OF RUSSIA: THEORY AND PRACTICE66

ORGANIZATION OF THE ACTIVITIES OF A MILITARY EDUCATIONAL ORGANIZATION

TORGAEVA I.N., MURAVYOVA E.O.

REGULATORY LEGAL AND ORGANIZATIONAL FRAMEWORK
WORKS OF THE MILITARY EDUCATIONAL ORGANIZATION OF HIGHER
EDUCATION ON PREPARATION FOR STATE ACCREDITATION 71

PROFESSIONAL TRAINING OF MILITARY LAWYERS

MELNIK V.V.

SCIENTIFIC-METHODICAL BASIS OF RECOGNITION IN THE PROCESS OF
PROOF IN THE CONTROVERSIAL CRIMINAL PROCEEDINGS OF SPEECH
MANIPULATION 77

POINT OF VIEW

SOKOLOV A.P., MISHUTKINA D.I.

LEGAL STATUS JUDGES OF THE MILITARY COURT 88

NEW IN MILITARY LAW

REVIEW OF CHANGES IN THE LEGISLATION ON MILITARY SERVICE
AND STATE SECURITY 93

УДК 343.1; 344.322

Уголовный процесс
Военное право, военные проблемы
международного права

ДИКАРЕВ И.С., СЛИВКОВ А.С.

DIKAREV I.S., SLIVKOV A.S.

ВОЕННОЕ УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В КОНТЕКСТЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ

CRIMINAL PROCEDURE: CRIMINALISTICS

MILITARY CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE CONTEXT OF THE DIFFERENTIATION
OF THE CRIMINAL PROCEDURE FORM

Дикарев Илья Степанович,

доктор юридических наук, доцент

ФГАОУ ВО «Волгоградский
государственный университет»

E-mail: iliadikarev@volsu.ru

Dikarev Ilya Stepanovich,

Doctor of Law, Associate Professor

Law Institute of the Volgograd
State University

E-mail: iliadikarev@volsu.ru

Сливков Антон Сергеевич,

кандидат юридических наук

ФГКВОУ ВО «Военный университет»

Министерства обороны
Российской Федерации

E-mail: expert-mka@yandex.ru

Slivkov Anton Sergeevich,

PhD in Law

«Military University»

Ministry of Defense
of the Russian Federation

E-mail: expert-mka@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос необходимости особой регламентации процессуального порядка производства по уголовным делам в военных судах, военных следственных органах и органах дознания Вооруженных Сил Российской Федерации. Анализируется понятие процессуальной формы, критерии ее дифференциации, включая особые правовые режимы, действующие в месте осуществления производства по уголовному делу. Представлены основания для дифференциации процессуальной формы военного уголовного судопроизводства. Такая необходимость обусловлена требованием готовности военных судов, военных следственных органов и органов дознания Во-

Abstract. The article is devoted to the question of whether there is a need for special regulation of the procedure for criminal proceedings in military courts, military investigative bodies and bodies of inquiry of the Armed Forces of the Russian Federation. The concept of procedural form, the criteria for its differentiation, including such a criterion as special legal regimes in force at the place of criminal proceedings, are analyzed in the article. The authors conclude that there are grounds for differentiating the procedural form of military criminal proceedings. This need is due to the requirement of the readiness of the military courts, military investigative bodies and bodies of inquiry of the Armed Forces of the Russian Federation to operate

оруженных Сил Российской Федерации действовать в условиях военного времени и боевой обстановки. Отмечается, что направлением дифференциации в данном случае должно выступать ускорение судопроизводства по уголовным делам.

Ключевые слова: военный уголовный процесс; дифференциация процессуальной формы; военные следственные органы; военные суды; военная прокуратура.

in wartime and combat conditions. It is noted that the direction of differentiation in this case should be the acceleration of criminal proceedings.

Keywords: military criminal proceedings; differentiation of the procedural form; military investigative bodies; military courts; military prosecutor's office.

В настоящее время военные суды, военные следственные органы и органы дознания Вооруженных Сил Российской Федерации применяют по уголовным делам, отнесенным к их подсудности и подследственности, общий порядок уголовного судопроизводства. «Уголовно-процессуальные нормы, – пишет В.И. Качалов, – в условиях Вооруженных Сил РФ действуют на тех же принципах, тех же условиях, что и повсеместно» [14].

Конечно, в законе предусмотрены некоторые особенности производства по уголовным делам в отношении военнослужащих, но их удельный вес настолько незначителен, что говорить о какой-то особой процессуальной форме деятельности военных судов, военных следственных органов и органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации в настоящее время не приходится. По сути, указанные особенности исчерпываются предписанием уведомлять командование воинской части о задержании подозреваемого, являющегося военнослужащим (ч. 2 ст. 96 УПК РФ), о его заключении под стражу, изменении места содержания под стражей (ч. 12 ст. 108 УПК РФ); наличием специальной меры пресечения – наблюдения командования воинской части (ст. 104 УПК РФ), а также особым порядком вызова военнослужащего на допрос через командование воинской части (ч. 5 ст. 188 УПК РФ).

Отсутствие особого процессуального порядка производства по уголовным делам в отношении военнослужащих и граждан, проходящих военные сборы, резко контрастирует с весьма развитой системой органов военных судов и военных следственных органов. Так, военные суды образуют в системе федеральных

судов общей юрисдикции самостоятельную и многоуровневую (от гарнизонных военных судов до кассационного военного суда) подсистему специальных судов. Предварительное расследование по уголовным делам в отношении военнослужащих и других лиц в соответствии с правилами подследственности производится военными следственными органами Следственного комитета Российской Федерации, а неотложные следственные действия по таким делам вправе производить начальники органов военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации, командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов.

Для того чтобы методологически верно подойти к решению вопроса о необходимости особой регламентации процессуального порядка производства по уголовным делам в военных судах, военных следственных органах и органах дознания Вооруженных Сил Российской Федерации¹, надо прежде всего понимать, что такой порядок есть ни что иное как дифференцированная форма уголовного судопроизводства. Однако есть ли основания для существования такой дифференцированной уголовно-процессуальной формы?

В юридической литературе дано множество определений уголовно-процессуальной формы, что объясняется ключевым

¹ Для обозначения имеющего особую процессуальную форму порядка уголовного судопроизводства в военных судах, военных следственных органах и органах дознания Вооруженных Сил Российской Федерации уместно использовать термины «военное уголовное судопроизводство» и «военно-уголовный процесс», которые широко употреблялись в военно-правовых исследованиях дореволюционного периода [21; 24].

для теории уголовного судопроизводства значением данной категории. Уголовно-процессуальная форма была определена М. А. Чельцовым как «установленный законом порядок производства отдельных процессуальных действий (или их совокупности)» [26]. По мнению М. Л. Якуба, процессуальный порядок уголовного судопроизводства «представляет собой совокупность установленных процессуальным законом условий, в которых проводится как эта деятельность в целом, так и каждое отдельное процессуальное действие (или комплекс таких действий) и принимается каждое решение по делу и которыми определяется связь и последовательность проводимых действий и принимаемых решений» [29]. Синтезирував указанные подходы, П.Ф. Пашкевич пришел к выводу, что процессуальная форма – это одновременно и порядок, и условия производства каждого отдельного процессуального действия, а также производства по уголовному делу в целом [19].

Очевидно, что уголовно-процессуальная форма является результатом уголовно-процессуальной регламентации, в связи с этим отдельные авторы акцентируют внимание на взаимосвязи процессуальной формы и процессуального права. В частности, отмечается, что «процессуальная форма есть внутренняя содержательная сторона процессуального права» [16]. По отношению же к уголовно-процессуальной деятельности процессуальная форма выступает как ее внешнее выражение [7].

Будучи системным образованием, уголовно-процессуальная форма включает множество элементов, вариативность которых обеспечивает возможность ее дифференциации. При этом вариативность элементов может выражаться в изменении как самого перечня таких элементов, так и в изменении их характеристик (например, изменение продолжительности процессуальных сроков) или содержания (изменение предмета доказывания, сокращение судебного следствия и т. п.).

Однако, как верно отмечают исследователи, далеко не любая особенность в производстве по уголовным делам свидетельствует о наличии дифференциации уголовного процесса [28]. В частности, некоторая вариативность элементов процессуальной формы производства по уго-

ловным делам в военных судах, военных следственных органах и органах дознания Вооруженных Сил Российской Федерации присутствует и в настоящее время, однако, как уже было сказано выше, удельный вес предусмотренных законом особенностей судопроизводства настолько незначителен, что не позволяет говорить о существовании самостоятельной дифференцированной формы военного уголовного судопроизводства.

«Вести речь о дифференциации, – справедливо отмечает Н.С. Манова, – можно только применительно к формам отдельных уголовно-процессуальных производств и только тогда, когда имеются *существенные* отличия в процедуре уголовно-процессуальной деятельности, которые определяют *качественное* отличие данной формы от других процессуальных форм этого же вида производства, и в конечном итоге ведут к конструированию *самостоятельной* процессуальной процедуры» [17]. При этом под процессуальным производством необходимо понимать комплекс последовательно производимых и взаимосвязанных процессуальных действий и решений, направленных на решение единой задачи (в ряде случаев, когда речь идет об основных производствах, эта задача совпадает с назначением уголовного судопроизводства), характеризующийся специфическим предметом доказывания, субъектным составом процессуальных правоотношений и условиями, в которых соответствующая деятельность осуществляется.

Специалисты в области уголовного судопроизводства обычно выделяют три вида процессуальных производств: основные, дополнительные и особые [27]. Существуют и более частные классификации, например, судебных производств, которые С. В. Бурмагин подразделяет на 1) судебные-контрольные; 2) по уголовным делам; 3) судебные-исполнительные [4]. Анализ содержания и соотношения отдельных видов производств выходит за рамки проводимого исследования. Отметим лишь, что под основными производствами следует понимать такие, в рамках которых происходит применение норм уголовного права: решаются вопросы о привлечении лица к уголовной ответственности по уголовному делу, поступившему в

суд с обвинительным заключением (актом или постановлением), либо о применении к лицу принудительной меры медицинского характера / принудительной меры воспитательного воздействия, а также о назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Другими словами, основными производствами являются *производства по уголовным делам* [3]. Именно в части основных производств уголовно-процессуальная форма в наибольшей степени подвержена дифференциации. Поэтому, затрагивая специфику производства по уголовным делам в военных судах, военных следственных органах и органах дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, необходимо ставить вопрос о допустимости и целесообразности дифференциации, прежде всего, основных процессуальных производств.

Общим местом в теории уголовного судопроизводства является решение вопроса о направлениях дифференциации уголовно-процессуальной формы по степени сложности процедуры, «измеряемой» как объемом процессуальной деятельности (ее продолжительностью и содержанием), необходимой для завершения производства, так и уровнем процессуальных гарантий, предоставляемых участвующим в уголовном процессе лицам. Ученые-процессуалисты единодушны в том, что существует три формы процессуальных производств: наряду с «обычным» или основным производством, являющимся своеобразным исходным пунктом дифференциации уголовно-процессуальной формы, выделяют также производство с более сложными процессуальными формами (усложненное производство) и упрощенное производство (в качестве синонимов для обозначения данной формы употребляют также термины «ускоренное производство» и «сокращенное производство» [15]). В юридических исследованиях, посвященных отдельным формам процессуальных производств, данная классификация получает свое дальнейшее развитие, так что, например, ускоренные досудебные производства подразделяются на общие, согласительные (компромиссные) и протокольные [6].

Необходимо отдавать себе отчет в том, что усложнение или упрощение уголовно-

процессуальной формы составляют вовсе не цель, но результат дифференциации, осуществляемой законодателем посредством изменения порядка осуществления процессуальной деятельности, исходя из объективных потребностей.

Ключевое значение для уголовно-процессуальной формы имеет такая характеристика, как эффективность, выражающаяся в ее способности обеспечить реализацию назначения уголовного судопроизводства. Другой, не менее значимой характеристикой, которой должна отвечать процессуальная форма, является оптимальность. Как уже отмечалось ранее одним из авторов, процессуальная форма является оптимальной, когда назначение уголовного судопроизводства достигается с минимально возможными затратами [10]. В этой связи для конструирования уголовно-процессуальной формы принципиальное значение приобретает учет законодателем объективных условий, в которых этой форме предстоит быть реализованной. Дифференциация уголовно-процессуальной формы, таким образом, есть ни что иное как адаптация процессуального порядка судопроизводства к реальным условиям, в которых осуществляется досудебное производство и судебное рассмотрение уголовных дел.

Объективный характер потребности в дифференциации уголовно-процессуальной формы требует от законодателя, во-первых, четкого установления факторов, которыми определяются «реальные условия» и где реализуется процессуальная форма, а во-вторых, адекватного учета этих факторов в конструкции уголовно-процессуальной формы. Значит, указанные факторы служат для законодателя основанием дифференциации процессуальной формы.

Обуславливающие дифференциацию уголовно-процессуальной формы факторы, которые в юридической литературе именуют также основаниями или критериями дифференциации, привлекают к себе большой интерес со стороны ученых-процессуалистов. Заметим, что мы также определили этот аспект как ключевой, ведь как уже было сказано выше, чтобы ответить на вопрос о необходимости особой регламентации военного уголовного процесса, необходимо выяснить, есть ли

основания для существования подобной дифференцированной уголовно-процессуальной формы.

Существует множество подходов как к определению перечня факторов, обуславливающих дифференциацию процессуальной формы, так и к их классификации. Рамки одной журнальной статьи не могут вместить даже краткий обзор основных точек зрения по этим вопросам. В этой связи мы ограничимся рассмотрением лишь отдельных факторов дифференциации, которые могут иметь значение для конструирования особого порядка военного уголовного судопроизводства, и выйдем ключевой из них.

В советской юридической науке необходимость дифференциации процессуальной формы связывалась, как правило, со свойствами уголовных дел. «Процессуальные формы, – писал М.Л. Якуб, – только тогда и могут отвечать своему назначению, если они строятся сообразно со свойствами отдельных категорий дел» [29]. Наиболее распространенным и потому основным фактором дифференциации процессуальной формы выступает категория преступления (*степень общественной опасности преступления*), именуемая также уголовно-правовым или материальным критерием. Этот фактор, несомненно, имеет решающее значение для конструирования как упрощенных, так и усложненных процессуальных форм. Однако такая «универсальность» не позволяет рассматривать его в качестве специфического основания дифференциации процессуальной формы судопроизводства в военных судах, военных следственных органах и органах дознания Вооруженных Сил Российской Федерации.

Той же степенью общности обладает фактор дифференциации процессуальной формы – *сложность* (раскрытия, расследования) преступления. В науке уголовного процесса этот критерий именуют то уголовно-процессуальным [27], то процессуально-криминалистическим [2], то формально-юридическим [25] основанием дифференциации процессуальной формы. Некоторые авторы отрицают включенность данного критерия в механизм процессуальной регламентации того или иного ускоренного досудебного производства, полагая, что сложность установ-

ления фактических обстоятельств дела определяется каждый раз по-разному [6]. На самом деле, этот критерий законодателем учитывается, в частности, при конструировании сокращенных форм судопроизводства (например, п. 1 ч. 1 ст. 226.1 УПК РФ).

Сложность преступления может снижаться также за счет позитивного посткриминального поведения подозреваемого, обвиняемого. В частности, законодатель связывает сокращение доказывания по уголовному делу с наличием обстоятельства, предусмотренного п. 2 ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ [23]. Соответственно, есть все основания для отнесения данного критерия к числу процессуально-криминалистических [18] и его рассмотрения в качестве составного элемента такого фактора дифференциации, как сложность (расследования, раскрытия) преступления. Вместе с тем, обращаясь к предмету нашего исследования, приходится констатировать, что данный критерий в силу его универсальности служить основанием для выделения дифференцированной процессуальной формы военного уголовного судопроизводства не может.

Как известно, ключевую роль в определении компетенции военных судов, военных следственных органов и органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации играет правовой статус подозреваемого, обвиняемого. В частности, исполнение лицом обязанностей военной службы или занятие им соответствующей должности служит в предусмотренных законом случаях основанием для расследования уголовных дел военными следственными органами [12]. Подсудность военных судов составляют также уголовные дела о преступлениях, совершенных военнослужащими и лицами, проходящими военные сборы, при условии, что преступление совершено в период прохождения военной службы или военных сборов [9]. С учетом этого закономерно встает вопрос, могут ли *особенности субъекта, в отношении которого осуществляется уголовное преследование*, выступать в качестве основания выделения дифференцированной формы военного уголовного судопроизводства.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве значение придается, прежде всего, таким признакам субъек-

екта, как его несовершеннолетие (глава 50 УПК РФ) и наличие у него психического заболевания (глава 51 УПК РФ). Должностное положение субъекта преступления в ряде случаев учитывается законодателем при конструировании отдельных процессуальных институтов – соответствующие особенности отражены в положениях главы 52 УПК РФ. В некоторых случаях такие особенности применяются и в отношении военнослужащих, но лишь на том основании, что они по должности отнесены ст. 447 УПК РФ к категориям лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам. Однако особенности порядка производства отдельных процессуальных действий и принятия некоторых процессуальных решений, которые предусмотрены главой 52 УПК РФ, не достигают такого объема, чтобы говорить о дифференциации уголовно-процессуальной формы.

Как показывает многолетняя практика военных следственных органов, военной прокуратуры и военных судов, в отношении военнослужащих и граждан, проходящих военные сборы, в настоящее время успешно применяется общий порядок уголовного судопроизводства. Соответственно, нет никакой необходимости в конструировании особой процессуальной формы производства по уголовным делам в отношении указанной категории лиц. На этом основании можно сделать вывод, что правовой статус военнослужащего и гражданина, проходящего военные сборы, сам по себе не является такой особенностью субъекта, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, которая бы сама по себе являлась достаточным фактором дифференциации уголовно-процессуальной формы.

Однако основания, требующие дифференциации уголовно-процессуальной формы производства в военных судах, военных следственных органах и органах дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, все же имеются. К числу объективных факторов, требующих учета при конструировании процессуальной формы военного уголовного судопроизводства, следует отнести *«особые правовые режимы, действующие в месте осуществления производства по уголовному делу»* [10]. В данном случае речь идет об осуществле-

нии уголовно-процессуальной деятельности в период действия военного положения.

Несмотря на то, что в большинстве исследований по уголовному процессу такое основание дифференциации даже не упоминается, представители науки военного права говорят о необходимости разработки уголовно-процессуального законодательства военного времени постоянно [1]. Как справедливо отмечает В.В. Калашников, «отсутствие должного законодательного регулирования судебной деятельности в условиях введения на территории страны специальных правовых режимов может привести к лихорадочному и стихийному росту нормативных правовых актов, наспех подготовленных и не отличающихся взвешенной и четкой проработкой, что неизбежно приведет к перегибам в правовом регулировании общественных отношений, растерянности и ошибкам правоприменителя, а принципы юридической ответственности превратятся лишь в декларативные предписания» [13]. Очевидно, что не только судебная деятельность, но и досудебное производство по уголовным делам в условиях военного времени должно иметь особую процессуальную форму, учитывающую реальную (в том числе боевую) обстановку, в которой предстоит применять уголовно-процессуальные нормы.

Система военных судов и военных следственных органов сформирована в нашей стране уже давно, и сделано это потому, что только эти органы в случае необходимости в состоянии действовать в военное время и в боевой обстановке [8; 11]. С учетом сказанного выглядит парадоксальным полное отсутствие особой процессуальной формы, которую военные суды, военные следственные органы и органы дознания Вооруженных Сил Российской Федерации могли бы применять при производстве по уголовным делам в этих особых условиях.

В юридической литературе обосновано отмечается, что «что в законодательстве военного времени важное место должны иметь положения уголовно-процессуального права, уменьшающие количество бюрократических процедур, увеличивающие процессуальную самостоятельность участников уголовного

судопроизводства, уменьшающие сроки совершения процессуальных действий» [22]. Иными словами, в боевой обстановке, препятствующей применению ординарного порядка судопроизводства, должны вводиться ускоренные процедуры расследования и судебного разрешения уголовных дел [5]. Такой подход давно известен как отечественному, так и зарубежному уголовно-процессуальному праву. Достаточно вспомнить особенности процедуры судопроизводства в предусмотренном Воинским уставом «скорорешительном суде», которому предписывалось действовать в условиях военного времени [20].

Изложенное приводит к выводу о необходимости дальнейшей дифференциации уголовно-процессуальной формы, оптимизированной к условиям военного времени и боевой обстановки. При этом направлением дифференциации в данном случае должно выступать ускорение судопроизводства по уголовным делам. Решение этой сложной задачи целесообразно начать с глубокого изучения истории военного уголовного судопроизводства, нормативных актов, регламентировавших производство по уголовным делам в период вооруженных конфликтов, а также обобщения правоприменительной практики военных судов и органов предварительного расследования в боевой обстановке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонова С. Н. О законодательном закреплении концептуальных особенностей осуществления военного правосудия как основополагающего совершенствования системы военной юстиции Российской Федерации // Развитие органов военной юстиции: материалы Международной научной конференции (12 октября 2018 г.) / под общ. ред. А. М. Багмета. – М., 2018. – С. 5–9.
2. Аширбекова М. Т. О критериях дифференциации форм дознания // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сб. ст. / общ. ред. и предисл. И. С. Дикарева. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2013. – С. 7–14.
3. Бурмагин С. В. Единство и дифференциация судебных производств в уголовном процессе // Единство и дифференциация досудебного и судебного производства в уголовном процессе: новые концептуальные подходы в свете наследия Великой Судебной Реформы: сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 155-летию Судебных Уставов 1864 г., приуроченной к 55-летию Юго-Западного государственного университета (14-15 ноября 2019 г.). – Курск, 2019. – С. 66–70.
4. Бурмагин С. В. Судебные производства в уголовном процессе: понятие и виды // Государство и право. – 2019. – № 2. – С. 146–159.
5. Военная юстиция России: история и современность / под общ. ред. В.В. Ершова, В.В. Хомчика, С.Н. Фридинского. – М.: Право, 2013. – 512 с.
6. Герасенков В.М. Модели ускоренного досудебного производства в российском уголовном процессе: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2020. – 232 с.
7. Гимазетдинов Д.Р. Уголовно-процессуальная форма и проблемы упрощенных производств: препринт. – Ижевск: Jus est, 2013. – 55 с.
8. Григорьев О.В. Российское законодательство о военном судопроизводстве // Военно-юридический журнал. – 2011. – № 8. – С. 2–5.
9. Дикарев И.С. Вопросы подсудности уголовных дел военным судам // Право в Вооруженных Силах. – 2020. – № 6. – С. 63–69.
10. Дикарев И. С. Дифференциация уголовно-процессуальной формы и факторы, ее обуславливающие // Российская юстиция. – 2013. – № 12. – С. 18–21.
11. Дикарев И. С. Об основаниях функционирования военных судов в судебной системе Российской Федерации // Российская юстиция. – 2020. – № 7. – С. 31–33.
12. Дикарев И. С. Специальная подсудственность военных следственных органов // Вестник военного права. – 2020. – № 1. – С. 44–49.
13. Калашников В. В. Деятельность военных судов в период мобилизации, в военное время и на территориях, где введено военное положение, нуждается в законодательном регулировании // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2010. – № 10. – С. 71–72.

14. Качалов В. И. Особенности применения норм уголовно-процессуального законодательства в условиях Вооруженных Сил РФ // Актуальные вопросы применения уголовно-процессуального законодательства в современных условиях: материалы научно-практической конференции. – М.: Военный университет, 2006. – С. 5–17.
15. Качалова О. В. Теоретические основы ускоренного производства в российском уголовном процессе: монография. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 208 с.
16. Лукьянова Е. Г. Теория процессуального права. – М.: НОРМА, 2003. – 240 с.
17. Манова Н. С. Предварительное и судебное производства: дифференциация форм: учебное пособие для вузов. – М.: Приор-издат, 2004. – 176 с.
18. Папков С. В. Понятие, сущность и значение дифференциации досудебного производства в расследовании преступлений, подследственных дознавателю пограничного органа // Военное право: электронное научное издание. – 2017. – № 4. – С. 161–169.
19. Пашкевич П. Ф. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. – М.: Юрид. лит., 1984. – 176 с.
20. Петроченков А. Я. Военные суды Российской Федерации: история и современность (к 90-летию образования военных трибуналов (военных судов)) // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2009. – № 1. – С. 8.
21. Плетнев В. Д. Основные принципы военно-уголовного процесса в связи с главными основаниями общего. – СПб.: типография В. Киршбаума, 1908. – 262 с.
22. Пономарева А. В. О необходимости разработки уголовного и уголовно-процессуального законодательства военного времени // Военное право: электронное научное издание. – 2017. – № 2. – С. 192–195.
23. Скобарева Е. А. Упрощенная форма досудебного производства по уголовному делу: вопросы теории, законодательства и практики: Дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2018. – 259 с.
24. Устимович М. П. Записки военного судопроизводства для юнкерских училищ. – СПб.: типография В. Безобразова и К°, 1865. – 196, VI с., 50 с. прил.
25. Цыганенко С. С. Общий и дифференцированные порядки уголовного судопроизводства: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2004. – 46 с.
26. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. 2-е изд., перераб. – М.: Госюриздат, 1951. – 510 с.
27. Якимович Ю. К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2015. – 168 с.
28. Якимович Ю. К., Ленский А. В., Трубникова Т. В. Дифференциация уголовного процесса / под ред. М. С. Свиридова. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. – 300 с.
29. Якуб М. Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. – М.: Юрид. лит., 1981. – 144 с.

УДК 343.983

Криминалистика
Военное право, военные проблемы
международного права

ДМИТРИЕВ Е.Г., ИЛЛАРИОНОВ М.Д.,
ШАПОВАЛОВ В.А.

DMITRIEV E.G., ILLARIONOV M.D.,
SHAPOVALOV V.A.

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ ПРИМЕНЕНИЯ ОЛЬФАКТОРНОГО МЕТОДА ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ

CRIMINAL PROCEDURE: CRIMINALISTICS

ON THE QUESTION OF THE USE OF THE OLFACTORY METHOD OF EXPERT RESEARCH
IN THE INVESTIGATION OF CRIMES BY MILITARY INVESTIGATIVE BODIES

Дмитриев Евгений Геннадьевич,
ФГКВОУ ВО «Военный университет»
Министерства обороны
Российской Федерации
E-mail: evg3366@yandex.ru

Dmitriev Evgeny Gennadievich,
«Military University»
Ministry of Defense of the
Russian Federation
E-mail: evg3366@yandex.ru

Илларионов Михаил Дмитриевич,
кандидат юридических наук
ФГКВОУ ВО «Военный университет»
Министерства обороны
Российской Федерации
E-mail: kriminalist.m@mail.ru

Illarionov Mikhail Dmitrievich,
PhD in Law
«Military University» Ministry
of Defense of the
Russian Federation
E-mail: kriminalist.m@mail.ru

Шаповалов Вячеслав Анатольевич,
кандидат юридических наук, доцент
ФГКВОУ ВО «Военный университет»
Министерства обороны
Российской Федерации
E-mail: v.a.shapovalov@yandex.ru

Shapovalov Vyacheslav Anatolyevich,
PhD in Law, Associate Professor
«Military University»
Ministry of Defense of the Russian Federation
E-mail: v.a.shapovalov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные вопросы применения ольфакторной экспертизы (экспертизы запаховых следов) при раскрытии и расследовании насильственных преступлений, совершенных в условиях неочевидности. Приведены примеры из практики военных следственных органов. На основе анализа практики

Annotation. The article considers the actual possibilities of using olfactory expertise (examination of smell traces) in the detection and investigation of violent crimes against the person in the conditions of non-evidence. Examples from the practice of military investigative bodies are given. Based on the analysis of the practice of establishing various circumstanc-

установления различных обстоятельств с помощью ольфакторного метода экспертного исследования и опыта раскрытия, расследования преступлений авторами предложены меры, направленные на повышение качества расследования преступлений как военными следственными органами, так и дознавателями органов военной полиции, в том числе «по горячим следам» в условиях вооруженных конфликтов.

Ключевые слова: запаховые следы; ольфакторная экспертиза; пахучие вещества пота и крови.

Раскрытие и расследование преступлений, совершенных военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации, других воинских формирований и органов представляет определённую сложность. Вышеуказанное обстоятельство обусловлено, в том числе недостаточным внедрением в практику современных методов, позволяющих работать со следами на месте происшествия и устанавливать обстоятельства идентификационного и иного характера. Одним из таких развивающихся методов, существенно повышающих эффективность раскрытия и расследования преступлений, является ольфакторный (от лат. *Olfactorius* – обонятельный) метод, который применяется в рамках экспертизы запаховых следов человека (ольфакторной экспертизы). Этот метод создан не только криминалистами, но и учеными из других областей знаний: биологии, медицины, психологии, кинологии. Основой ольфакторного метода (экспертизы запаховых следов человека) является одорология.

Одорология (от лат. *odor* – запах, и греческого *logos* – учение) – это учение о запахе человека и других материальных объектов: взрывчатых веществ, наркотических средств и иных, связанных с криминальным событием. Если для распознавания запаха неодушевленных объектов применим как инструментальный, так и кинологический одорологический метод, то для распознавания запаха человека доступен только последний [1]. Одорологический метод возник в рамках учения о запахе в нашей стране во второй половине XX в., его основателями были В. Безруков, А. Винберг, М. Майоров и Р. Тодоров

es with the help of olfactory expertise and experience in the detection and investigation of crimes, the authors propose measures to improve the quality of crime investigation by both military investigative bodies and military police interrogators, including «hot on the trail» in armed conflicts.

Keywords: odor traces, olfactory examination, odorous substances of sweat and blood.

[2]. Он прошел свое развитие от одорологической выборки, до одорологической экспертизы и развивается в настоящее время, трансформировавшись сначала в экспертизу запаховых следов человека, когда из запаховой смеси «чистых» объектов, научились выделять собственно запах человека и затем в современный ольфакторный метод экспертного исследования (ольфакторную экспертизу) более высокого качественного уровня, когда запах человека стали выделять из сложных объектов, подвергшихся гнилостным или иным изменениям.

Суть данного ольфакторного метода экспертного исследования заключается в изучении пахучих субстанций с использованием обоняния биодетектора-собаки как инструмента¹. Российские экспертные методики с использованием ольфакторного метода исследования созданы на классических научных концепциях постановки экспертного эксперимента и по своей достоверности результатов не уступают подобным исследованиям в зарубежной экспертной практике [3, с. 86–89].

Однако существует мнение отдельных ученых и практических работников, что результаты, полученные с использованием вышеуказанного метода в уголовном судопроизводстве, не могут считаться достоверными и применяться в процессе доказывания. Так, М.С. Строгович, рассматривая применение одорологического метода в процессе оперативно-розыскной деятельности, считал «здесь всё в поряд-

¹ Ольфакторное исследование – это метод анализа, основанный на применении обоняния живых организмов для изучения пахучих веществ.

ке», нравственный его характер не вызывает сомнений, даже когда собака «прямо указывает определенного человека, которого ищут». Если же применение одорологического метода производится в уголовном судопроизводстве при доказывании, то «здесь всё недопустимо, нетерпимо и оскорбительно» [4].

Кроме того, В.И. Шиканов и Н.Н. Тарнаев, высказываясь о результатах применения собаки-биодетектора при одорологической выборке в процессуальном аспекте, указывали, что применение служебно-розыскной собаки не должно рассматриваться в качестве доказательства» [5].

Адвокат из Ставропольского края Н. Гаспарян по уголовному делу, по которому его подзащитный Б., обвиняемый в разбое, судом в 2010 г. был признан виновным по совокупности доказательств, в том числе на основании данных ольфакторной экспертизы, выстроил позицию о недопустимости заключения указанной экспертизы, потому что «в качестве эксперта выступала собака». «Животное и установило, что запаховый след на шапке-маске, найденной на месте преступления, и запах подзащитного Б., у которого взяли кровь на анализ, совпадают, т.е. определило искомым объект среди проверяемых проб запаха, тем самым установив обстоятельство идентификационного характера, и на вполне официальном уровне решило судьбы людей» [6, с. 16–18].

Вместе с тем стоит согласиться с позицией В. А. Волынского, что вышеуказанная дискуссия – «а можно ли допросить собаку? коль скоро нельзя, значит это не доказательство» – бесплодна, так как при этом не берётся в расчёт стабильность действия собак, возможность повторения опытов с разными собаками и при изменяемых условиях, но с одним и тем же результатом. В ряде зарубежных стран возможности одорологии внедрены в практику раскрытия и расследования преступлений, а результаты одорологической выборки или экспертизы используются в качестве доказательств [7, с. 12–17].

По мнению В. Старовойтова, основная причина возможных ошибок при производстве вышеуказанной экспертизы кроется как раз в умении создать условия, при которых происходит восприятие пахнущих объектов биодетекторами, в пра-

вильной постановке экспериментов и интерпретации результатов [8].

А. И. Винберг и другие сторонники использования одорологического метода в доказывании неоднократно подчёркивали, что действие собаки подлежит оценке в совокупности с другими доказательствами, в конечном счёте, только «суд может в каждом конкретном случае решить вопрос о доказательствах, которые даёт криминалистическая одорология» [9].

Таким образом, допустимость применения одорологического (ольфакторного) метода при раскрытии и расследовании преступлений подтверждена научными исследованиями в области криминалистики и иных наук.

Использование вышеуказанного метода в отечественной практике в уголовном судопроизводстве кроме того стало возможным после определения экспертизы пахнущих следов в перечне судебных экспертиз как одного из шести видов биологических исследований тканей и выделений человека, выполняемых судебными экспертами органов внутренних дел России². 11 августа 2011 г. Председателем Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкиным было подписано указание № 8/208 «О совершенствовании организации использования запаховых следов человека при расследовании преступлений». В связи с этим следователи Следственного комитета Российской Федерации активизировали использование ольфакторного метода экспертных исследований в процессе формирования доказательственной базы по расследовавшимся уголовным делам.

Результаты ольфакторного исследования эффективно используют в своей практической деятельности следственные органы Следственного комитета Российской Федерации. Так, например, в 2019 г. только в ЭКЦ МВД России было назначено и проведено более 100 таких экспертиз. Примечательно, что результатами явились категоричные выводы экспертов о принадлежности запаховых следов, подвергавшихся исследованию, конкретному человеку. При этом в ряде случаев данные выводы не могут быть получены

² Приказ МВД России от 14 января 2005 г. № 21 «Об аттестации экспертов на право самостоятельного производства судебных экспертиз и о порядке пересмотра уровня их профессиональной подготовки».

с помощью других экспертных исследований, в том числе и при проведении молекулярно-генетической экспертизы, т. к. для успешного анализа ДНК-профиля человека необходимо наличие, например, в потожировых следах достаточного количества клеток одного субъекта, тогда как источниками запаховой информации об определённом человеке служат продукты межклеточного обмена, индивидуально-специфичные для каждого организма (полярные липиды), относящиеся к классу церамидов (сфинголипидов).

Вышеуказанные липиды определённо-го человека, участвующие в установлении ольфакторной индивидуальности субъекта, являются устойчивым и достаточным компонентом клеточной мембраны, присутствуя даже во внеклеточном биологическом материале, лишенном ДНК-структур [10, с. 293]. Значит, на уликах (орудиях преступления и других предметах), обнаруженных на месте происшествия, всегда имеются устойчивые данные, индивидуализирующие конкретного человека пахучие вещества, происходящие в результате достаточно интенсивного локального соприкосновения с открытыми поверхностями его кожи.

Кроме того, при совершении преступления при контакте преступника с потерпевшим пахучие компоненты от преступника переходят к потерпевшему, «растворяются» и удерживаются в течение определенного времени в потожировом веществе на поверхности и в порах кожных покровов потерпевшего до начала активных процессов разложения [11].

Высокая информативность ольфакторного метода исследования позволяет идентифицировать всех субъектов преступления по смешанным запаховым следам их пота и крови, используя при этом уникальное природное свойство крови впитывать и длительное время удерживать в своей структуре пахучие вещества, индивидуализирующие субъектов, которые контактировали с ней до высыхания. По данным экспертной практики, кровь сохраняет запах человека до 35 и более лет [12]. В данном случае происходит «консервация запаховых следов» (потожировых веществ) одних субъектов кровью других до ее высыхания. При этом необходимо учитывать, что высохшая кровь

не впитывает в себя новые запахи людей. Это обстоятельство даёт возможность экспертам, производящим ольфакторную экспертизу, формулировать в заключении категорические выводы идентификационного характера.

Об этом же свидетельствуют информационно-аналитические и методические данные Следственного комитета Российской Федерации: экспертиза запаховых следов человека наиболее часто назначалась следователями военных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации и была наиболее результативной по расследовавшимся уголовным делам о преступлениях против личности особой тяжести [13].

В ряде случаев ольфакторное исследование с высокой эффективностью позволило установить лиц, причастных к преступлениям, совершенным в условиях неочевидности 7-17 лет назад. При этом в экспертных исследованиях других видов с использованием тех же самых объектов результаты, позволяющие идентифицировать подозреваемых лиц, не были получены.

Вышеуказанное подтверждается следующими примерами из следственной и экспертной практики.

21 апреля 1997 г. в лесопарке в Красногорском районе Московской области были найдены человеческие останки, принадлежащие женщине, смерть которой наступила вследствие множественных травм головы. При расследовании уголовного дела была выдвинута версия о возможной причастности к совершению этого преступления военнослужащих войсковой части, дислоцированной в Красногорском районе. В апреле 1997 г. в ходе следственных действий на территории части была обнаружена и изъята одежда с пятнами крови (использовавшаяся для самовольных отлучек группой военнослужащих). Однако преступление не удалось раскрыть, и следствие было приостановлено. В 2014 г. уголовное дело было возобновлено и вышеуказанная одежда, куртка и джинсы с биологическими следами вещества похожего на кровь, направлены в судебно-экспертное учреждение. В качестве сравнительных образцов представлены образцы свернувшейся (засохшей) крови (полученные в 1997 г. и сохраненные на марлевых

салфетках), а также образцы крови подозреваемых из числа уволенных в запах военнослужащих. В результате произведенной судебной ольфакторной экспертизы запаховых следов человека, оставленных на проверяемых объектах (куртка и джинсы), были обнаружены в смеси со следами крови запаховые следы, принадлежащие подозреваемым и потерпевшей. Категоричные выводы экспертов о том, что запаховые следы подозреваемых в совершении преступления, обнаруженные на куртке и джинсах, принадлежат им и образовались в момент совершения преступления (более 17 лет назад), помогли следствию раскрыть данное преступление и предоставить суду неопровержимые доказательства их вины.

7 марта 2013 г. в одной из заброшенных казарм бывшего военного городка Центрального военного округа были обнаружены останки мужчины, который погиб в результате удушения. Останки находились внутри опорной колонны казармы. Труп был накрыт зимним армейским бушлатом и мешками из полипропиленового материала, сверху насыпан керамзит, рядом лежала лопата. В ходе следствия была выдвинута версия о том, что погибшим может являться военнослужащий одной из воинских частей соединения, числящийся самовольно оставившим в 2006 г. место службы рядовой Х. В ходе следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий были изъяты бушлат и лопата, а также удалось установить подозреваемого в совершении вышеуказанного преступления. Данным лицом оказался бывший сослуживец Х. рядовой В.

22.05.2014 у В. была получена кровь для дальнейшего изучения и выделения из неё запаха и производства сравнительного исследования с кровью и запахом, выделенным с изъятых ранее с места происшествия бушлата и лопаты. Военными следственными органами была назначена экспертиза запаховых следов человека. В результате экспертного исследования с применением ольфакторного метода с использованием специально обученных собак установлено, что в крови на бушлате и черенке лопаты имеются запаховые следы человека, которые происходили именно от подозреваемого гр-на В. (эталонным объектом для сравнительного исследования

послужили образцы его крови). Установлено, что он перемещал тело погибшего, удерживая за бушлат, а лопатой закапывал его. Следует отметить, что эти исследования с учетом давности следов стали уникальными, а категоричные выводы экспертов в заключении позволили органам предварительного расследования представить суду доказательства совершения преступления гр-на В.

Кроме крови, запах человека удерживается и в других биологических объектах, таких как сперма, простатический секрет, вагинальные выделения, выделения слизистых оболочек и др., в том числе на бесклеточном уровне.

Данное свойство указанных биологических сред активно применяется для получения доказательственной информации при раскрытии и расследовании преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности, в том числе преступлений прошлых лет.

Ольфакторная экспертиза по исследованию крови и других вышеуказанных биологических объектов, даже при их отсутствии, например, биологических веществ (спермы подозреваемого) в полости тела и на одежде потерпевших при изнасиловании или незначительном количестве выделений ДНК, или при наличии на вещественных доказательствах смеси биологического материала двух и более лиц даёт возможность выделить достаточное количество запаха человека и установить обстоятельства, имеющие значение по уголовному делу.

Рассмотрим вышеуказанное на примерах из следственной и экспертной практики.

10 мая 1998 г. в районе заброшенного здания в г. Уссурийск Приморского края неизвестным мужчиной были совершены насильственные действия сексуального характера в отношении гражданки О. Результаты генотипоскопической экспертизы по идентификации личности преступника были расценены как недостаточно информативные из-за незначительного количества генетического материала. В 2020 г. изъятые объекты, содержащие биологические вещества в виде вагинальных выделений потерпевшей О., были переданы в судебно-экспертное учреждение для проведения судебной экспертизы запахов-

вых следов человека, в результате которой был идентифицирован запах предполагаемого преступника.

13 сентября 2012 г. в районе пустыря поселка Новый Волоколамского района Московской области был найден труп несовершеннолетней К. с признаками насильственной смерти. В совершении этого преступления подозревался гражданин П., однако его причастность к совершению преступления доказать не представилось возможным, так как категоричные выводы по результатам молекулярно-генетической экспертизы получить было возможно. В 2018 г. уголовное дело в отношении гражданина П. было возобновлено, после того как по изъятому вагинальному генетическому материалу потерпевшей О. была проведена судебная ольфакторная экспертиза, результаты которой подтвердили причастность П. к совершенному преступлению.

В 2017-2018 гг. в ходе исследований, проведенных в ЭКЦ МВД России, было установлено, что идентифицирующие человека пахучие вещества можно выделить путем их химической экстракции с применением различных органических спиртов, хлороформа, с использованием специального оборудования. При этом указанная инновационная технология позволила существенно расширить перечень пригодных для ольфакторного анализа объектов.

Ранее в ходе осмотров мест происшествий изъятые вещественные доказательства со следами гниения, плесени в качестве объектов, как потенциально пригодные для экспертных исследований, на предмет идентификации конкретных лиц по их запахам следам военными следователями не рассматривались. О непригодности таких объектов для экспертного исследования обращалось внимание и на занятиях по дисциплине «криминалистика».

Благодаря разработанной сотрудниками ЭКЦ МВД России инновационной технологии эксперты смогли извлекать липидную фракцию из представленного биологического материала, полностью очищая и в разы усиливая концентрацию пахучих веществ. Более того, удалось избавиться от пахучих помех и получить качественные запаховые следы с ранее не пригодных для этого объектов. Примененный исследователями метод химиче-

ской экстракции запаховых следов смело можно назвать прорывом в экспертной практике исследования запаховых следов человека.

Впервые появилась возможность извлекать качественный и индивидуализирующий человека ольфакторный комплекс с гнилостно измененных, загрязненных объектов исследования, на которых не сохранились клеточные структуры. Эта методика позволила получать пробы из подногтевого содержимого жертв, смывов с их тел и из полостей организма погибших, выделять при этом липиды – вещества, которые сохраняют индивидуальный запах в организме человека (имеется примерно 400 липидов, из которых 13 индивидуальных).

Новые методики имеют существенный потенциал для дальнейшего развития и внедрения в следственную и экспертную практику. Указанное обстоятельство не может не интересовать следственные органы, особенно при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе против личности. Появление нового, на наш взгляд, революционного метода в практике исследований запаховых следов человека – это событие, которое можно поставить в один ряд с созданием дактилоскопии, исследованием генома человека. Если раньше запаховые следы лиц, причастных к совершению преступлений, выявлялись в трети ольфакторных идентификационных исследований, то с внедрением указанного метода химической экстракции это удастся сделать в 80-90 % случаев. Очевидно, что выделение липидов как группы веществ, отвечающей за индивидуальный запах человека, открывает новые перспективы для установления природы этих веществ [14, с. 186-190].

С внедрением названного способа появились новые возможности раскрытия и расследования преступлений прошлых лет, совершенных в условиях неочевидности. Не секрет, что исследование ДНК по уголовным делам этой категории зачастую не дает положительных результатов из-за факторов загрязнения различной природы, деградации клеточных ядер и невозможности исследования вследствие этого содержащихся в них хромосом.

В качестве наиболее показательных примеров можно привести назначенные

следственными органами и проведенные в 2019-2020 гг. в ЭКЦ МВД России экспертные исследования по ряду уголовных дел.

Особую сложность для расследования представляли преступления, сопряженных с попытками сокрытия тел потерпевших в воде.

В 2014 г. была изнасилована и убита 11-летняя девочка. Ее тело было обнаружено в реке через 1,5 месяца с момента исчезновения. Проведенными геномными экспертизами в трех экспертных подразделениях различных ведомств обнаружить биологические следы преступника не представилось возможным. После специальной очистки биологического материала, полученного с одежды, из подногтевого содержимого и полостей тела погибшей девочки проведенной в ходе судебной экспертизы запаховых следов человека был выявлен индивидуализирующий конкретного человека ольфакторный липидный комплекс, что позволило изобличить его в совершении жестокого преступления против ребенка.

Другим ярким примером являются результаты проведенной в 2020 г. ольфакторной экспертизы, которые помогли установить преступников, совершивших убийства двух бизнесменов и утопивших их тела. Из четверых проверявшихся на причастность к преступлению лиц запаховые следы двоих из них были обнаружены в выявленном и очищенном ольфакторном липидном комплексе с одежды потерпевших, трупы которых преступники упаковали в полиэтилен и утопили в реке за 6 месяцев до их обнаружения.

В марте 2021 г. Верховный Суд Республики Татарстан вынес приговор по уголовному делу об убийстве и попытке изнасилования гражданки Ф., совершенные в 2012 г. Её труп обнаружили в лесу недалеко от автодороги. Убийство оставалось нераскрытым восемь лет. Биологические образцы, изъятые из-под ногтей убитой, были тогда грамотно законсервированы. Спустя годы, уже после разработки нового метода исследований, сотрудники ЭКЦ МВД РФ выделили из них липиды одного из более тысячи проверявшихся на причастность к совершению преступлений мужчин [15].

Зачастую судебная экспертиза запаховых следов человека позволяет иден-

тифицировать конкретное лицо по его биологическим следам, в которых отсутствуют клеточные структуры, что не дает возможность провести геномную экспертизу.

В 2012 г. в Республике Башкортостан без вести пропал мужчина. Через два с лишним месяца в одной из лесопосадок было обнаружен его труп с множественными колото-резанными ранами. Одежда погибшего к тому времени подверглась гнилостным изменениям и покрылась плесенью. В ходе проведения генетической экспертизы из-за разрушения клеточных структур не удалось идентифицировать личность из числа проверявшихся на причастность к совершению преступления лиц. Однако появление плесени и гнилостных изменений не помешало ольфакторному исследованию с применением инновационного метода химической экстракции. Спустя 8 лет после обнаружения трупа на не пригодных для ДНК-исследования объектах выявлены запаховые следы лица, которое подозревалося в совершении убийства.

Следователям и экспертам известно, что при совершении насильственных преступлений против личности, как правило, на осматриваемых и исследуемых объектах образуются смешанные следы крови и пота, происходящие зачастую от преступников и потерпевших. Это обстоятельство существенно усложняет идентификацию фигурантов по делу с применением большинства биологических, включая геномные, методов экспертных исследований. Известно, что в большинстве случаев молекулярно-генетическая идентификация невозможна вследствие смешивания биологических следов разных лиц или недостаточного количества материала для генетического исследования. Многие следователи помнят чувство разочарования, когда читали в заключении геномной экспертизы слова «не представляется возможным».

Откровением для многих стал тот факт, что наличие на объектах исследований биологических следов, в которых смешались кровь или пот нескольких десятков человек и что зачастую не позволяло результативно провести исследование ДНК, в настоящее время не становится непреодолимым препятствием для идентификации конкретного лица при проведении

ольфакторной экспертизы. Более того, оказалось, что, как указывалось выше, сочетание на объекте следов пота одного или нескольких подозреваемых в смести или с наслоением следов крови пострадавшего способствует естественно обусловленной консервации запаховых следов преступника кровью потерпевшего. Выявленное природное свойство крови поглощать в себе до высыхания запаховые следы лиц, которые с ней контактировали, значительное время удерживать в своей структуре вещества, определяющие индивидуальность запаха человека, позволяет в ходе расследования преступлений идентифицировать подозреваемого спустя десятилетия. Пахучие вещества, происходящие от преступника, проникая в кровь потерпевшего и растворяясь в ней, связываются специфическим транспортным белком фибрином и после высыхания образуют сверхплотную структуру с каркасом из нитей указанного белка. Положительный результат экспертизы становится возможным при изъятии установленным порядком испачканной кровью или ее производными одежды потерпевших, ее высушивания без доступа солнечных лучей, грамотной упаковке и хранении вещественных доказательств.

Зачастую результаты применения ольфакторного экспертного метода позволяют решить задачу, которая недоступна геномному анализу. Например, это идентификация однойцовых близнецов. Проведение геномного исследования биологического материала не позволяет размежевать ДНК этих лиц. Названное же выше исследование – практически единственный способ, позволяющий решить эту задачу.

В 2000 г. в Ямало-Ненецком автономном округе в одном из домов были обнаружены тела женщины и ее малолетнего сына с признаками насильственной смерти. В совершении преступления подозревались однойцовые близнецы. Их генотипы совпадали с геномом, выявленным в биологических объектах, изъятых при исследовании трупа убитой женщины. Однако разграничить и индивидуализировать их ДНК не представилось возможным. Оба брата отрицали свою вину в совершении преступления. Каких-либо иных сведений для проверки их алиби, доказательств, по-

зволявших принять законное решение по делу, добыто тогда не было. Следователями до приостановления расследования по делу были грамотно изъяты, упакованы и сохранены срезы ногтевых пластин с рук погибшей, одежда женщины и ее сына, орудие убийства и полотенце, которым преступник вытер свои руки. Одновременно с этим были сохранены образцы биологического происхождения от обоих братьев. В ходе проведения через 19 лет после этого судебной ольфакторной экспертизы на сохраненных вещественных доказательствах выявлены запаховые следы, происходящие от одного из близнецов, что позволило установить конкретное лицо, совершившее преступление.

Несмотря на высокую эффективность ольфакторного метода исследований, необходимо иметь в виду, что в ходе ольфакторной и геномной экспертиз исследуются разные объекты, эти исследования не взаимообусловлены. Оба метода исследований могут лишь подтверждать, но не опровергать результаты друг друга.

С учетом развития ольфакторного метода исследований запаховых следов человека стоит отметить, что в настоящее время решается только идентификационная задача. В то же время следственные органы заинтересованы в получении ориентирующей информации для выдвижения поисковых версий. В этой связи полагаем возможным предложить группе разработчиков указанного метода обсудить вопрос о возможности его дальнейшего совершенствования в целях получения ориентирующей информации о личности лица, оставившего запаховые следы (например, его этническая принадлежность, пол, раса и пр.).

Положительно оценивая эффективность ольфакторных исследований запаховых следов человека, принимая во внимание внедрение в экспертную практику инновационного метода химической экстракции запаховых следов, полагаем возможным внести соответствующие коррективы в содержание преподаваемого учебного материала по теме «криминалистическая одорология».

Стоит отметить, что при проведении учебно-методических сборов старших следователей-криминалистов и руководителей криминалистических подразде-

лений военных следственных управлений окружного звена, которые на регулярной основе осуществляются Главным военным следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации, неоднократно приглашались сотрудники ЭКЦ МВД России, которые разрабатывали и внедряли в экспертную практику названный метод исследований. Получение знаний о возможностях исследований запаховых следов человека, освоение практических навыков по обнаружению, изъятию и сохранению таких следов способствовали раскрытию нескольких особо тяжких преступлений прошлых лет, о чем говорилось выше.

С учетом опыта работы территориальных и военных следственных органов по назначению ольфакторных исследований и использованию их результатов в процессе доказывания при расследовании преступлений, а также принимая во внимание перспективы развития указанного метода экспертных исследований, авторами предлагается обсудить вопрос о целесообразности и возможности расширения профиля экспертной деятельности 111-го Главного государственного центра судебно-медицинских и криминалистических экспертиз Министерства обороны Российской Федерации в части проведения ольфакторных исследований. Что касается подготовки биодетекторов – специально выведенных пород собак и их соответствующего обучения, представляется, что будет возможным решить эту задачу на базе Кинологического центра Минобороны России.

Реализация на практике указанных предложений позволила бы повысить качество расследования преступлений как военными следственными органами, так и дознавателями органов военной полиции, в том числе «по горячим следам» в условиях вооруженных конфликтов. Это, в первую очередь, относится к расследованию преступлений, совершенных членами различных незаконных вооруженных формирований в отношении местного населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Моисеева Т.Ф. Возможность выявления индивидуализирующих признаков в запаховых следах человека

инструментальными методами // Экспертная практика и новые методы исследования. – М.: ЭКЦ МВД РФ, 1993. – С. 1–6.

2. Безруков В.Р., Винберг А.И., Майоров М.О., Тодоров Р.О. Новое в криминалистике // Социалистическая законность. – 1965. – № 10. – С. 21–23.

3. Панфилов П.Б. Основные принципы обеспечения достоверности исследований запаховых следов человека с использованием собак-детекторов: учебное пособие. – М.: Юрлитинформ, 2007. – 264 с.

4. Строгович М.С. Криминалистическая одорология // Социалистическая законность. – 1972. – № 4. – С. 13–15.

5. Очкалов А.И., Кислицына И.Н. Проблема одорологического метода: возникновение проблемы и пути её решения. URL: <http://scienceforum.ru/2013/article/2013005534> (дата обращения: 01.05.2021).

6. Запаховые микроследы: криминалистическое значение, процессуальный статус, возможность исследования на идентичность: учебное пособие по спецкурсу «Расследование убийств» / Тарнаев Н.Н., Шиканов В.И. – Иркутск: Изд-во Иркут. Ун-та, 1974. – 82 с.

7. Бахин В.П., Шиканов В. И. Криминалистическое значение следов крови: Учеб. пособие. – Иркутск // Проблемы борьбы с преступностью. Труды Омской ВШМ и Иркутского университета. – Омск, Иркутск: Изд-во Ом. ВШММВД СССР, 1975. – С. 173–176.

8. Шмараева Е. Подозрительный запах. Что такое одорологическая экспертиза и можно ли ей доверять. URL: <https://zona/media/article/2017/28/04/science-smells> (дата обращения: 12.05.2021).

9. Волынский В.А. Криминалистическая техника: наука – техника – общество – человек / В.А. Волынский; Фонд содействия правоохран. органам «Закон и право». – М.: Закон и право, 2000. – 311 с.

10. Старовойтов В.И. Ошибки в судебной экспертизе следов пахнущих веществ пота и крови человека. URL: http://arbir.ru/articles/a_5092.htm (дата обращения: 01.05.2021).

11. Винберг А.И. Научные и правовые основания криминалистической одорологии // Труды ВНИИСЭ. – 1973. – № 5. – С. 32–33.

12. Панфилов П.Б., Панфилова З.Ю., Фиринова Ю.С. Выявление индивидуального запаха человека в форменных элементах его крови и искусственной культуральной среде RPMI 1640 & HEPES // Актуальные вопросы судебной медицины и экспертной практики – 2019: материалы Международного конгресса и научно-практической школы (17-19 апреля 2019 г.): тезисы докладов / под ред. В.А. Клевно. М.: Ассоциация Судебно-медицинских экспертов, 2019. – Т. 5. – № 15.

13. Панфилов П.Б., Панфилова З.Ю., Фиринова Ю.С. Кожные поверхности криминального трупа как возможный источник запаховой информации о преступнике: опыты ольфакторной экспертной лаборатории ЭКЦ МВД России // Актуальные вопросы судебной медицины и экспертной практики – 2018: материалы Международного конгресса и научно-практической школы (18-20 апреля 2018 г.): тезисы докладов / под ред. В.А. Клевно. М.: Ассоциация судебно-медицинских экспертов, 2018. – Т. 4. – № 1. – С. 129–131.

14. Панфилов П.Б., Панфилова З.Ю., Фиринова Ю.С. Новые возможности ольфакторного экспертного метода в исследовании объектов биологического происхождения: инициативные научные исследования и результаты их применения в экспертной практике // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 1 (88). – С. 105–113.

15. Панфилов П.Б. Использование запаховой информации при раскрытии и расследовании преступлений (на примере практики военных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации) // Вестник Главного управления криминалистики. – 2016. – № 5. – С. 10–13.

16. Панфилов П.Б. Основные принципы обеспечения достоверности исследований запаховых следов человека с использованием собак-детекторов в судебной экспертизе. – М.: Юрлитинформ, 2007. – 264 с.

17. Кириллова Р. Ошибки быть не может: В Татарстане убийцу нашли по запаху почти через десять лет // Вечерняя Казань. – 2021. – 12 марта.

УДК 346.7; 334.723

Военное право, военные проблемы
международного права

БАРКОВ А.В., МАРКЕЛОВ С.В.

BARKOV A.V., MARKELOV S.V.

ОСОБЕННОСТИ ИННОВАЦИОННО- ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ВОЕННО- ПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ США

MILITARY LAW, MILITARY PROBLEMS OF INTERNATIONAL LAW
FEATURES OF INNOVATION AND LEGAL SUPPORT OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP
IN THE US MILITARY-INDUSTRIAL COMPLEX

Барков Алексей Владимирович,

доктор юридических наук, профессор
ФГКВОУ ВО «Военный университет»
Министерства обороны
Российской Федерации,
Департамент правового регулирования
экономической деятельности
Финансового университета при
Правительстве Российской Федерации
E-mail: barkov_a_v@mail.ru

Barkov Alexey Vladimirovich,

Doctor of Law, Professor
«Military University» Ministry of Defense
of the Russian Federation,
Department of Legal Regulation
of Economic Activities of the Financial
University under the Government of the
Russian Federation
E-mail: barkov_a_v@mail.ru

Маркелов Сергей Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент
ФГКВОУ ВО «Военный университет»
Министерства обороны
Российской Федерации
E-mail: s.v.markelov@yandex.ru

Markelov Sergey Vladimirovich,

PhD in Law, Associate Professor
«Military University»
Ministry of Defense
of the Russian Federation
E-mail: s.v.markelov@yandex.ru

Аннотация. В статье обращается внимание на необходимость учета американского правоприменительного опыта обеспечения развития государственно-частного партнерства в военно-промышленном комплексе, основанного на оборонных инновациях. Одним из ключевых элементов партнерства является вовлечение малых инновационных предприятий в про-

Annotation. This article draws attention to the need to take into account the American law enforcement experience in ensuring the development of public-private partnerships in the military-industrial complex based on defense innovations. One of the key elements of the partnership is the involvement of small innovative enterprises in the program to improve the defense procurement system. Sci-

грамму по совершенствованию системы оборонных закупок. Формулируются научно-практические рекомендации по совершенствованию российского законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: инновационно-правовое обеспечение; государственно-частное партнерство; военно-промышленный комплекс США.

Следует признать, что оборонная промышленность в Соединенных Штатах Америки (далее – США), стимулируя стабильный инновационный рост, играет ведущую роль в развитии экономики, благодаря которой страна надежно удерживает статус сверхдержавы [9, с. 45-52]. В США этот сектор экономики, тесно связанный с электронной промышленностью, IT-технологиями, био и нанотехнологиями, характеризуется высочайшим уровнем наукоёмкости. По тратам на развитие военно-промышленного комплекса (далее – ВПК) (ОПК – в России), на которое выделяется половина (возможно, больше) федерального бюджета, страна занимает первое место в мире [11]. На 2020 г. военный бюджет составил рекордную сумму в 738 млрд. долларов [15]. США также является доминирующим партнером в Североатлантическом Альянсе, поскольку американский вклад в развитие НАТО наибольший, а доля расходов превышает 3,5 % от национального ВВП, тогда как согласно договору о расходах стран-членов блока на содержание альянса, страны должны тратить на оборону не менее 2 % [12].

Термин *военно-промышленный комплекс* (military-industrial complex) американского происхождения. Он был впервые употреблен американским президентом Дуайтом Д. Эйзенхауэром 17 января 1961 года во время прощального телевизионного обращения к американскому народу как предупреждение о возможных негативных последствиях растущей мощи ВПК, поскольку «потенциал катастрофического роста власти военного истеблишмента и крупной военной промышленности существует и будет сохраняться» [21], что, хотя и обусловлено вынужденной гонкой вооружения, «может привести к

entific and practical recommendations for improving Russian legislation in this area are formulated.

Keywords: innovation and legal support; public-private partnership; US military-industrial complex.

различным неуместным злоупотреблениям» [21]. Эйзенхауэр также рекомендовал сдерживать потребительские привычки в отношении окружающей среды. Известен его тезис: «Поскольку мы заглядываем в будущее общества, мы, вы и я, и наше правительство, должны избегать побуждения жить только сегодня, грабя, ради нашей собственной непринужденности и удобства, драгоценные ресурсы завтрашнего дня» [21], который является актуальным сегодня в контексте устойчивого развития ОПК и в России [22].

Вместе с тем, характеризуя особенности американской модели ГЧП в ВПК, нельзя не отметить, что стержнем этой конструкции и ключевым фактором ее развития является мощная инфраструктура оборонных инноваций. В настоящее время в соответствии с новой инициативой Министерства обороны США «Третьей компенсационной стратегией» (Third offset strategy) запущена программа по совершенствованию системы оборонных закупок Better Buying Power 3.0 (BBP-3.0 – Лучшая покупательная способность 3.0), проходящая под лозунгом: «Достижение конкурентных преимуществ через техническое совершенство и инновации» [17]. Новая усовершенствованная система оборонных закупок, призванная обеспечить технологическое превосходство США, в первую очередь над Китаем и Россией, расширяет конкурентоспособность и возможности PBL-проектов, сфокусированных на инновациях в военном деле, правовую основу которых по-прежнему составляет государственно-частное партнерство. Этот аспект опыта организации и реализации «BBP-3.0», использования прорывных военных технологий в производстве продукции двойного назначения в русле совершенствования российского

подхода к правовому обеспечению ГЧП в ОПК, несомненно, заслуживает особого внимания.

Изучение корректировки модели ГЧП в ОПК следует оценивать в контексте изменений приоритетов в стратегических взглядах Министерства обороны США, в первую очередь, в свете «Третьей компенсационной стратегии», нацеленной на обеспечение военного превосходства в XXI веке за счёт обесценивания технологического потенциала вероятных противников [1, с. 30]. Отмечается, что «Первая компенсационная стратегия» под названием «Новый взгляд», нацеленная на достижение превосходства над СССР в области ядерных вооружений, существовала в США в 1950-е годы при президенте Эйзенхауэре. «Вторая компенсационная стратегия», так называемая «Стратегия противовеся», разработанная министром обороны Гарольдом Брауном в конце 70-х годов в период холодной войны, заключалась в совмещении высокоточных вооружений и новых разведывательных систем для отражения потенциальной агрессии стран Организации Варшавского договора в Европе. В третьей стратегии «Стратегии смещения», объявленной главой Пентагона Чаксом Хейгелом в ноябре 2014 года, обращается внимание на пять вероятных угроз со стороны Китая, России, КНДР, Ирана и ИГИЛ. Вместе с тем уточняется, что «Third offset strategy» была специально разработана, для того чтобы противостоять военной мощи двух сверхдержав – Китая и России [5].

На протяжении последних десятилетий технологическое превосходство было основой военного доминирования США. Тем ни менее предположение о технологическом превосходстве США в качестве статус-кво в последние годы подвергалось сомнению со стороны экспертов, так как державы-конкуренты находили различные асимметричные возможности для противодействия традиционному военному преимуществу Соединенных Штатов. В связи с этим замысел третьей стратегии заключался не в победе над обладающим высокотехнологичным оружием вражескими вооруженными силами, а в том, чтобы убедить их в бессмысленности конвенциональной (без применения ОМП) войны с США [1, с. 32], в нейтрализации

преимущества Китая и России с помощью технологического прорыва, инноваций в военной сфере. Компенсационная стратегия представляет собой тип конкурентной стратегии, которая стремится сохранить преимущество над потенциальными противниками в течение длительных периодов времени при сохранении мира, где это возможно, отвечая на количественное превосходство смещением акцента на качество вооружения. Это стратегия заключается в компенсации количественной неполноценности в обычных силах с помощью оборонных инноваций [18].

Основным компонентом этой инициативы является не только формирование долгосрочной программы планирования приоритетных научных исследований, нацеленных на пять перспективных технологических областей, таких как робототехника, системная автономия, миниатюризация, большие данные и передовое производство, включая 3-D печать, но и стремление улучшить ГЧП военных с инновационными предприятиями частного сектора [18]. При этом ставка будет сделана не столько на традиционных партнеров по оборонным проектам, сколько на еще не попавшие в орбиту Министерства обороны США, перспективные малые инновационные предприятия и научные учреждения [18].

Следует подчеркнуть, что ставка на малые инновационные предприятия в программе по совершенствованию системы оборонных закупок Better Buying Power 3.0 является отличительной чертой ГЧП в инновационной сфере американского ВПК.

В США уже давно обратили внимание на то, что из 58 крупнейших изобретений XX века, 46 разработаны малыми предприятиями или индивидуальными предпринимателями [2], поэтому не случайно, что движущей силой революционных преобразований призвано выступить малое инновационное предпринимательство [2], интеллектуальную основу которого составляет мобильная, креативная, склонная к риску университетская молодежь [3, с. 134-140]. Без привлечения талантливых молодых умов невозможно было бы создание высокотехнологических стартапов Силиконовой долины, которые военное ведомство США рассматривает как инновационный плацдарм развития ВПК. За по-

следние десятилетия коммерциализация научных разработок, созданных в инновационном центре, не раз переворачивали традиционную обыденность, что превратило Долину в недостижимый образец для подражания большинства стран мира [10], делая малые научные предприятия чрезвычайно привлекательными для крупных инвесторов оборонной промышленности.

В Российской Федерации также проводится политика поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства как частных партнеров, участвующих в инновационных разработках, направленных на повышение обороноспособности государства. В Федеральном законе «О промышленной политике в Российской Федерации» в п.п. 8 п. 4. ст. 21 «Формирование и реализация промышленной политики в оборонно-промышленном комплексе» в качестве одного из приоритетных направлений этой политики заявлено «развитие субъектов малого и среднего предпринимательства в части разработки и создания инновационных технологий и производства высокотехнологичной продукции военного, специального и двойного назначения».

Одной из новелл Федерального закона «О промышленной политике в Российской Федерации» стало распространение в 2018 года сферы действия специального инвестиционного контракта (далее – СПИК), легализованного еще в 2015 году, на оборонную промышленность. В настоящее время СПИК признается эффективным инструментом ГЧП в ОПК, представляющим собой соглашение государства с инвесторами и нацеленным на стимулирование развития российского оборонного производства. По этому контракту инвестор обязуется осуществить инвестиции в создание, модернизацию или освоение оборонно-промышленного производства на территории Российской Федерации в обмен на неизменность налоговых условий. В качестве достоинств нововведений отмечается экспертами то, что для производителей, включенных в сводный реестр организаций ОПК, минимальный объем инвестиций в инвестиционный проект снижается с 3 миллиардов до 750 миллионов рублей [6].

Представляется, что для субъектов МСП достичь установленного минимального порога в 750 миллионов рублей будет

не по силам, так как одним из критериев малого предприятия, в соответствии с Федеральным законом № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» максимальная годовая выручка составляет 800 миллионов рублей. Для того чтобы малый предприниматель смог стать инвестором по СПИК, он всю годовую выручку должен вкладывать в инвестиционный проект, что вряд ли возможно. В связи с этим для реализации промышленной политики в ОПК, направленной, в том числе на поддержку инновационных малых предприятий, целесообразно снизить минимальный объем инвестиций в СПИК хотя бы до половины годовой максимальной выручки субъекта малого бизнеса – с 750 до 400 миллионов рублей. В связи с этим считаем необходимым внести в постановление Правительства РФ от 16 декабря 2017 г. № 1564 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам, касающимся специального инвестиционного контракта», в ст. 6 п. «Ж» «Правил заключения специальных инвестиционных контрактов» соответствующую корректировку.

США, учитывая инновационный потенциал «второй стратегии компенсации», ставший в конце XX века одним из ключевых факторов прогресса в интернете и мобильной связи, вычислительной технике и спутниковой навигации, надеются, что третья стратегия «достижения конкурентных преимуществ через техническое совершенство и инновации», с использованием возможностей активно разрабатываемого «искусственного интеллекта», произведет технологическую революцию не только в военной, но и во всех сферах мировой экономики [1, с. 31]. Курирует разработку новых технологий для использования в интересах вооруженных сил США специально образованный для этих целей в 1958 году департамент Defense Advanced Research Projects Agency (DARPA) – управление перспективных исследовательских проектов, подчиняющийся напрямую высшему руководству Министерства обороны США.

Среди прорывных проектов двойного назначения, поддержанных DARPA, эксперты называют такие, кажущиеся на первый взгляд фантастичными, которые

в недалеком будущем способны вновь изменить мир – от «плотоядных роботов», работающих на биомассе и не нуждающихся в традиционных источниках энергии, до межгалактического космического аппарата многоразового использования [4]. При этом дистанционно-управляемый, полностью роботизированный боевой корабль «Морской охотник» уже проходит испытания и в ближайшее время может быть поставлен на вооружение [16].

Для ускорения реализации новаторской стратегии в структуре центрального аппарата Пентагона дополнительно были сформированы: Экспериментальный блок по оборонным инновациям (Defense Innovation Unit Experimental – DIUx), Управление развития стратегических возможностей (Strategic Capabilities Office) и Комитет по оборонным инновациям (Defense Innovation Board – DIB) [14]. Не случайно, что для лучшей координации инновационного развития в военной сфере штаб-квартиры этих структурных подразделений, призванных осуществлять посреднические функции между Министерством обороны и малыми инновационными предприятиями, расположены в Силиконовой долине Калифорнии [1, с. 32-33].

Сегодня в поле зрения Пентагона находятся стартапы, основанные на исследованиях в области создания систем искусственного интеллекта и технологий автоматизации и нацеленные на разработку высокотехнологичных проектов, в первую очередь, пяти, выше отмеченных, заявленных в «Стратегии смещения» в качестве приоритетных.

В январе 2018 года Министерство обороны США объявило конкурс на премию в 1,5 млн. долларов для участников «Научно-исследовательской инициативы оборонного предприятия» (Defense Enterprise Science Initiative – DESI) – новой пилотной программы, направленной на поддержание сотрудничества между университетами и частным партнером, крупным инвестором, представителем оборонной промышленности, в области использования фундаментальных исследований [20]. Проекты, финансируемые программой DESI, имеющие двойное (военное и гражданское) назначение, призваны поддерживать университетские стартапы с целью поиска инновационных решений проблем

обороны и национальной безопасности.

В августе 2018 года были объявлены победители конкурса DESI. В результате Министерством обороны США было поддержано сотрудничество пяти команд [19]:

1) корпорации «Боинг» («Boeing Company» – крупнейшего производителя авиационной, космической техники) и Университета штата Аризона, совместно с Сиракузским университетом в инновационном проекте «POWER BEAMING» (Сила лучей), направленном на использование лазера в качестве источника беспроводной энергии и представляющем интерес для ВВС США (оружейные системы, беспилотные летательные аппараты, устройства связи и т. п. требуют расширения границ современных батарей и технологий накопления энергии);

2) корпорации «Нортроп Грумман» (Northrop Grumman – крупнейшего лидера в области электроники и информационных технологий, авиакосмической отрасли, судостроении) и Университета Дьюка совместно с Университетом Вашингтона в проекте «Антенны на основе метаматериалов» (материалов, имеющих уникальные свойства, не существующих в природе), направленном на улучшение аэродинамических свойств, уменьшение конструкции с более широким диапазоном частот и множество функций, таких как радар и связь в одном устройстве, представляющем интерес для ВМС и ВВС США (продвинутое человеко-машинное боевое взаимодействие);

3) корпорации «Visor Corp» (производителя модульных преобразователей энергии и систем питания) и Стэнфордского университета совместно с Калифорнийским университетом в проекте «Дистанционное зондирование», способном устранять космический мусор всех размеров и предотвращать столкновения с дорогостоящими активными спутниками, представляющем интерес для космических сил США;

4) компании «Skydio» (всемирно известного производителя беспилотников) и Стэнфордского университета в проекте «Высоко маневренные автономные беспилотные летательные аппараты», направленном на использование уникальных материалов, встречающихся в природе и искусственного интеллекта, для достиже-

ния сверх маневренности, и представляющим интерес для ВВС США;

5) ООО «ТЕРА-Принт» (LLC TERA-Print) – лидера в сфере коммерциализации нанотехнологий, и Северо-Западного университета в проекте «Мягкие активные композиты с внутренним зондированием, активацией и контролем», направленном на развитие химии и технологий, необходимых для создания этих композиционных мягких материалов с независимо активируемыми функциями и программируемыми трехмерными архитектурами, представляющим интерес для армии (ВВС, ВМС, Сухопутных войск) США.

Все эти корпорации занимают лидирующие позиции среди американских военно-промышленных компаний, а «Boeing Company» и «Northrop Grumman» входят в пятерку крупнейших мировых производителей оборонной продукции [13], основу коммерческого успеха которых составляет встраивание бизнеса в систему современных оборонных закупок. Поддерживаемые стартапы относятся к крупнейшим высокотехнологичным университетам, многие из которых являются базовыми в Силиконовой долине.

Таким образом, уникальной особенностью ГЧП в ВПК Соединенных Штатов является то, что наряду с частным инвестором, представителем бизнеса, в партнерских отношениях активное участие принимает гражданское общество, университеты, содействующие развитию созданных на их базе инновационных предприятий.

Примечательно, что государственная политика обеспечения реализации военной доктрины «стратегии достижения конкурентных преимуществ через техническое совершенство и инновации» окончательно трансформирует образовательную и научно-исследовательскую миссию университетов, превращая ее в предпринимательскую. На теоретическом уровне развитию этого процесса способствует формирование соответствующей идеологии, так называемой концепции «Предпринимательского университета», «Университета 3.0». Наиболее известной подобной концепцией является теория «тройной спирали» (Triple Helix), разработанная профессором Стэнфордского университета Г. Ицковицем в соавторстве с Л. Лейдесдорфом [7].

В теории «тройной спирали» наглядно отображается динамика взаимодействия университета, бизнеса и государства в инновационном развитии ВПК, на каждом этапе создания инновационного продукта, в котором «инновации рожают инновации». Инновационные университеты при поддержке бизнеса генерируют новые идеи, а инновационный продукт, имеющий двойное назначение, создаваемый малыми университетскими инновационными предприятиями, оказывается востребованным в оборонной промышленности, обеспечивая военное превосходство США, при этом коммерциализация продукта, дошедшего до потребителя, гарантирует высокий уровень жизни населения. Инновации двойного назначения при ведущей роли университета, наращивающего коммерциализацию своих исследований, как двигателя этой «тройной спирали», становятся выгодны всем сторонам партнерского соглашения [8, с. 5-10].

В настоящее время реализация этого эффективного американского подхода оказывает существенное влияние на развитие правового обеспечения партнерских отношений не только стран НАТО, трансформируя традиционное представление о двух принципиально различных моделях (британской и французской), унифицируя конструкции соглашений о ГЧП в ВПК, но и Китая, достигшего на основе опыта США невероятно высоких результатов. Несомненно, данный опыт может быть востребован и в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартенев В. И. США в поисках новых технологических основ военного превосходства: дилеммы «Третьей стратегии компенсации» // Вестник МГИМО-Университета. – 2016. – № 3 (48). – С. 30-42.
2. Виленский А. В. Стимулирование развития малого предпринимательства США // Economics: Yesterday, Today and Tomorrow. 2013. № 1–2. URL: <http://ru-90.ru/node/1497> (дата обращения: 27.04.2021).
3. Грибанов Г. В. Молодежное предпринимательство в России // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 7. – С. 134-140.

4. Десять проектов DARPA, о которых нужно знать всем. URL: <https://nlo-mir.ru/tech/36136-10-proektov-darpa-o-kotoryh-nuzhno-znat-vsem.html> (дата обращения: 27.04.2021).
5. Ёсикадзу Ватанабэ. Военная конкуренция США, России и Китая. URL: <https://inosmi.ru/military/20160229/235569386.html> (дата обращения: 02.05.2021).
6. Законопроект по механизму нового специнвестконтракта СПИК 2.0 согласован. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6215359> (дата обращения: 24.10.2021).
7. Ицковиц Г. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии / пер. с англ; под ред. А. Ф. Уварова. – Томск, 2010. – 238 с.
8. Ицковиц Г. Модель тройной спирали // Инновации. – 2011. – № 4. – С. 5-10.
9. Казанцев С.В. Значение оборонно-промышленного комплекса для подъема российской экономики // Финансовый журнал. – 2014. – № 1. – С. 45-52.
10. Калифорнийское чудо. Силиконовая долина превратилась в инновационный центр мира. URL: <https://nv.ua/publications/kalifornijskoe-chudo-silikonovaja-dolina-prevratilas-v-innovatsionnyj-tsentr-mira-69686.html> (дата обращения: 27.04.2021).
11. Кондратьев В.Б. Глобальная оборонная промышленность. URL: http://www.perspektivy.info/book/globalnaja_oboronnaja_promyshlennost_2013-04-24.htm (дата обращения: 02.05.2021).
12. Кравченко И. США и НАТО: кто для кого важнее? // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ssha-i-nato-kto-dlya-kogo-vazhnee/> (дата обращения: 02.05.2021).
13. Птичкин С. Откуда и «Боинга» крылья // URL: <https://rg.ru/2016/11/16/kak-ustroen-voenno-promyshlennyj-kompleks-ssha.html> (Дата обращения 27.04.2020); 10 крупнейших в мире военно-промышленных компаний. URL: <https://stp-info.ru/analitika/10-krupnejshih-v-mire-voenno-promyshlennyh-kompanij/> (дата обращения: 27.04.2021).
14. Рельсотроны Пентагона, как работает система оборонных инноваций. URL: <https://newsland.com/user/4297693453/content/reisotronypentagona-kak-rabotaet-sistema-oboronnykh-innovatsii/> / 5765771 (дата обращения: 27.04.2021).
15. Россия – главная угроза. Подписан военный бюджет США на 2020 год// URL: <https://topwar.ru/166060-rossija-glavnaja-ugroza-podpisan-voennyj-bjudzhet-ssha-na-2020-god.html>. (дата обращения: 02.05.2021).
16. Третья «компенсационная стратегия» Пентагона. URL: <https://cezarium.com/third-offset-strategy/>(дата обращения: 02.05.2021).
17. Better Buying Power 3.0. Achieving Dominant Capabilities through Technical Excellence and Innovation. URL: file:///C:/Users/User1/Desktop/США/США%20закупки%203/EH3_S5_Better_Buying_Power_3.0_v2_CLP.pdf (дата обращения: 02.05.2021).
18. Deputy secretary of defense speech. Reagan Defense Forum: The Third Offset Strategy. NOV. 7, 2015. As Delivered by Deputy Secretary of Defense Deputy Secretary of Defense Bob Work. Reagan Presidential Library, Simi Valley, CA. URL: <https://www.defense.gov/Newsroom/Speeches/Speech/Article/628246/reagan-defense-forum-the-third-offset-strategy/> (дата обращения: 02.05.2021).
19. DESI: Defense Enterprise Science Initiative: Accelerating impact through universityindustry partnerships. URL: <https://basicresearch.defense.gov/Programs/Defense-Enterprise-Science-Initiative/> (дата обращения: 27.04.2021).
20. DoD Announces Defense Enterprise Science Initiative to Support University Industry Basic Research. URL: <https://www.defense.gov/Newsroom/Releases/Release/Article/1407566/> (дата обращения: 27.04.2021).
21. Dwight D. Eisenhower. Farewell Address delivered 17 January 1961. URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/dwightdeisenhowerfarewell.html> (дата обращения: 02.05.2021).
22. President Eisenhower warns of military-industrial complex. URL: <https://www.history.com/this-day-in-history/eisenhower-warns-of-military-industrial-complex> (дата обращения: 02.05.2021).

БОБРОВА О.Г.

BOBROVA O.G.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАНИЦ: ВОЕННО-ПРАВОВОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

MILITARY LAW, MILITARY PROBLEMS OF INTERNATIONAL LAW
BORDER SECURITY: LEGAL AND ECONOMIC KEY ISSUES

Боброва Ольга Геннадьевна,

кандидат юридических наук
ФГКВОУ ВО «Военный университет»
Министерства обороны
Российской Федерации
E-mail: sushkoolga@mail.ru

Bobrova Olga Gennadievna,

PhD in Law
«Military University»
Ministry of Defense
of the Russian Federation
E-mail: sushkoolga@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты анализа правового регулирования сопряжения интеграционных процессов с участием России, в частности, сотрудничество в военной, политической (Организация Договора о коллективной безопасности, Содружество Независимых Государств) и экономической сферах (в рамках Евразийского экономического союза). Сформулирован вывод о роли такого сотрудничества в обеспечении безопасности государственных границ в условиях пандемии на путях международного сообщения. Особенно правового регулирования обеспечения безопасности государственных границ в рамках проведенного исследования рассмотрены в двух сферах: военно-экономической и внешнеэкономической.

Ключевые слова: внешние военные угрозы; обеспечение безопасности государственных границ; государственный контроль; пограничный контроль; государственная безопасность; экономическая безопасность.

Abstract. The article presents the results of the analysis of the legal regulation of Russia's cooperation in the military, political (the Collective Security Treaty Organization, the Commonwealth of Independent States) and economic spheres (within the framework of the Eurasian Economic Union) in the post-Soviet space. The conclusion is formulated about the role of such cooperation in ensuring the security of state borders on international transport routes, taking into account the development of digital transport corridors. The features of international multilateral cooperation of border services in the field of ensuring various types of security, including economic security, within the framework of the CSTO, the CIS, and the EAEU are revealed.

Keywords: external military threats; ensuring the security of state borders; state control; border control; state security; economic security.

Актуальность исследования военно-правового и экономических аспектов обеспечения безопасности государственных границ обусловлена следующими факторами:

1) внешнеполитическими: многомерность интеграционных процессов с участием России. Приоритетными «во внешних делах являются отношения с республиками бывшего СССР» [1]. Российская Федерация активно участвует в международном сотрудничестве на универсальном и региональном уровне: в рамках Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), Организации Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ), Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), Шанхайской организации сотрудничества (далее – ШОС). При этом сотрудничество России в военной, политической (ОДКБ, СНГ) и экономической сфере (в рамках ЕАЭС) обеспечивает «сопряжение многоуровневых интеграционных процессов на постсоветском пространстве» [2];

2) внешнеэкономическими: «политические и экономические антироссийские санкции предопределяют необходимость обеспечения безопасности России и развития интеграционных процессов со странами ЕАЭС. Важное значение при этом имеет деятельность контролирующих органов на границе» [3, с. 5];

3) международно-правовыми и военно-правовыми: в Стратегии коллективной безопасности ОДКБ на период до 2025 г. поименованы угрозы экономической безопасности. В соответствии со ст. 3, 4, 7 Устава ОДКБ для достижения целей Организации государства-члены взаимодействуют в сферах военно-технического (военно-экономического) сотрудничества. В целях реализации норм глав 2 и 3 Устава ОДКБ была принята Программа военно-экономического сотрудничества ОДКБ [4];

4) современными доктринальными подходами науки военного права и международного права: «изменяется понятие государственных границ, приоритетным становится понятие среды обитания, в которой оказывается государство. Сближение стран на постсоветском пространстве в современных условиях глобализации представляется необходимым фактором укрепления экономических и культурных связей, национальной и международной безопас-

ности» [5, с. 6]. М.А. Рыльская отмечает, что «в последнее время индикаторы уровня государственной безопасности Российской Федерации все чаще смещаются в область военной безопасности, сигнализируя о значительном повышении совокупности показателей воздействия внутренних и внешних угроз и опасности стабильности нашего государства» [6, с. 11].

Особенности правового регулирования обеспечения безопасности государственных границ в рамках проведенного исследования были рассмотрены на путях международного сообщения в контексте развития цифровых транспортных коридоров на евразийском пространстве и с учетом неблагоприятной эпидемиологической обстановки.

Сопряжение военно-правовых и экономических вопросов нашло отражение в стратегических документах ОДКБ. Так, в Стратегии коллективной безопасности ОДКБ на период до 2025 г., к современным вызовам и угрозам коллективной безопасности было отнесено «достижение в ряде случаев политических и экономических целей с использованием силы, в том числе экономического и информационного давления; практика вмешательства во внутренние дела государств» (раздел 3); политическая и социально-экономическая нестабильность в отдельных регионах, расположенных в непосредственной близости от границ государств-членов ОДКБ (п. 3.1). В сфере военной безопасности в качестве ответа на указанные угрозы предлагается содействие обеспечению коллективных интересов государств-участников ОДКБ посредством развития военно-технического и военно-экономического сотрудничества; достижения уровня взаимодействия оборонно-промышленных комплексов и экономической интеграции (п. 5.2) [7].

Достижение стратегической цели обеспечения коллективной безопасности ОДКБ осуществляется путем разработки и системной реализации комплекса взаимосвязанных политических, дипломатических, оборонных, экономических, информационных и иных мер, направленных на упреждение или снижение угроз коллективной безопасности ОДКБ (раздел 6).

Теоретические основы исследуемых вопросов освещены в трудах представи-

телей доктрины Военного права, которые рассматривают взаимосвязь обеспечения безопасности государственных границ, военной и экономической безопасности. Так, С. В. Грачев сформулировал авторское определение деятельности по обеспечению экономических интересов на путях международного сообщения (в пунктах пропуска через границу) как объекта правового регулирования, который представляет собой «систему организационных и исполнительно-распорядительных действий и мер, направленных на удовлетворение экономических потребностей личности, общества и государства во всестороннем развитии и на защиту их интересов от военных и иных угроз, проявляющихся на путях международного сообщения (в местах пропуска через границу), направленных на нанесение экономического ущерба».

По мнению С. В. Грачева, пограничные органы выполняют функции в обеспечении экономической безопасности государства на путях международного сообщения, которые объединены в две группы: противодействие военным и иным угрозам безопасности и удовлетворение экономических потребностей.

В противодействии военным и иным угрозам безопасности России на путях международного сообщения пограничные органы выполняют следующие функции:

- основную, заключающуюся в противодействии использованию путей международного сообщения международными террористическими и экстремистскими организациями, в борьбе с незаконной миграцией, в обеспечении суверенитета Российской Федерации;

- совместную, заключающуюся в противодействии незаконному перемещению через границу наркотических средств и психотропных средств;

- вспомогательную, заключающуюся в борьбе с правонарушениями в сфере внешней экономической деятельности» [8, с. 19].

Существенное влияние на указанную деятельность оказала пандемия covid-19. Государства-члены ОДКБ усматривают тесную взаимосвязь между неблагоприятной эпидемиологической обстановкой, сложной экономической ситуацией и обеспечением безопасности. Указан-

ная позиция нашла отражение в Заявлении Совета министров иностранных дел (далее – СМИД) ОДКБ о солидарности и взаимопомощи в борьбе с коронавирусной инфекцией (covid-19), 26 мая 2020 г. [9]. Государства-члены ОДКБ призвали всех участников мирового сообщества оставить в стороне политические и экономические разногласия и сотрудничать в соответствии с Уставом ООН, объединив усилия в борьбе с глобальным вызовом – covid-19.

Государства-члены ОДКБ предлагают следующие меры, объединяющие вопросы безопасности, торговли и мировой экономики:

- 1) обеспечение эффективных национальных мер защиты;

- 2) решение проблем на основе добрососедства, воздерживаясь от протекционистских и дискриминационных мер, несовместимых с правилами Всемирной торговой организации;

- 3) сотрудничество в устранении сбоев в международной торговле и неопределенности на мировых рынках в связи с пандемией, смягчение ущерба, причиненного мировой экономике в результате распространения covid-19, и содействие экономическому росту во всем мире.

Указанное Заявление Совета министров иностранных дел представляет несомненный интерес с точки зрения обозначенной в нем взаимосвязи безопасности, вопросов международной торговли и эпидемиологической обстановки. В контексте уставных целей ОДКБ Заявление СМИД можно рассматривать как начало новой парадигмы обеспечения безопасности, в том числе экономической, затрагивающей интересы государств в экономической сфере, которые обеспечиваются военным сотрудничеством.

Схожие вопросы обеспечения безопасности государственных границ и международной торговли в условиях пандемии являются предметом деятельности иных универсальных международных организаций. Всемирной таможенной организацией было принято коммюнике [10], в котором отмечалась роль таможенных администраций в содействии перемещению не только товаров, необходимых для борьбы с пандемией, но в целом грузов в рамках международной цепи поставок, а

также необходимости борьбы с нарушением таможенного законодательства.

Постоянный рост трансграничных потоков людей, товаров и транспортных средств предопределяет необходимость совершенствования организации безопасного пересечения государственной границы, поскольку это становится важнейшим фактором роста национальной экономики и ее конкурентоспособности.

Россия и Казахстан выступили в 2016 г. инициаторами формирования большого партнёрства в Евразии, в которое могли бы войти ЕАЭС, Китай, Индия, Пакистан, Иран и другие государства континента. В этой связи «геополитическое положение государств-членов ОДКБ приобретает важнейшее значение для континентальной евро-азиатской экономической интеграции. Развитие внутренних и международных транспортных сообщений становится важнейшей сферой деятельности России. От качества и безопасности «функционирования внутренних и международных транспортных коридоров зависит состояние и развитие промышленности, сельского хозяйства, обороны страны и экономики в целом» [11].

Меры, направленные на повышение пропускной способности пунктов пропуска на государственной границе России, отстают от реальных экономических и политических потребностей государства и обязательств перед зарубежными партнерами. Это обусловлено следующими факторами:

- ростом количества физических лиц, транспортных средств и грузов, перемещаемых через границу;

- исключительно ведомственным характером автоматизации отдельных служебных процессов государственных контролирующих органов, а не экосистемы пересечения государственной границы в целом;

- использование имеющейся, часто устаревшей инфраструктуры пунктов пропуска для решения новых задач в условиях пандемии, ограничительных мер, изменившегося характера международной торговли, становления ее цифровой парадигмы (трансграничной безбумажной торговли).

Практика организации перемещения физических лиц, товаров и транспортных

средств через государственные границы государств-членов ОДКБ свидетельствует о наличии следующих проблемных вопросов, отрицательно влияющих на обеспечение безопасности в пунктах пропуска на всей протяженности государственных и таможенных границ указанных государств:

- 1) недостаточный уровень информационного взаимодействия пограничных, таможенных и иных государственных контролирующих органов с учетом того, что таможенные органы аккумулируют значительную часть информации о предстоящем пресечении таможенной и государственной границы товарами, транспортными средствами и физическими лицами;

- 2) недостаточный уровень практики взаимодействия пограничных, таможенных и иных государственных контролирующих органов при анализе предварительной информации, представленной международными перевозчиками посредством электронного документа с использованием системы управления рисками для выявления физических лиц, товаров, транспортных средств с высокой степенью риска;

- 3) отсутствие унифицированного набора данных, предварительно подаваемых о физическом лице, товарах, транспортных средствах, которые готовятся к пересечению государственных и таможенных границ, обработка которого бы позволила выявлять риски в обеспечении безопасности (перемещение членов террористических группировок, наркотических средств, оружия, взрывчатых веществ, наличных денег и др.).

Указанные вопросы актуализируются в связи с развитием цифровых коридоров в евразийском пространстве, а также нарастающим количеством лиц, транспортных средств и товаров, пересекающих границы.

Представляется, что одним из путей решения указанных проблемных вопросов является разработка и принятие соответствующего модельного законодательного акта ОДКБ в виде рекомендаций по совершенствованию законодательства государств-членов ОДКБ в области взаимодействия контролирующих органов государств-членов в пунктах пропуска

через государственную границу. Целью рекомендации ОДКБ предлагается определить совершенствования правового регулирования взаимодействия контролирующих органов государств-членов ОДКБ в пунктах пропуска через государственную границу. Правовой основой указанного модельного акта могут стать нормы Права ЕАЭС об отслеживании транзитных перевозок товаров с использованием электронных навигационных пломб [12].

Модельный акт мог бы в основе своей иметь концепцию Скоординированного управления границей [13]. Ведущими международными организациями (ООН, Международной организацией гражданской авиации, Ассоциацией международного воздушного транспорта, Межправительственной организацией по международным железнодорожным перевозкам, Всемирной таможенной организацией) ранее разработаны правовые акты рекомендательного характера, определяющие подходы к организации обеспечения безопасности государственных границ с помощью информационного взаимодействия контролирующих органов. В указанной концепции использованы международные стандарты предоставления и обмена данными о физических лицах, товарах, транспортных средствах. Их предварительный автоматизированный анализ позволяет выявлять лиц, представляющих угрозу для национальной безопасности государств.

В качестве международно-правовой основы предлагаемой Концепции скоординированного управления границами государств-членов ОДКБ рекомендуется использовать следующие нормативно-правовые акты:

1. Международная конвенция о согласовании условий проведения контроля грузов на границах от 21 октября 1982 г. (56 стран-участниц). Целью Конвенции является упрощение движения товаров путем сокращения требований к осуществлению формальностей, сокращение числа и продолжительности контрольных мероприятий посредством координации процедур контроля и методов осуществления контрольных мероприятий.

Конвенцией предложены следующие практические меры по совершенствованию порядка перемещения через государственную границу:

- 1) развитие взаимного обмена информацией;

- 2) использование единообразных документов, соответствующих формуляру-образцу ООН;

- 3) странам с совместной сухопутной границей предлагается согласование расположения пограничных пунктов пропуска и режима их работы; согласование специализации пунктов пропуска и размещения соответствующих контролирующих служб; рассмотрение возможности использования совместных объектов инфраструктуры и (или) оборудования;

- 4) деятельность государственных органов на границе должна быть основана на принципе выборочности; упрощенного контроля на пограничных (передаточных) станциях; переноса отдельных видов контроля в пункты отправления и назначения; минимизации контроля транзитных товаров при соблюдении всех необходимых формальностей.

2. Соглашение об упрощении торговли Всемирной торговой организацией, 2014 г. (ст. 8 «Сотрудничество пограничных органов» на национальном и международном уровнях) [14]. Государства, имеющие общую границу, должны стремиться согласовать время и дни работы пунктов пропуска; проводимые контрольные процедуры и формальности; создавать и совместно использовать объекты инфраструктуры; проводить совместный контроль; организовать работу в пунктах контроля по принципу «одной остановки».

Зарубежный опыт скоординированного управления границами обширен и включает следующие примеры:

1. Интегрированное управление границами (англ. Integrated Border Management) в Европейском союзе [15], включающее внутриведомственное, межведомственное и международное.

2. План действий по созданию «умной границы» США-Канада (англ. U.S. – Canada Smart Border Action plan), предполагающий взаимный обмен данными (в том числе биометрическими) о пассажирах, иммигрантах и беженцах; координацию визовой политики и создание совместных баз данных; взаимное признание национальных стандартов безопасности аэропортов и воздушных транспортных средств, а также создание интеллектуальных транспортных систем.

3. Страны Азиатского региона развивают систему скоординированного управления границами под эгидой Экономической и социальной комиссии для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО) на основе внедрения единых стандартов обмена информацией между контролирующими органами на границе [16].

Проведенное исследование военно-правового и экономического аспектов обеспечения безопасности государственных границ позволило сформулировать следующие выводы:

1. В связи с осложнением международной обстановки, противодействием России путем подрыва ее военного и экономического потенциала актуальным является сотрудничество нашей страны с государствами евразийского пространства. В этой связи наблюдается сопряжение интеграционных процессов в военной, политической, экономической сферах (на примере деятельности ОДКБ, СНГ, ЕАЭС).

2. По признанию международных универсальных (ООН, ВОЗ, ВТО и др.) и региональных организаций (ОДКБ, ЕАЭС), пандемия covid-19 актуализировала различные виды угроз безопасности (экономической, продовольственной, лекарственной, террористической, военной) в их взаимосвязи.

3. Укрепление экономического и стратегического потенциала России и государств-членов ОДКБ возможно посредством развития евразийской интеграции. Одной из мер, способствующей извлечению максимальной выгоды из указанных процессов, является совершенствование работы пунктов пропуска через государственные границы с целью содействия развитию цифровых евразийских транспортных коридоров и развития внешнеэкономической деятельности.

4. ОДКБ целесообразно занять более активную позицию в выработке рекомендаций по скоординированному правлению государственными и таможенными границами, во взаимодействии контролирующими органами на границах (акт модельного законодательства) на основе международно-правовых актов и передового международного опыта.

5. Основной задачей разработки рекомендаций ОДКБ является создание условий для сближения законодатель-

ства государств-членов о режиме государственной границы. Представляется, что использование рекомендаций ОДКБ позволит повысить эффективность правового регулирования взаимодействия контролирующих органов, положительно скажется на их информационном обмене и, в конечном итоге, повысит уровень безопасности при пересечении границы физическими лицами, товарами, транспортными средствами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Совещание с постоянными членами России. 1 июня 2021 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/security-council/65718> (дата обращения: 1 июня 2021 г.).

2. Генеральный секретарь ОДКБ С. Зась 21 января в Москве принял участие во встрече Министра иностранных дел России Сергея Лаврова с послами государств-членов ОДКБ и стран-участниц СНГ URL: [https://odkb-csto.org/news/news_odkb/generalnyy-sekretar-odkb-stanislav-zas-21-yanvary-a-v-moskve-prinyal-uchastie-vo-vstreche-ministra-in/\(dataobrazheniya:1iyunya2021g.\)](https://odkb-csto.org/news/news_odkb/generalnyy-sekretar-odkb-stanislav-zas-21-yanvary-a-v-moskve-prinyal-uchastie-vo-vstreche-ministra-in/(dataobrazheniya:1iyunya2021g.))

3. Безопасность Российской Федерации в таможенной сфере: монография / Н.Г. Липатова, Ю.И. Сомов, Н.М. Кожуханов, О.Г. Боброва, А.Р. Гладков и др. / под ред. Н.Г. Липатовой. – М.: РИО Российской таможенной академии, 2019. – 192 с.

4. Состоялось заседание Рабочей группы по вопросам военно-экономического сотрудничества при Председателе Межгосударственной комиссии по военно-экономическому сотрудничеству ОДКБ. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/sostoyalos-zasedanie-rabochey-gruppy-po-voprosam-voenno-ekonomicheskogo-sotrudnichestva-pri-predseda (дата обращения: 1 июня 2021 г.).

5. Дамаскин О. В. Современные военные проблемы международного права и международной юрисдикции // Военное право. – 2017. – № 1. – С. 5-16.

6. Рыльская М. А. Военное право на современном этапе // Военное право в условиях современных вызовов и угроз: сборник материалов научно-практической конференции (31 марта 2021 г.). – М : ВУ, 2021. – 203 с.

7. О Стратегии коллективной

безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года: решение Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности от 14 октября 2016 г. Официальный сайт ОДКБ. URL: https://odkb-csto.org/documents/?PAGEN_1=2 (дата обращения: 11 мая 2021 г.).

8. Грачев С. В. Теоретико-правовые основы деятельности пограничных органов по обеспечению экономических интересов государства на путях международного сообщения и направления их развития: Дис. ... канд. юрид. наук. – М.: МПИ ФСБ, 2012. – 125 с.

9. Заявление СМВД ОДКБ о солидарности и взаимопомощи в борьбе с коронавирусной инфекцией (COVID-19), 26 мая 2020 года. URL: <https://odkb-csto.org/documents/statements/zayavlenie-smid-odkb-o-solidarnosti-i-vzaimopomoshchi-v-borbe-s-koronavirusnoy-infektsiey-covid-19-2/> (дата обращения: 10 мая 2021 г.).

10. WCO Communique regarding the Coronavirus (COVID-19). Режим доступа: URL: <http://www.wcoomd.org/en/topics/facilitation/activities-and-programmes/natural-disaster/coronavirus.aspx>. (дата обращения: 25 марта 2021 г.).

11. Актуальные вопросы правового регулирования обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации в условиях международных интеграционных процессов (на примере деятельности Организации Договора о коллективной безопасности): монография / И. А. Багдасарян, О. Г. Боброва, М. А. Рыльская, А. Ю. Кожанков. – М.: ВУ, 2021. – 116 с.

12. Об утверждении Плана мероприятий («дорожная карта») по развитию единой системы таможенного транзита товаров в Евразийском экономическом союзе на основе системы отслеживания транзитных перевозок товаров с использованием

электронных навигационных пломб: распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 21.02.2020 № 4. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/mihail-myasnikovich-«eek-stremitsya-zavershit-rabotu-nad-soglasheniem-po-navigatsionnym-plombam-k-oseni-2021-goda»/> (дата обращения: 29 июня 2021 г.).

13. Coordinated Border Management – An inclusive approach for connecting stakeholders. Message from the World Customs Organization/ 2015. Официальный сайт Всемирной таможенной организации. URL: http://www.wcoomd.org/-/media/wco/public/global/pdf/about-us/international-customs-day/2015/sg_message_icd_2015_en.pdf?db=web (дата обращения: 12 января 2021 г.).

14. WTO Agreement on Trade Facilitation. URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/legal_e.htm (дата обращения: 12 января 2021 г.).

15. Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the regions on the EU Security Union Strategy com/2020/605 final. 24th of July 2020. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/txt/?qid=1596452256370&uri=celex:52020dc0605> (дата обращения: 10 января 2021 г.).

16. Framework Agreement on Facilitation of Cross-border Paperless Trade in Asia and the Pacific. 72nd Session of the ESCAP as resolution E/ESCAP/RES/72/4. Официальный сайт UN Economic and Social Commission for Asia and the Pacific, ЭСКАТО. https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=X-20&chapter=10&clang=_en. (дата обращения: 13 сентября 2016 г.).

ВИНОКУРОВ А.Ю.

VINOKUROV A.Y.

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ ВОЕННЫХ ПРОКУРАТУР С УКЛОНЕНИЯМИ ОТ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ ПУТЕМ ЧЛЕНОВРЕДИТЕЛЬСТВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945 гг.)

MILITARY LAW, MILITARY PROBLEMS OF INTERNATIONAL LAW
ON THE QUESTION OF THE ORGANIZATION OF THE WORK OF MILITARY
PROSECUTOR'S OFFICES WITH EVASION OF MILITARY SERVICE BY SELF-HARM
IN THE YEARS THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941-1945)

Винокуров Александр Юрьевич,
доктор юридических наук, доцент
ФГКБОУ ВО «Военный университет»
Министерства обороны
Российской Федерации
E-mail: vestnik-vp@mail.ru

Vinokurov Alexander Yurievich,
Doctor of Law, Associate Professor
«Military University»
Ministry of Defense of the
Russian Federation
E-mail: vestnik-vp@mail.ru

Аннотация. В статье обращается внимание на организацию взаимодействия с военными советами, командованием объединений и соединений по вышеуказанным вопросам, приводятся примеры изобличения членовредителей в совершенных ими преступлениях. Рассматривается практика применения статей 12-13 ПоВП (1927) в период Великой Отечественной войны, исследуются способы уклонения от военной службы путем членовредительства.

Ключевые слова: уклонение от военной службы; членовредительство; Великая Отечественная война (1941-1945 гг.); организация взаимодействия; расследование преступлений против военной службы; назначение и проведение экспертиз; осмотр места происшествия; следственный эксперимент.

Annotation. The article deals with the organization of the work of military prosecutor's offices of divisions, corps and armies in the fight against evasion from military service, through self-harm during the Great Patriotic War. The issues of interaction with the military councils, the command of associations and formations on the above issues are disclosed, the investigative practice of military prosecutor's offices is analyzed, and examples of exposing members of the injured in the crimes committed by them are given.

Keywords: evasion of military service; self-mutilation; the Great Patriotic War; organization of interaction; investigation of crimes; appointment and conduct of examinations; inspection of the scene of the incident; investigative experiment.

В годы Великой Отечественной войны членовредительство было одним из наиболее распространенных преступлений наряду с дезертирством, хищением и разбазариванием государственного и военного имущества, преступлениями в отношении гражданского населения. Военными трибуналами за совершение членовредительства в действующей армии (1941-1945 гг.) было осуждено более 60000 военнослужащих.

Руководство Главной военной прокуратуры, осознав масштабность совершения этих преступлений и трудность борьбы с ними в районах ведения боевых действий и прифронтовой полосе, требовало от военных прокуроров организации должного взаимодействия с медицинскими учреждениями РККА с целью оперативного получения информации о военнослужащих, подозреваемых в совершении членовредительства. Военные прокуроры армий, поддерживая постоянную связь с руководителями военных госпиталей, обязывали военных прокуроров дивизий организовывать надлежащее взаимодействие с медицинским персоналом полковых медицинских пунктов, медицинских санитарных рот и медико-санитарных батальонов (далее – медсанбатов). Принятые меры позволили повысить эффективность выявления членовредителей, которые, пытаясь избежать уголовной ответственности, объясняли полученные ими ранения участием в боевых действиях.

Отдельными военнослужащими уклонение от военной службы путем членовредительства совершалось по предварительному сговору с группой лиц. Так, во время ожесточенных боев за город Д. в медсанбат с огнестрельным ранением кисти левой руки был доставлен рядовой штрафной роты Г. В это время в медсанбате находился военный следователь дивизии Г. И. Арзуманов, который получил информацию о том, что при осмотре раны рядового Г. следов близкого выстрела обнаружено не было, однако само расположение раны: входное пулевое отверстие находилось на поверхности ладони, не исключали возможности совершения им членовредительства. Необходимо отметить, что в 87 % от всех выявленных случаев членовредительства для причинения телесных повреждений использовалось огнестрельное оружие [1, с. 57].

В ходе беседы рядовой Г. не смог детально объяснить фактические обстоятельства, при которых он получил ранение, а также сообщить какие-либо конкретные сведения о боевых действиях штрафной роты в этот период времени, не сумел уверенно показать положение руки в момент ранения. Однако заявил военному следователю, что очевидцем его ранения был рядовой Н.

Г. И. Арзуманов установил, что рядовой штрафной роты Н. в один день с рядовым Г. получил огнестрельное ранение в ногу и находится на лечении в соседнем медсанбате.

Г. И. Арзуманов принял решение побеседовать с этим военнослужащим, однако дать какие-либо пояснения по существу заданных военным следователем вопросов рядовой Н. отказался, вел себя грубо и в категоричной форме требовал немедленной эвакуации в тыл. Его поведение усилило подозрение о вероятном совершении членовредительства. Возбудив уголовное дело, Г. И. Арзуманов тщательно продумал план проведения допроса, в ходе которого получил от рядового Г. признательные показания об обстоятельствах совершенного преступления.

Из показаний следовало, что командир штрафного отделения сержант С. в ходе боя задержал его в траншее противника и предложил троим военнослужащим Г., Н. и Д. уклониться от дальнейшего участия в боевых действиях. Вышеуказанные военнослужащие согласились с этим предложением. В целях реализации преступного замысла рядовой Г. выстрелил в сержанта с расстояния около 10 м, однако промахнулся, и пуля попала ему в голову. От полученных телесных повреждений сержант С. умер на месте совершения преступления. Затем рядовой Н. с дистанции 45 м прострелил руку рядовому Д., после чего рядовой Г. ранил рядового Н. в ногу, который затем выстрелил рядовому Г. в руку. В соответствии с предварительной договоренностью, чтобы не вызывать подозрения за получением медицинской помощи они обратились в разные медсанбаты.

Местонахождение раненого в руку рядового Д. было оперативно установлено и в ходе детального проведенного допроса он полностью признался в совершенном преступлении. На очной ставке с

служивцами рядовой Н. подтвердил их показания. Фактические обстоятельства совершенного военнотружущими штрафной роты членовредительства также подтверждались протоколами осмотра места происшествия и следственного эксперимента, а также заключением судебно-медицинского эксперта [2, с. 46-47].

На начальном этапе Великой Отечественной войны прокурорско-следственный состав военных прокуратур, медицинский персонал медико-санитарных рот и медсанбатов и полевых госпиталей особенно нуждался в специальных знаниях, которые помогали бы им выявлять членовредителей.

В связи с этим по инициативе Главной военной прокуратуры в 1942 г. были введены в действие новые инструкции по производству дознания в Красной Армии [3] и Военно-Морском Флоте [4], которые содержали необходимые методические указания по выявлению и дальнейшему расследованию фактов членовредительства.

При их составлении использовались научные труды советских ученых Н.А. Молодцова и А. А. Васильева, [5], а также монография М. И. Авдеева [6], в которой приводилась подробная судебно-медицинская характеристика членовредительств, совершаемых при помощи огнестрельного оружия, а также излагались другие способы членовредительств, получивших наибольшее распространение во время ведения боевых действий

Методическое обеспечение деятельности военных прокуратур по расследованию уклонений от военной службы путем членовредительства оказало свое положительное влияние на сокращение сроков расследования воинских преступлений данной категории, а также обеспечение качества предварительного следствия и дознания.

Мероприятия военных прокуратур по организации борьбы с членовредительством носили разноплановый характер и проводились с учётом сложившейся боевой обстановки, способа ведения боевых действий, конкретных обстоятельств совершенных преступлений, их распространенности. Изучая и обобщая данные о состоянии преступности, военные прокуроры армий докладывали результаты проведенного анализа на военных советах,

предлагая конкретные меры по борьбе с членовредительством.

Так, в сентябре 1941 г. военный совет 16-й армии на основании доклада военного прокурора принял постановление «О мерах борьбы с членовредительством в войсках армии». Постановлением предусматривалось проведение комплекса мероприятий, включающих проведение политико-воспитательной работы, усиление мер по разоблачению членовредителей на полковых медпунктах и в медсанбатах, организацию публичных судебных процессов в частях и т. д. Военный совет обязал командование и политические органы частей и соединений совместно с военными прокуратурами и военными трибуналами принять активное участие в выполнении запланированных мероприятий.

Необходимо также отметить, что военными прокурорами армий (корпусов) совместно с начальниками санитарных отделов армий проводились сборы командиров медсанбатов, начальников полевых госпиталей и старших врачей полков, на которых определялись врачи, ответственные за проведение судебно-медицинской экспертизы, заслушивались доклады судебных медицинских экспертов и военных следователей об опыте работы по разоблачению членовредителей.

Практика применения статей 12-13 ПоВП (1927) в период Великой Отечественной войны (1941-1945) показала, что ее конструкция полностью отвечает требованиям военного времени. За уклонение от военной службы, совершенное причинением себе какого-либо повреждения, симуляцию болезни, подлог документов, а также уклонение от военной службы путем «иног обмана» предусматривалась уголовная ответственность [7].

При этом судебная практика военных трибуналов в условиях обороны была более жесткой, чем в иных условиях ведения боевых действий. К членовредителям, как правило, применялась высшая мера наказания – расстрел. Приговоры после утверждения их командованием в установленном порядке приводились в исполнение перед строем личного состава воинской части или соединения.

Так, в октябре 1943 г. в одной из дивизий 5-й ударной армии во время тяжёлого наступательного боя было отмечено зна-

чительное увеличение случаев членовредительства среди солдат пополнения, не имевших опыта ведения боевых действий. Военной прокуратурой были незамедлительно приняты меры, направленные на пресечение этих преступлений.

Уголовные дела в отношении четырех военнослужащих, совершивших членовредительство, были расследованы в течение 12 часов, в тот же день они были осуждены военным трибуналом в открытых судебных заседаниях в расположении воинских частей, а затем расстреляны перед строем дивизии. Офицеры военной прокуратуры приняли участие в проведении воспитательной работы во всех частях дивизии, особое внимание обращая на работу с молодым пополнением. Резкий рост членовредительства в дивизии был быстро и эффективно остановлен.

Нередко армейские и фронтовые госпитали располагались в непосредственной близости от медсанбатов. Пользуясь этим, отдельные членовредители обращались за медицинской помощью непосредственно в госпиталь, минуя полковые медпункты и медсанбаты дивизий, в которых систематически работали военные следователи, выявляя среди раненых членовредителей. Наибольшее распространение подобные случаи получили во время блокады Ленинграда и боев за Севастополь. Эвакуация раненых и больных из госпиталей в глубокий тыл в силу ряда объективных причин практически не проводилась, и они были переполнены военнослужащими. Поэтому офицеры военных прокуратур в отдельное направление работы выделяли поиск и изобличение членовредителей, скрывающихся в госпиталях.

Так, военный прокурор 43-й армии обратился в военный совет с предложением о том, чтобы с пунктов первой медицинской помощи все военнослужащие, подозреваемые в членовредительстве, направлялись в один из ближайших к линии фронта госпиталей, в котором находились прошедшие специальную подготовку военные хирурги и военные следователи, имеющие практический опыт выявления членовредителей.

В военных прокуратурах армий практически по всем уголовным делам, расследовавшимся в подчиненных военных прокуратурах, велись наблюдательные

производства (далее – НП), облегчая осуществление прокурорского надзора за следствием. В НП сосредотачивались первичные донесения военного прокурора соединения о возбуждении уголовного дела, копии основных следственных постановлений и обвинительного заключения, окончательные донесения с копией приговора военного трибунала или постановления о прекращении уголовного дела. В необходимых случаях, используя сведения, содержащиеся в НП, военными прокурорами давались письменные или устные указания.

На постоянном контроле в прокуратурах армий находились вопросы дальнейшего повышения квалификации военных прокуроров и следователей. Практиковалась стажировка военных следователей соединений при военных прокуратурах армий. Ее продолжительность составляла, как правило, 10-15 дней. Однако эта форма повышения квалификации военных следователей получила широкое распространение только во второй половины войны, а в период с 1941 по 1942 гг. она практически не использовалась.

В обзорах и информационных письмах военных прокуратур армий обобщался опыт лучших прокуроров и следователей, которые затем рассылались в военные прокуратуры соединений для изучения. Когда позволяла боевая обстановка, проводились оперативные совещания военных прокуроров и следователей, а также учебно-методические конференции, на которых с лекциями и докладами по проблемным вопросам применения уголовного права, уголовного процесса и криминалистики выступали наиболее подготовленные прокурорско-следственные работники. Производился разбор наиболее сложных преступлений о членовредительстве, успешно расследованных военными следователями военных прокуратур дивизий и армий. Например, в военную прокуратуру дивизии поступило сообщение, что в медико-санитарную роту с травматической ампутацией правой кисти руки доставлен красноармеец Б. Его объяснение об обстоятельствах полученного ранения вызвали у врачей сомнения в их правдивости.

На допросе у военного следователя дивизии красноармеец Б. заявил, что ра-

нение руки было им получено в результате подрыва на mine при преодолении оставленного на местности противником проволочного заграждения. При проверке его показаний с выездом на место происшествия каких-либо следов взрыва мины обнаружено не было. Военнослужащие, находившиеся неподалеку от указанного места, на допросах показали, что в указанном Б. промежутке времени они взрыва не слышали.

На повторном допросе красноармеец Б. пояснил, что ошибся с определением места подрыва и готов исправить свою ошибку. При этом он указал на другой участок местности. Однако и в этом случае каких-либо следов взрыва мины обнаружено не было. Тогда Б. выдвинул версию, что получил ранение в тот момент, когда попытался глушить рыбу, однако граната случайно взорвалась в его руке. При осмотре участка, расположенного на краю небольшого оврага, военный следователь выявил нарушение целостности почвенного покрова с выбросом грунта. В образовавшейся воронке на глубине 5 см им были обнаружены и изъяты осколки ручной гранаты.

По заключению эксперта в данном случае имел место подрыв гранаты РГД-42. Взрыв произошел в тот момент, когда туловище Б. находилось вне зоны поражения. В противном случае ему были бы причинены ранения не только руки, но и других частей тела. Проведенным следственным экспериментом с участием специалистов было установлено, что травматическая ампутация правой кисти руки могла произойти только в том случае, если Б., укрывшись в овраге, поднял правую руку вверх в направлении взрыва.

Красноармейцу Б. было предъявлено обвинение по ст. 193-12 п. «а» УК РСФСР. Однако он продолжал настаивать на своей невинности, утверждая, что граната взорвалась в его руке случайно. Только при выполнении требований ст. 206 УПК РФ он дал признательные показания об фактических обстоятельствах совершенного им членовредительства, которые полностью совпали с выводами следствия и заключениями экспертов.

Следует отметить, что подавляющее большинство уголовных дел о членовредительстве расследовалось военными следователями военных прокуратур дивизий и корпусов в максимально короткие

сроки, и только небольшая часть дел принималась к производству военными следователями военных прокуратур армий. Одна из основных задач военных прокуратур армий состояла, прежде всего, в осуществлении руководства следствием в подчиненных военных прокуратурах.

Расследование совершенных преступлений в минимальные сроки сочеталось со строгим соблюдением уголовно-процессуальных норм. Всякое упрощенчество и неполнота следствия пресекались вышестоящими военными прокурорами. В своих указаниях военные прокуроры армий требовали, чтобы военные прокуроры соединений принимали непосредственное участие в производстве следственных действий, оказывали военным следователям практическую помощь, давали им конкретные указания в процессе расследования преступлений.

Все прекращенные в военных прокуратурах дивизий уголовные дела, в том числе в отношении военнослужащих, подозревавшихся в совершении членовредительства, изучались в военных прокуратурах армий. Затем обзоры с анализом наиболее характерных ошибок, допущенных военными следователями, рассылались для изучения в военные прокуратуры соединений.

Таким образом, организация работы с уклонениями военнослужащих от военной службы путем членовредительства в годы Великой Отечественной войны (1941-1945), в целом обеспечивала выполнение поставленных перед военными прокуратурами задач, способствовала поддержанию в воинских частях, соединениях и объединениях воинской дисциплины и правопорядка, высокого уровня боеспособности, оказывала положительное влияние на выполнение поставленных перед ними боевых задач по уничтожению противника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Главной военной прокуратуры. Наряд №15923. Д. № 321. – 85 с.
2. Следственная практика военных прокуратур Красной Армии: методическое пособие. Вып. 1. – М., 1945. – 68 с.
3. Инструкция органам дознания Красной Армии: приказ НКО СССР от 12 ноября 1942 г. № 357. – М., 1942. – 62 с.

4. Инструкция по производству дознания в Военно-Морском Флоте: приказ НК Военно-Морского Флота Союза ССР от 24 сентября 1942 г. № 262. – М., 1942. – 88 с.

5. Молодцов Н. А., Васильев А. А. Краткие указания по распознаванию некоторых видов членовредительства. – М., 1942. – 38 с.

6. Авдеев М. И. Членовредительство. – Ашхабад: ВЮА, 1942. – 164 с.

7. Кожемякин Б. А. Ответственность за уклонение от несения обязанностей военной службы путем членовредительства и иными способами: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1979. – 23 с.

ЗАКАЗНОВА А.Н.

ZAKAZNOVA A.N.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ СУИЦИДОВ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ (НА ПРИМЕРЕ ОПЫТА США И ИЗРАИЛЯ)

MILITARY LAW, MILITARY PROBLEMS OF INTERNATIONAL LAW
FOREIGN EXPERIENCE IN PREVENTING MILITARY SUICIDE (BASED
ON THE EXPERIENCE OF THE UNITED STATES AND ISRAEL)

Заказнова Алевтина Николаевна,
ФГКВОУ ВО «Военный университет»
Министерства обороны
Российской Федерации
E-mail: azakaznova@ya.ru

Zakaznova Alevtina Nikolaevna,
«Military University»
Ministry of Defense
of the Russian Federation
E-mail: azakaznova@ya.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению опыта предупреждения самоубийств военнослужащих армий США и Израиля на основании правовых актов, разработанных специально для предупреждения самоубийств в вооруженных силах этих стран («Стратегия предупреждения самоубийств 2012-2020», США («2012-2020 Army strategy for suicide prevention»); «Программа по предупреждению суицидов», Израиль («IDF Suicide Prevention Program»)).

Ключевые слова: самоубийство; суицид; армия; военнослужащие армии США; военнослужащие армии Израиля; программа; стратегия; предупреждение.

Abstract. The article is dedicated to the experience of suicide prevention in the US and Israeli armies on the basis of regulations developed specifically for the prevention of suicide in the Armed Forces of these countries («2012-2020 Army strategy for suicide prevention», USA; «IDF Suicide Prevention Program», Israel)

Keywords: suicide; army; US Army personnel; Israel Army personnel; program; strategy; prevention.

При определении развития системы профилактики самоубийств военнослужащих в Российской Федерации полезно изучение опыта борьбы с суицидами за рубежом. Служба в вооруженных силах как таковая в любой стране имеет ряд общих особенностей социально-демографического характера, которые позволяют про-

водить сравнительные исследования для решения тех или иных схожих проблем, в том числе по решению задач в сфере предупреждения самоубийств. Речь, конечно, не идет о «паркетных армиях», где количество военнослужащих исчисляется десятками или сотнями человек, а о вооруженных силах по численности и иным

критериям, сопоставимых с Вооруженными Силами Российской Федерации.

К общим признакам воинских коллективов относится замкнутость, деиндивидуализация и деперсонализация личности в процессе превращения ее в боевую единицу, а также особая (казарменная) эстетика воинского быта [1]; разрыв прежних социальных связей, строгая упорядоченность воинского общежития без права выбора места, времени и коллектива, высокая степень регламентированности взаимоотношений и жесткая иерархия военной организации [2]. Специалисты также выделяют критерий однополости воинского коллектива, который, несмотря на повышение процентного количества женщин, проходящих службу в Вооруженных Силах, не потерял своей актуальности для большинства армий.

В некоторых армиях создаются воинские части, где намеренно стираются какие-либо гендерные разграничения между военнослужащими. Примером такого подразделения является батальон израильской армии «Каракаль», где женщинами комплектуется до 70 % личного состава. При прохождении службы в этом подразделении намеренно не делается никаких различий между мужчинами и женщинами [7].

При анализе зарубежного опыта предупреждения самоубийств необходимо учитывать различия, которые могут иметь значение в формировании механизма суицидального поведения. К таким особенностям можно отнести различные социально-экономические и социокультурные особенности общества, уровень экономического развития страны, уровень образования, наличие или отсутствие господствующей идеологии или религии, а также иные факторы [5].

Таким образом, при отборе стран для изучения опыта предупреждения самоубийств следует учитывать такие факторы, как: численность, форма комплектования (исключительно призывная, исключительно добровольческая, смешанная); особенности гендерной политики при формировании вооруженных сил (наличие либо отсутствие призыва женщин на военную службу, наличие либо отсутствие женщин в строевых частях; совместное или раздельное несение службы мужчинами и женщинами). Имеет значение уровень фи-

нансирования вооруженных сил, условия для прохождения службы, активность использования вооруженных сил в конфликтах различной степени интенсивности и другие факторы. Принципиальным моментом является также наличие комплексного подхода к предупреждению самоубийств среди военнослужащих.

Исходя из этих критериев было отобрано две страны – США и Израиль. В каждой из этих стран создан свой механизм предупреждения суицидального поведения военнослужащих. Опыт США представляется интересным, так как численность вооруженных сил США сопоставима с численностью Вооруженных Сил Российской Федерации. В США сформирована стратегия предупреждения самоубийств военнослужащих.

При анализе опыта вооруженных сил США следует учитывать принципиальное отличие от Вооруженных Сил Российской Федерации – отсутствие принципа призывного комплектования в Соединенных Штатах. Кроме этого, имеются некоторые различия морально-этических норм, существующих в американском и российском обществе.

Опыт Израиля является полезным, так как Армия обороны Израиля (ЦАХАЛ) формируется по призывному принципу, она постоянно участвует в боевых операциях и столкновениях разной степени интенсивности. В Армии обороны Израиля имеется стратегия предупреждения самоубийств. При этом надо учитывать, что численность ЦАХАЛ меньше, чем Вооруженных Сил Российской Федерации.

Рассмотрим подробнее опыт США, при этом следует обратить внимание на данные военной статистики и сказать несколько слов об особенностях организации учета статистических данных.

В вооруженных силах США выделяется отдельно коэффициент суицидов в регулярных частях (СВ, ВВС, ВМС, КМП), в Национальной гвардии (Сухопутный войска национальной гвардии и ВВС национальной гвардии) и среди резервистов, находившихся на военной службе в момент суицида (СВ, ВВС, ВМС, КМП). При этом самоубийства резервистов, находившихся на момент суицида на действительной службе, учитываются отдельной строкой в разделе, посвященном самоубийствам в

том виде войск, к которому приписан резервист.

По состоянию на 2016 г., коэффициент самоубийств во всех компонентах вооруженных сил США в соответствии с докладом Министерства обороны США о самоубийствах за 2016 г. (The Department of Defense Suicide Event Report, 2016) составил 21,1 на 100 тыс. человек (275 суицидов). Как отмечают составители документа, данный коэффициент «соответствует среднему коэффициенту самоубийств в вооруженных силах в период с 2012 по 2015 гг. [14] (в 2011 г. он составлял 22,9, в 2010 г. - 21,7) [14]. Коэффициент в частях национальной гвардии (сухопутный и воздушный компонент) – 27,3. Среди резервистов, находившихся в момент суицида на действительной службе (СВ, ВВС, ВМС, КМП), – 22. Все эти показатели также сопоставимы с аналогичными показателями 2014 и 2015 гг.

Следует отметить, что все названные показатели превышают уровень самоубийств среди населения США в возрасте 17-59 лет, который, например, составил в 2015 г. 17,3 на 100 тыс. человек. Это свидетельствует об определенных недоработках в системе предупреждения самоубийств в вооруженных силах США.

Если рассматривать статистику по отдельным компонентам вооруженных сил США, то в регулярных частях Сухопутных войск (Армии) в 2016 г. коэффициент составил 26,7 (126 случаев), в Корпусе морской пехоты 2,1 (37 случаев), в ВВС – 19,4 (61 случай), в ВМС – 15,3 (50 случаев).

В Сухопутных войсках (Армии) США, в 2016 г. кроме вышеназванных, произошло 126 случаев самоубийств военнослужащих, 14 фактов суицида среди резервистов, находившихся на момент самоубийства на действительной службе. Таким образом, в общей сложности в Сухопутных войсках (включая призванных резервистов) было зафиксировано 140 суицидов.

За этот период в Сухопутных войсках, включая призванных резервистов, было зафиксировано 586 попыток суицидального поведения, из которых 561 была совершена впервые. Остальные были совершены военнослужащими во второй и последующие разы в течение года. 19,3 % военнослужащих до совершения самоубийства высказывались о своих намерениях. В основном они сообщали об этом

устно, в некоторых случаях отправляли электронные сообщения, делились информацией о своих намерениях с супругами и друзьями.

Основным средством совершения самоубийства в 67,9 % является огнестрельное оружие, при этом в 92,6 % случаев речь шла об использовании собственного легально приобретенного оружия. В остальных случаях было использовано служебное оружие, либо оружие, полученное «неустановленным путем». Вторым по частоте использования в качестве метода суицида является самоповешение – 24,3 %. Зафиксированы случаи отравления ядом, нанесение ран различными предметами и другие методы совершения суицида [14, с. 79].

Больше всего самоубийств (48,6 %) и попыток самоубийств (35,3%) было совершено в домах и квартирах по месту жительства, в казармах было совершено 19,3 % самоубийств и почти половина всех попыток [14, с. 86]. Это свидетельствует об эффективности алгоритмов и слаженности действий сослуживцев по оперативному вмешательству с целью воспрепятствования совершению суицида.

При анализе причин самоубийств были выделены следующие доминирующие факторы, хотя в некоторых случаях доминирующие факторы не были установлены, а именно:

- сложности в личной жизни – 40,7 %;
- проблемы правового или административного характера – 27,1 %;
- насилие различного рода, в том числе сексуальное – 12,1 %;
- самоубийство близких родственников, супруга/супруги – 5,7 %;
- смерть или болезнь близкого родственника – 3,6 %;
- финансовые трудности – 2,9 %.

В системе предупреждения самоубийств военнослужащих вооруженных сил США можно выделить два ключевых компонента – *нормативный* и *институциональный*. Первый определяет правовые основы деятельности по предупреждению самоубийств, второй регламентирует архитектуру институтов предупреждения самоубийств и их взаимодействие.

На нормативном уровне в числе ключевых документов можно выделить «Акт о предупреждении самоубийств военнослужащих Джекоба Секстона» («The Jacob

Sexton Military Suicide Prevention Act»). Примечательно, что Джекоб Секстон – это не автор документа (в американской традиции законопроекты, а вслед за ними и законы нередко называются по именам авторов). Акт был назван в память военнослужащего национальной гвардии, который совершил самоубийство в 2009 г.

Акт Джекоба Секстона предусматривает две ключевые задачи. Во-первых, он устанавливает, что в течение года все военнослужащие, находящиеся на действительной службе, а также военнослужащие, пребывающие в оперативном резерве, должны пройти проверку психологического состояния на предмет выявления лиц, нуждающихся в дополнительном медицинском обслуживании или дополнительной помощи. Кроме того, документ предусматривает, что результаты этих проверок должны быть представлены в парламент США. Акт Джекоба Секстона был введен в действие в 2014 г. [6].

Также на нормативном уровне можно выделить закон «О национальной обороне» – военном бюджете страны на фискальный год (National Defense Authorization Act). Документ определяет вопросы финансирования вооруженных сил США, в том числе и расходы, связанные с подготовкой личного состава, которая заключается, в том числе, в профилактике самоубийств [8].

В числе основных институциональных элементов системы предупреждения самоубийств в вооруженных силах США является Служба по предупреждению самоубийств (Defense Suicide Prevention Office – DSPO), которая была создана в 2011 г. и входит в структуру Министерства обороны США [17].

Служба отвечает за интеграцию всех имеющихся ресурсов для предупреждения суицидов и реабилитации суицидентов и является головным органом, работающим в данной сфере. Данное подразделение взаимодействует с различными службами Министерства обороны, государственными и негосударственными организациями, НКО и различными институтами гражданского общества.

В составе Службы действуют подразделения по сбору и анализу статистики, научным исследованиям, планированию и межведомственному взаимодействию.

Кроме этого, в Вооруженных силах США действует широкий спектр различных систем помощи, горячих линий, которые действуют как в виде традиционных каналов телефонной связи, так и в виде коммуникационных платформ интернета.

Факт взаимодействия нормативных и институциональных механизмов предупреждения суицидального поведения можно рассмотреть на примере программ предупреждения самоубийств, которые приняты на уровне видов вооруженных сил США. В частности, в Армии США (Сухопутных войсках) действует «Стратегия предупреждения самоубийств-2020» (2020, Army strategy for suicide prevention) (далее – Стратегия). Она была разработана в 2012 г. под девизом: «Здоровые войска – боеготовые войска (A Healthy Force is a Ready Force)» и представляет собой комплексный документ, касающийся конкретных действий, предпринимаемых различными структурами Сухопутных войск США, а также взаимодействию этих структур с гражданскими ведомствами, институтами гражданского общества с целью выявления и предупреждения суицидального поведения военнослужащих.

Стратегия выделяет три ключевых уровня предупреждения самоубийств [10, с. 86]: превенция (уровень рассчитан на всех военнослужащих); интервенция (уровень рассчитан на людей, чье поведение может свидетельствовать, что они находятся в группе повышенного риска и нуждаются в помощи); поственция (деятельность на этом уровне направлена на людей, которые уже пытались совершить самоубийство).

Эти три уровня отличаются друг от друга по плотности внимания и интенсивности работы различных элементов системы предупреждения суицидов в отношении конкретного военнослужащего. Наибольший объем работы в отношении военнослужащего требуется на уровне поственции, наименьший – превенции.

Для каждого уровня предусмотрен свой перечень субъектов предупреждения суицидального поведения. На первом уровне это сослуживцы, самый широкий спектр уполномоченных лиц, ответственных за предупреждение суицидального поведения (например, командиры подразделений и т. д.), а также семьи военнослужащих.

На втором уровне подключаются клинические и общественные службы поддержки, на третьем – лечебно-реабилитационные службы. При этом на каждом из уровней предусмотрено проведение различных научных исследований.

Стратегия предусматривает создание административной системы комплексного предупреждения самоубийств военнослужащих. В работу по предупреждению самоубийств должны включиться различные военные структуры, гражданские организации и общественные институты, в том числе, институты гражданского общества. К таким элементам относятся:

- командиры и непосредственные начальники;
- капелланы;
- консультанты Сухопутных войск по вопросам оказания срочной помощи (Army Emergency Relief);
- психологи Министерства обороны;
- военная полиция;
- семьи военнослужащих;
- работники программы защиты семьи (Family Advocacy Program);
- работники пунктов неотложной помощи и все службы психологической помощи;
- различные военные и гражданские «горячие линии» по оказанию экстренной психологической помощи, кризисные центры и пр.

Кроме собственно консолидации усилий по предупреждению самоубийств военнослужащих различных военных и гражданских структур, Стратегия предусматривает работу координационных структур на уровне командования Сухопутных войск, к которым относятся:

1. Оперативная группа СВ США по укреплению здоровья и снижению рисков (Army Health Promotion Risk Reduction Task Force).
2. Совет по укреплению здоровья и снижению рисков (Health Promotion Risk Reduction Council).
3. Управление по Укреплению здоровья и снижению рисков (Health Promotion Risk Reduction, HPRR).

К административным мерам также относится увеличение штата консультантов по психическому здоровью и борьбе со злоупотреблением психоактивными веществами, а также внедрение элементов психологической помощи в систему под-

держки всех бригадных тактических групп [10, с. 41]. Предлагается создание системы развитой дистанционной помощи, в которую входят кризисные горячие линии, действующие по каналам как телефонной связи, так и интернета.

Чрезвычайно интересным представляется пункт, который предусматривает вовлечение лиц, переживших попытку самоубийства, в работу по предупреждению самоубийств [10, с. 52].

Документ также предусматривает поддержку сотрудников служб медицинской помощи в случае смерти их пациентов от самоубийства. Такая поддержка должна быть нацелена на предупреждение потенциальных суицидальных интенций у лиц, оказывавших помощь. Еще одним пунктом стратегии является возможность вовлечения семей и других заинтересованных лиц во все эпизоды помощи лицам с суицидальным риском.

Стратегия предусматривает проведение различных кампаний, направленных на предупреждение самоубийств, в частности Месяц осведомленности о психологической помощи [10, с. 28] (Mental Health Awareness Month) и подобных акций. Также в рассматриваемом документе содержатся указания на применение конкретных терапевтических методик, которые могут оказаться эффективными при предупреждении самоубийств, таких как «План на жизнь». Данная методика предусматривает составление ежедневного плана на жизнь, в который включаются позитивные действия для развития самооценки и созданию отношений, а также стратегии для устранения самоподавляющего мышления.

Стратегия активно использует медиасреду для профилактики самоубийств. Предполагается использование сайтов, интерактивных образовательных и социальных сетей, электронной почты, блогов, мобильных приложений для смартфонов и планшетных компьютеров для решения задач по предупреждению самоубийств [10, с. 20].

Также Стратегия предписывает повышение уровня осведомленности военнослужащих о «настораживающих» признаках самоубийства и способах оказания помощи лицам в кризисной ситуации. Одним из элементов является создание

шаблонов (памяток) «Нужно знать» (Need to Know), «Что делать» (What to do) для командиров подразделений, капелланов, а также членов семей военнослужащих.

Стратегия предписывает, что в этих шаблонах (памятках) должна содержаться краткая и ясная информация по распознаванию симптомов самоубийства, а также необходимые сведения по предупреждению подобных интенций. Кроме того, в шаблонах (памятках) должна содержаться необходимая контактная информация для оповещения специалистов по профилактике суицидов [10, с. 23].

Кроме разработки шаблонов для широкого круга лиц, которые могут оказывать содействие в предупреждении суицидальных интенций, Стратегия предписывает создание протоколов и программы для врачей и руководителей клиник, сотрудников служб быстрого реагирования, кризисного штаба и других по осуществлению эффективных стратегий для коммуникации и совместной работы по предупреждению самоубийств.

Для обучения военнослужащих методикам выявления и предупреждения суицидального поведения разработана обучающая программа «Армия. СПС. Вмешательство в суицид» (Army ACE Suicide Intervention (ACE-SI)). (ACE расшифровывается как Ask, Care, and Escort, то есть: Спроси, Помогги, Сопроводи – СПС – *прим. автора*).

Данные курс рассчитан на три часа и предусматривает проведение лекций с использованием презентаций, а также распространение среди слушателей специальных карточек, в которых содержится информация, как выявить признаки формирования суицидальных интенций, как следует реагировать в зависимости от уровня готовности лиц к совершению суицидального поведения.

Стратегия касается проблемы случаев массовых суицидов. Речь идет о выделении «суицидальной инфекции» и «суицидальных кластеров» [10, с. 52]. При этом стратегия гармонизирована с Национальной стратегией по предупреждению самоубийств, которая была принята в США в 2001 г. Национальная стратегия описывает суицидальную инфекцию как процесс, посредством которого воздействие суицидального поведения через межличност-

ные контакты или СМИ может привести к росту суицидального поведения, особенно среди подростков и молодежи. Суицидальный кластер определяется как группа самоубийств или попыток самоубийства, или обоих событий, которые сгруппированы по времени или месту совершения.

Названная стратегия имеет свои положительные и отрицательные стороны.

Положительным аспектом Стратегии является, во-первых, комплексный подход к феномену самоубийств и консолидация как структур в рамках Сухопутных войск США, так и гражданских ведомств и общественных институтов. Гармонизация действий Сухопутных войск по предупреждению самоубийств с Национальной стратегией приводит к положительной динамике.

Значительное место уделено вопросам внутриведомственного и межведомственного взаимодействия – протоколы обмена данных, координация усилий и т. д. Происходит активное вовлечение семей военнослужащих в предупреждение случаев самоубийств; создается разветвленная система органов и специалистов, направленных на предупреждение самоубийств, – специалист психологической помощи на уровнях вплоть до ротного; вводится система предупреждения самоубийств на уровне бригадных тактических групп.

Во-вторых, сделан оправданный акцент на разработку практических мер по профилактике самоубийств. Речь идет о разработке практических методик по выявлению ранней профилактики и вмешательству (шаблоны, методички).

В-третьих, активное использование медиaprостранства для оказания дистанционной помощи лицам, находящимся в зоне риска развертывания механизма суицидального поведения. К традиционным элементам дистанционной помощи – горячим линиям – добавляются интернет-сайты и даже самые передовые схемы взаимодействия через интернет – социальные сети и приложения для смартфонов и планшетных компьютеров.

Справедливо отмечена корреляция между общим психологическим состоянием военнослужащих и склонностью к суицидальному поведению.

Значительное внимание уделяется предупреждению случаев применения

психоактивных препаратов, которые рассматриваются в Стратегии и как причины суицидального поведения, и как симптомы нестабильной работы психики, которая может привести к совершению самоубийства.

Перспективным представляется пункт о вовлечении лиц, совершивших суицидальные попытки к работе по предупреждению самоубийств. Это, с одной стороны, повышает уровень доверия к таким специалистам со стороны военнослужащих, склонных к самоубийству, с другой – примеры лиц, восстановившихся после попыток самоубийств, снижают уровень отторжения и стигматизации таких военнослужащих в воинском коллективе.

Наконец, в качестве еще одного положительного аспекта следует назвать факт отражения в Стратегии мер по предупреждению массовых самоубийств. Само по себе выделение «суицидальной инфекции» и «суицидальных кластеров», о которых говорилось выше, с одной стороны, представляет чрезвычайно интересные вопросы для теоретического исследования. С другой стороны, выявление и упоминание таких феноменов позволяет подготовить систему предупреждения самоубийств к адекватному реагированию на факты множественных самоубийств военнослужащих.

В то же время рассматриваемая Стратегия не лишена недостатков. Прежде всего, Стратегия концентрируется на мерах по предупреждению самоубийств, не останавливаясь подробно на исследовании их причин. Хотя при предупреждении конкретного самоубийства следует, прежде всего, приложить усилия для нейтрализации или ослабления причин, которые могут толкнуть военнослужащего к суициду. В частности, если речь о длительном психотравмирующем воздействии вследствие неуставных взаимоотношений, то первым шагом к предотвращению возможного самоубийства является прекращение случаев издевательств, а уже после этого речь идет об оказании психологической помощи военнослужащему.

В Стратегии слабо затронут криминологический компонент, хотя значение криминогенных проявлений в механизме суицидального поведения не следует уменьшать. В частности, по словам Е. А.

Моргуленко, «именно неуставные отношения в вооруженных силах достаточно часто являются одной из основных причин уклонения от военной службы и других преступлений, совершаемых военнослужащими, а также суицидальных проявлений в воинской среде» [4, с. 6]. С фактами «дедовщины» связывал высокий уровень суицидов И.М. Мацкевич. «Именно следствием "дедовщины" мы объясняем устойчивый высокий процент случаев уклонения от военной службы, а также многие случаи суицида особенно среди молодых военнослужащих, поскольку потерпевшие стараются скрыть факты издевательств в отношении них, т.к. не хотят подвергнуться социальному бойкоту со стороны остальных военнослужащих» [3, с. 290]

Обратимся к опыту Израиля. Там в 2005 г. Аппаратом начальника Генштаба ЦАХАЛ и Медицинским департаментом ЦАХАЛ была разработана Программа по предупреждению суицидов (IDF Suicide Prevention Program). Она начала внедряться в 2006 г. По данным из открытых источников, Программа обеспечила значительное снижение коэффициента самоубийств в вооруженных силах. Если в период с 1992 по 2005 гг. (включительно) коэффициент суицидов в ЦАХАЛ составлял в среднем 23 на 100 тыс. военнослужащих в год, то после внедрения Программы в период с 2006 по 2012 гг. он в среднем составил 11 на 100 тыс. военнослужащих, при этом в 2012 г. он снизился до рекордных 7 на 100 тыс. военнослужащих [16]

В Программе так же, как и во многих странах, выделяются как общие элементы причинного комплекса механизма суицидального поведения, так элементы причинного комплекса, связанные со спецификой военной службы.

К общим относят свойственную лицам призывного возраста эмоциональную нестабильность, а также процесс самоидентификации, состояние здоровья и иные. К особенным относят разрыв социальных связей, вызванный прохождением службы, особенности воинского общежития, постоянные физические нагрузки. При этом отдельно выделяются такие аспекты, как, например, изменение режима приема пищи и постоянный контакт военнослужащего с оружием. Вместе с тем менее чем в трети суицидов была установлена не-

посредственная связь между самоубийством с особенностями военной службы [16].

В рамках реализации программы предупреждения суицидов был использован метод так называемого «профайлинга», то есть составление профиля типичного солдата, склонного к самоубийству [13]. В профиле суицидента были учтены различные факторы, как связанные с военной службой, так и относящиеся к предыдущей жизни военнослужащего. Одним из элементов профиля суицидента был назван мужской пол. Здесь следует отметить, что разница между числом суицидов мужчин и женщин в ЦАХАЛ отличается не так значительно, как в других армиях мира – в Армии обороны Израиля, по данным исследований с 1974 по 2001 гг., мужчинами было совершено 60 % суицидов. Обычно в армиях мира число суицидов мужчин-военнослужащих и женщин-военнослужащих отличается в разы.

Средний возраст суицидента-военнослужащего 19-20 лет. Специалисты по профайлингу отметили, что, как правило, у суицидента хорошее состояние здоровья, высокие интеллектуальные способности, а также более высокая, чем в среднем мотивация к несению службы и ее прохождению в боевых частях.

Обычно суицидентом является военнослужащий первого года службы (служба в Израиле три года для мужчин и два года для женщин, кроме этого для репатриантов в Израиле предусмотрен сокращенный срок службы 6 месяцев, то есть фактически Курс молодого бойца).

По статистике, которая ведется в Армии обороны Израиля, чаще всего суициды происходят в декабре, реже – в октябре. Наиболее опасным с точки зрения суицидов днем является воскресенье (первый рабочий день в Израиле) [13].

Среди ключевых причин суицида израильские суицидологи выделяют физические нагрузки, длительное время бодрствования, тоска по дому, негативные события в личной жизни – смерть членов семьи, развод родителей и «несогласие с командованием» (disagreement with authority), данная причина обычно фиксируется среди офицеров [15].

Некоторые израильские ученые, в частности С. Borikov, предложили другую клас-

сификацию причин суицидального поведения [12]:

- психические расстройства;
- переживания и эмоциональная нестабильность, страх перед неудачей и волнения по поводу ресоциализации после демобилизации;
- особенности юного возраста (проблемы самореализации и самоактуализации, влюбленность);
- проблемы адаптации к военной службе;
- эмоциональное выгорание – недостаточная самооценка, стресс из-за особенностей военной службы.

Программа по предупреждению суицидов определяет несколько направлений работы по предупреждению самоубийств в ЦАХАЛ: административное, нормативное и образовательное, которое делится на подготовку военнослужащих к выявлению признаков развертывания механизма суицидального поведения у сослуживцев и на подготовку военнослужащих к противостоянию суицидальным интенциям у самих себя.

С точки зрения административных мер можно выделить создание специального постоянного комитета, взаимодействующего с военной полицией. Задачей комитета является сбор информации по каждому факту суицидального поведения.

Для подключения к решению этой проблемы возможностей всего израильского общества был создан общественный институт, задачей которого является консолидация научного сообщества и институтов гражданского общества для решения задачи по профилактике самоубийств среди военнослужащих.

Еще одним элементом системы предупреждения суицидов является единая система обмена данными о состоянии здоровья военнослужащих (в том числе, психического) между военными психологами, гражданскими врачами, командирами и семьями военнослужащих, в том числе, с активным использованием цифровых технологий. В ЦАХАЛ была внедрена система проведения оценок психологического состояния военнослужащих с выдачей рекомендаций в случае выявления военнослужащих, находящихся в зоне риска.

Военные психологи являются ключевым звеном в мониторинге суицидогенной

ситуации в Армии обороны Израиля. Их работа включает непосредственно работу с солдатами, командирами, которым они дают консультации по обнаружению признаков суицидального поведения солдат и обеспечению немедленного вмешательства. Военные психологи являются связующим звеном между военной и гражданской компонентой системы противодействия суицидам. Они постоянно и оперативно взаимодействуют со службами психологической и психиатрической помощи.

На нормативном уровне для противодействия суицидальному поведению были внесены поправки в различные уставные и регулятивные документы вооруженных сил, которые повысили меру ответственности командиров за состояние подчиненных. Кроме этого, были внесены изменения в нормативы, регламентирующие ношение оружия военнослужащими вне службы. Эти поправки сократили перечень обстоятельств, в которых военнослужащий ЦАХАЛ должен иметь при себе оружие. Данную норму следует воспринимать с учетом местной специфики – даже после внесенных поправок военнослужащие израильской армии довольно часто (например, по российским меркам) должны иметь оружие при себе.

Работа по психолого-педагогической подготовке командиров и военных психологов строится в соответствии с двумя взаимосвязанными ключевыми факторами: фактором времени и фактором личного состава. С точки зрения фактора времени речь идет о повышенном внимании к морально-психологическому состоянию военнослужащего во время первых шести месяцев. Израильские суицидологи обращают внимание на то, что в этот период новобранец испытывает последствия от изменения привычного стиля жизни: разрыв с домом, семьей и друзьями, жесткий режим питания и сна, перемены других обстоятельств жизни. Давление этих факторов приводит к тому, что порядка 38 % случаев суицида происходит в течение первых шести месяцев военной службы.

Вместе с тем существующая статистика указывает на повышенный риск развращения механизма суицидального поведения в шесть месяцев военной службы, предшествующих демобилизации. Это,

вероятно, связано со стрессом, который военнослужащие испытывают при ожидании возвращения в «гражданскую жизнь», реальными и мнимыми опасениями относительно их возможности полного восстановления прерванных социальных связей (трудности ресоциализации после демобилизации).

Фактор личного состава связан с повышением внимания к военнослужащим, которых можно отнести к лицам, находящимся в зоне риска: иммигрантам и представителям меньшинств (например, национальных – друзы, бедуины и т. д.). Исходя из необходимости учета фактора личного состава, была составлена дополнительная программа подготовки командиров.

Для подготовки военнослужащих действует психолого-педагогическая программа «Путь есть» («There is a Way»). Данная программа предусматривает подготовку солдат и командиров к обнаружению и фиксации симптомов психических заболеваний или чрезвычайного стресса у военнослужащих, обучает методам предупреждения негативных последствий. В рамках этой психолого-педагогической программы предусматривается проведение бесед с солдатами, а также различные техники по сбору и анализу информации, поступающей из различных источников, о состоянии военнослужащего.

Ключевым фактором программы «Путь есть» является построение диалога и взаимодействия по вопросу предупреждения суицидального поведения между солдатом и командиром. При этом и солдаты, и командиры должны быть готовы без каких-либо сомнений немедленно обратиться к военным психологам в случаях выявления признаков суицидального поведения у сослуживца или подчиненного. Программа предусматривает убеждение всех военнослужащих во взаимной ответственности за предупреждение случаев суицидального поведения друг друга.

Сильными сторонами Стратегии, принятой ЦАХАЛ, является опора на точные статистические исследования, которые позволяют учитывать различные, в том числе, второстепенные факторы при выполнении работы по предупреждению суицидов. Во-первых, учитываются сроки службы военнослужащих, наиболее подверженных риску суицидального поведе-

ния, времена года и дни недели. Во-вторых, крайне интересной является работа по созданию профиля военнослужащего-суицидента, который позволяет концентрировать усилия по превенции суицидального поведения на тех, кто в этом нуждается, и не «распылять силы». В-третьих, практика Израиля, в целом, идет в одном русле с практикой США по пути консолидации усилий не только военных служб, но и всего общества на предупреждении суицидов в вооруженных силах. Это единая система обмена данных между военными и гражданскими военными ведомствами и общественными организациями, занимающимися предупреждением самоубийств в вооруженных силах и т. д. В четвертых, следует обратить внимание на тезис о взаимной ответственности военнослужащих за недопущение суицидального поведения друг друга.

Об эффективности данной стратегии говорят уже приведенные выше статистические данные по значительному снижению количества самоубийств в ЦАХАЛ с момента внедрения Программы.

Однако следует отметить, что в Программе ЦАХАЛ так же, как и в Стратегии США, крайне мало внимания уделено криминологическим аспектам суицидального поведения военнослужащих, в частности взаимосвязи суицидального поведения и фактов насилия в вооруженных силах.

Анализ приведенного опыта позволяет сделать ряд выводов:

1. Некоторые институты, созданные за рубежом для предупреждения суицидов в вооруженных силах, вполне могут быть адаптированы для нужд Вооруженных Сил Российской Федерации с учетом российских реалий.

2. В нашей стране назрела острая необходимость консолидации всех исследований о причинах и мерах предупреждения в Вооруженных Силах РФ, в том числе для создания профиля военнослужащего-суицидента.

3. Необходима разработка комплексной стратегии предупреждения самоубийств в вооруженных силах с участием всех имеющих у государства и общества ресурсов. Эта стратегия должна содержать как подробный анализ ключевых причин самоубийств военнослужащих, так конкретные меры, принимаемые

на уровне вооруженных сил (вплоть до уровня отдельных подразделений), государства и общества по предупреждению самоубийств военнослужащих.

4. В рамках предлагаемой стратегии необходимо обратить пристальное внимание на исследование криминологических аспектов суицидального поведения и разработать эффективные механизмы по снижению их влияния.

5. Необходимо создание специального подразделения в вооруженных силах, которое должно заниматься исследованием причин и разработкой мер предупреждения самоубийств. Речь может идти о создании как координирующих органов на базе центрального аппарата Вооруженных Сил Российской Федерации, так и разветвленной сети специалистов, работающих на различных уровнях командования (вплоть до командования воинских объединений и соединений).

ЛИТЕРАТУРА

1. Крупнов И. В. Социально-психологические аспекты криминальной агрессии в воинском коллективе: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – 249 с.
2. Лукашев А. А. Проблемы виктимологической профилактики неуставных взаимоотношений между военнослужащими // Военно-юридический журнал. – 2013. – № 2. – С. 28–32.
3. Мацкевич И. М. Преступность военнослужащих (криминологические и социально-правовые проблемы): Дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2000. – 357 с.
4. Моргуленко Е. А. Причины и меры предупреждения нарушений уставных правил взаимоотношений военнослужащих при отсутствии между ними отношений подчиненности: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – 308 с.
5. Морев М. В. Социально-экономические и демографические аспекты суицидального поведения / М. В. Морев, А. А. Шабунова, К. А. Гулин / под ред. д.э.н. проф. В. А. Ильина. – Вологда: Ин-т социально-экономического развития территорий РАН, 2010. – 267 с.
6. «Акт о предупреждении самоубийств военнослужащих Джекоба Секстона» («The Jacob Sexton Military Suicide Prevention Act»). [Электронный ресурс] <https://www.donnelly.senate.gov/jacob-sexton-act>

7. Батальон израильской армии «Каракаль». [Электронный ресурс]: https://web.archive.org/web/20091114102140/http://www.mfa.gov.il/MFA/Israel%2Bbeyond%2Bpolitics/Integration_women_in_IDF-March_2009 (дата обращения: 19.02.2016).

8. Закон о национальной обороне — военном бюджете страны на фискальный год (National Defense Authorization Act). [Электронный ресурс]: https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW114publ328/html/PLAW_114publ328.htm (sec. 564) (дата обращения: 18.02.2016).

9. 2012 National Strategy for Suicide Prevention. [Электронный ресурс]: <http://www.surgeongeneral.gov/library/reports/national-strategy-suicide-prevention/full-report.pdf> (дата обращения: 16.02.2016).

10. 2020 Army strategy for suicide prevention. [Электронный ресурс]: http://connected.giveanhour.org/download/gotyourprofessionals/file/4325/0/2020%20Army%20Strategy%20for%20Suicide%20Prevention_1%20Oct%202012.pdf. (дата обращения: 15.02.2016).

11. Army Health Promotion. Risk Reduction and Suicide Prevention Report 2010. [Электронный ресурс]: <http://www.army.mil/article/42934/> (дата обращения: 10.02.2016).

12. Borkov C. Israel Defense Forces suicides between 94-74, Research Report, IDF Press unpublished Press (информация об этой работе приводится в статье

Leah Shelef¹, Lucian Laur, Eyal Fruchter // Characteristics of the suicidal soldier in the Israeli Defense Force-a review of literature [Электронный ресурс]: <https://disastermilitarymedicine.biomedcentral.com/track/pdf/10.1186/2054-314X-1-10> (дата обращения: 10.02.2016).

13. Characteristics of the suicidal soldier in the Israeli Defense Force-a review of literature. [Электронный ресурс]: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/28265425> (дата обращения: 10.02.2016).

14. Department of Defense Suicide Event Report (DoDSER) Data Quality Assessment. [Электронный ресурс]: <http://www.dodig.mil/pubs/documents/DODIG-2015-016.pdf> (дата обращения: 10.02.2016).

15. Shelef L., Laur L., Fruchter E. Characteristics of the suicidal soldier in the Israeli Defense Force-a review of literature [Электронный ресурс]: <https://disastermilitarymedicine.biomedcentral.com/track/pdf/10.1186/2054-314X-1-10> (дата обращения: 10.02.2016).

16. Suicide Prevention in the Israeli Military. [Электронный ресурс]: <https://www.sprc.org/news/suicide-prevention-israeli-military> (дата обращения: 16.02.2016).

17. Служба по предупреждению самоубийств (Defense Suicide Prevention Office-DSPO). [Электронный ресурс]: <https://www.dspo.mil> (дата обращения: 22.02.2016).

ПРИЛЕПСКИЙ В.Ю., ГЛАЗУНОВА И.В.

PRILEPSKIY V.Y., GLAZUNOVA I.V.

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СИСТЕМЫ ДОКУМЕНТОВ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ВОЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

MILITARY LAW, MILITARY PROBLEMS OF INTERNATIONAL LAW
ON IMPROVING THE SYSTEM OF STRATEGIC PLANNING DOCUMENTS
IN THE FIELD OF MILITARY CONSTRUCTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Прилепский Валерий Юрьевич,

кандидат политических наук, доцент
ФГКВОУ ВО «Военный университет»
Министерства обороны
Российской Федерации
E-mail: ghbktgcrfz.66@mail.ru

Prilepskiy Valery Yurievich,

PhD in Political Science, Associate Professor
«Military University»
Ministry of Defense
of the Russian Federation
E-mail: ghbktgcrfz.66@mail.ru

Глазунова Инесса Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент
ФГКВОУ ВО «Военный университет»
Министерства обороны
Российской Федерации
E-mail: ginesa@mail.ru

Glazunova Inessa Vladimirovna,

PhD in Law, Associate Professor
«Military University»
Ministry of Defense
of the Russian Federation
E-mail: ginesa@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена структура действующей системы документов стратегического планирования в области военного строительства в Российской Федерации; выявлены недостатки, предложен ряд перспективных мер (направлений) выстраивания системы руководящих документов в данной сфере.

Annotation. The article examines the structure of the current system of strategic planning documents in the field of military development in the Russian Federation; shortcomings were identified, a number of promising measures (directions) for building a system of governing documents in this area were proposed.

Ключевые слова: оборона; военная безопасность; военное строительство; стратегическое планирование; документ стратегического планирования; поручение.

Key words: defense; military security; military construction; strategic planning; strategic planning document; errand.

Результаты ранее проведенных исследований позволили сделать вывод об отсутствии в настоящее время единой нормативно закреплённой методики комплексной оценки норм права, отрасли законодательства, отдельных правовых институтов и актов. В качестве такой перспективной методики в работе был предложен комплексный правовой анализ в форме правового мониторинга [9]. Наличие подобного инструмента исследования актуализирует тему рассмотрения объекта его приложения, а именно: структуру системы документов и действующей нормативной правовой базы стратегического планирования в области военного строительства в Российской Федерации, анализу которой посвящена настоящая статья.

Нормативная правовая база стратегического планирования в области военного строительства в Российской Федерации является составной частью нормативной правовой базы стратегического планирования нашей страны. Без рассмотрения ее структуры невозможен качественный анализ предметной области исследования.

Как уже отмечалось, базовым нормативным правовым актом в области стратегического планирования является Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стра-

тегическом планировании в Российской Федерации» (далее – 172-ФЗ). Данный акт определяет правовые и методологические основы системы функционирования стратегического планирования в Российской Федерации как системы (рис. 1). Основой обеспечения устойчивости и эффективности такой системы выступает принцип единства методологии организации и функционирования системы стратегического планирования, единства порядка осуществления стратегического планирования и формирования отчетности о реализации документов стратегического планирования (п. 2 ст. 7).

Рассматриваемый федеральный закон определил в качестве стратегических 16 видов документов федерального уровня, 7 – регионального уровня и 5 видов – муниципального уровня. Перечень системообразующих документов стратегического планирования, содержащийся в 172-ФЗ, по сути, остается открытым, так как в него на федеральном уровне могут включаться «иные документы стратегического планирования <...>, решение о разработке которых принято Президентом Российской Федерации или Правительством Российской Федерации» (п. 4.3 ст. 19), а также документы, введенные на федеральном и

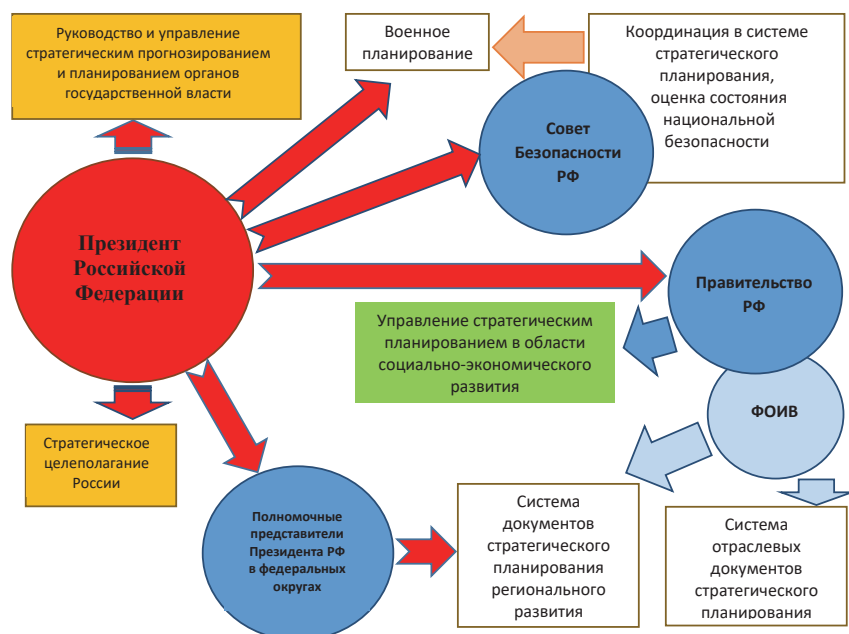

Рис. 1. Структурно-логическая схема системы стратегического планирования в Российской Федерации (федеральный уровень)

региональном уровнях до дня вступления в силу 172-ФЗ (п. 4 ст. 47).

На сегодняшний день число документов стратегического планирования, преимущественно муниципального уровня, уже превысило несколько десятков тысяч. Так, в едином государственном реестре документов стратегического планирования, размещенном на сайте <http://gasu.gov.ru/stratplanning>, по состоянию на 25.06.2021 представлено действующих документов: на федеральном уровне – 125, на региональном – 2307, на муниципальном – 55149. Такое огромное количество документов стратегического планирования регионального и муниципального уровня, безусловно, требует создания и применения соответствующего механизма координации и контроля.

Анализ системы действующих нормативных правовых актов стратегического планирования в нашей стране позволяет ряду исследователей сделать вывод о том, что «сложившаяся в настоящее время система документов стратегического управления Российской Федерации при большом их количестве <...>, имеет низкую эффективность в системе государственного управления», а «совокупность утвержденных документов стратегического планирования не обеспечивает достаточный уровень координации и взаимодействия участников стратегического планирования, органов государственного и корпоративного управления по реализации стратегических приоритетов, целей, задач и показателей» [2, с. 30; 8, с. 25; 10, с. 442; 1, с. 23-31; 12, с. 43].

Экспертами высказывается мнение о необходимости приведения системы документов к более компактному виду [11, с. 40]. В частности, для федерального уровня ограничения могут быть сформированы, исходя из полноты охвата документами определенных национальных приоритетов развития. В первую очередь, это относится к документам целеполагания, систематизированных по отраслевому принципу. Иными словами, количество таких документов может быть ограничено количеством тех приоритетных направлений (сфер, отраслей), которые определены в качестве таковых Стратегией социально-экономического развития Российской Федерации, Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации,

а также направлениями обеспечения национальной безопасности, определенными документами целеполагания в сфере обеспечения национальной безопасности (доктрины, концепции). Для каждого определенного приоритетного направления (сферы, отрасли) в сфере обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития может быть разработан отдельный или межотраслевой документ стратегического планирования.

Систематизация нормативных правовых актов стратегического планирования может быть произведена по различным основаниям: видам, уровням, сфере регулирования (т. е. этапам деятельности субъектов стратегического планирования) и т. д.

Законодательно предусмотрена разработка таких видов документов стратегического планирования, как стратегия, основы государственной политики, доктрины, ежегодные послания, прогнозы, основные направления деятельности, государственные программы, схемы территориального планирования, планы деятельности, планы мероприятий по реализации стратегий, муниципальные программы и др.

Ввиду того, что данные документы разрабатываются в рамках либо целеполагания, либо прогнозирования, либо планирования и программирования, можно говорить о существовании подсистем, входящих в данную и сформированных «горизонтально» по этапам государственного планирования. Подсистему документов стратегического планирования можно представить и в трехмерном «вертикальном» измерении, добавив уровни планирования – федеральный, региональный, муниципальный, в отношении отраслей экономики и сфер управления (рис. 2).

Система стратегического планирования является открытой, в ее структуре могут появляться новые элементы и развиваться в отдельные подсистемы в дальнейшем. Например, подсистема документов стратегического планирования была расширена в 2016 г. путем введения нового элемента – «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

Обеспечивающими элементами системы стратегического планирования являются федеральный государственный реестр документов стратегического планирования и федеральная информацион-

Уровни Этапы	Федеральный (отраслевой) уровень (172-ФЗ)	Региональный уровень (184-ФЗ)	Муниципальный уровень (131-ФЗ)
Стратегическое целеполагание и прогнозирование	Прогнозы социально-экономического и научно-технологического развития (СЭР и НТР); бюджетный прогноз РФ; стратегия социально-экономического развития РФ; стратегия пространственного развития РФ (ПР)	Прогноз социально-экономического развития; бюджетный прогноз субъекта Российской Федерации	Прогноз социально-экономического развития и бюджетный прогноз муниципального образования (МО)
Планирование (формирование государственной политики)	Отраслевые стратегии; стратегии развития федеральных округов; схемы территориального развития РФ (ТР)	Стратегия социально-экономического развития региона; схема территориального развития	Стратегия социально-экономического развития МО
Программно-целевое управление и планирование	Государственные программы Российской Федерации; федеральные целевые программы (ФЦП); основные направления деятельности Правительства РФ (ОНДП)	Государственные программы субъекта	Муниципальные программы; план реализации «Стратегии социально-экономического развития МО»
Мониторинг и контроль реализации документов стратегического планирования	В сфере социально-экономического развития: ежегодный отчет Правительства РФ о результатах его деятельности; сводный годовой доклад о ходе реализации и об оценке эффективности государственных программ РФ; доклады о реализации планов деятельности ФОИВ. В сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: ежегодный доклад Секретаря Совета Безопасности РФ Президенту РФ о состоянии национальной безопасности РФ и мерах по ее укреплению	ежегодный отчет высшего должностного лица субъекта РФ о результатах деятельности высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ; сводный годовой доклад о ходе реализации и об оценке эффективности государственных программ субъекта РФ	ежегодные отчеты главы МО, главы местной администрации о результатах своей деятельности либо о деятельности местной администрации и иных подведомственных главе муниципального образования органов местного самоуправления; сводный годовой доклад о ходе реализации и об оценке эффективности реализации муниципальных программ

Рис. 2. Систематизация документов стратегического планирования в Российской Федерации

ная система стратегического планирования. С развитием последней большинство специалистов связывают свои ожидания по повышению качества стратегического планирования в государстве.

Ключевым элементом системы стратегического планирования является логически связанная совокупность документов стратегического планирования, разрабатываемых на федеральном, региональном, муниципальном уровне, в отношении отраслей экономики и сфер управления. В них устанавливаются с требуемым уровнем детализации основные цели, приоритеты и задачи долгосрочного развития, механизмы реализации государственной политики, совокупность конкретных мер и действий, источники и объемы материальных и не материальных ресурсов, а также

инструменты контроля исполнения принятых управленческих решений.

Иерархия действующих документов стратегического планирования в Российской Федерации на этапе их формирования и реализации представлены на рисунке 3.

Цикл разработки и функционирования нормативных правовых актов стратегического планирования включает разработку ряда документов на кратко-, средне- и долгосрочный период.

На краткосрочный период (до 3-х лет) разрабатываются документы планирования, на среднесрочный период – документы программирования и отраслевые документы стратегического планирования, и, наконец, на долгосрочный период (более 12 лет) разрабатываются системообразующие документы стратегического планирования.

Формирование	Стратегический прогноз Российской Федерации				Прогнози- рование
	Стратегия НБ РФ	Стратегия СЭР РФ	Стратегия ПР РФ	Стратегия НТР РФ	Целепо- лагание
	Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации				
	План реализации СНБ РФ	План реализации ССЭР РФ	План реализации СПР РФ	План реализации СНТР РФ	Планиро- вание
Реализация	Прогноз СЭР РФ на долгосрочный период		Прогноз НТР РФ	Бюджетный прогноз на долгосрочный период	Прогно- зирование
	Отраслевые документы (стратегии)	Стратегии макрорегионов и субъектов РФ	Схемы территориального планирования	Основные направления деятельности Правительства РФ (ОНДП), план реализации ОНДП	Целепо- лагание
	Государственные программы РФ, государственные программы субъектов РФ				Программи- рование
	Планы реализации ГП РФ		Проектное управление	Планы деятельности ФОИВ	Планиро- вание

Рис. 3. Иерархия документов стратегического планирования Российской Федерации (на этапе формирования и реализации)

рования. Эти документы во взаимосвязи представляют собой своеобразную «матрешку», где в двенадцатилетнем цикле стратегического планирования содержатся шестилетние циклы целеполагания и программирования, внутри которых содержатся «подвижные» трехлетние циклы бюджетного проектирования, планирования и реализации мер государственной политики.

При рассмотрении вопросов перспективной архитектуры и последовательности разработки документов стратегического планирования России, как представляется, можно согласиться с мнением, что отправным пунктом при ее формировании должны выступать базовые документы, содержащие национальную идею/идеологию, трансформирующуюся в стратегический образ будущего страны [11, с. 447]. Такими документами могут быть «Концепция социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2050 года» и «Концепция научно-технической политики Российской Федерации на период до 2050 года», которые будут описывать желаемые (целевые) параметры социально-экономического развития страны, а также основные направления научно-технической политики.

После «концептуального» блока должен следовать «прогностический», включающий такие виды долгосрочных прогнозов, как бюджетный, социально-экономиче-

ского развития, научно-технологического развития и т. п. При этом прогнозы должны быть разработаны на единый отрезок времени, равный периоду, на который разрабатываются концептуальные представления о будущем образе государства.

Выявленные в прогнозах долгосрочные тенденции после их глубокого и всестороннего анализа, полученной экспертной оценки о наличии их негативного влияния на развитие государства расцениваются как угрозы национальной безопасности и социально-экономическому развитию страны, которые должны быть отражены в соответствующих документах стратегического планирования. Основные доминирующие тренды социально-экономического и научно-технологического развития, а также риски и угрозы развития бюджетной сферы, внешнеполитической и внешнеэкономической обстановки целесообразно обобщать в стратегическом прогнозе Российской Федерации, который должен содержать варианты развития страны с указанием оптимального сценария с точки зрения обеспечения национальной безопасности на основании развития социально-экономической сферы с учетом выявленных рисков и имеющихся ограниченных ресурсов. Стратегический прогноз Российской Федерации как наиболее комплексный, включающий в обобщенном виде положения других долгосрочных прогнозов должен являться основой для

формирования стратегии национальной безопасности Российской Федерации, определяющей национальные интересы и стратегические приоритеты России.

Особыми элементами в системе документов стратегического планирования уровня целеполагания являются Послания Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации и соответствующие Указы Президента Российской Федерации¹.

Согласно положениям 172-ФЗ Послание Президента Российской Федерации имеет статус ежегодного. На практике же сложилась ситуация, при которой положения этого документа в начале электорального цикла охватывают более длительный временной интервал (президентский срок – 6 лет). При этом ежегодное послание Президента Российской Федерации в пределах электорального цикла носит скорее уточняющий или конкретизирующий характер, положения которого через ряд последующих указов послужат основой для корректировки документов стратегического планирования уровня планирования и программирования, а также региональных документов.

Послание Президента Российской Федерации не обладает статусом нормативного правового акта, представляет собой документ стратегического планирования. В соответствии с 172-ФЗ его положения конкретизируются в последующих указах Президента Российской Федерации, которые не относятся к документам стратегического планирования, а выполняют роль юридического оформления ежегодного Послания Президента Российской Федерации², служат основой для разработки

таких документов, как Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации и планы деятельности федеральных органов исполнительной власти (в том числе, Министерства обороны Российской Федерации), а также для разработки/корректировки государственных программ и других проектов.

Вместе с тем в практике государственного управления, в том числе при реализации положений Послания Президента Российской Федерации, на протяжении длительного периода времени активно используется иной механизм, а именно: исполнение данных Президентом Российской Федерации поручений.

Статья 115 Конституции Российской Федерации (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) в числе нормативных правовых актов, на основании и во исполнение которых действует Правительство Российской Федерации, наряду с указами, распоряжениями Президента Российской Федерации содержит указание также на поручения Президента Российской Федерации. Это согласуется с уже сложившейся практикой и, по существу, направлено на придание ей конституционной легитимности.

В связи с тем, что стратегическое планирование осуществляется в двух сферах: сфере социально-экономического развития Российской Федерации и сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, то внимание следует уделить документам стратегического планирования в области национальной безопасности, в том числе военной безопасности, военного строительства. Их разработка определяется требованиями Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне», Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» и проводится главным образом на федеральном уровне. При этом на этапе целеполагания и прогнозирования разрабатываются стратегический прогноз и стратегия/концепция национальной безопасности. На стадии прикладного планирования реализуются государственные и/или федеральные целевые программы, различные планово-организационные документы (например, План обороны Российской Федерации); Государственная программа вооружения и ряд других документов.

¹ См., например: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»; Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»// Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Во исполнение ежегодного послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации Президент Российской Федерации издает указы, в которых определяются стратегические цели и приоритеты социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, направления достижения указанных целей и решения важнейших задач в сфере социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, а также документы стратегического планирования, подлежащие разработке (п. 2 ст. 15 Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»).

Правовое регулирование планирования военного строительства в соответствии с 172-ФЗ, с учетом законодательства в сфере обороны представляет собой систему взаимосвязанных правовых норм и актов применения права, объективированных в форме документов планирования военного строительства.

Под документом планирования военного строительства, как правило, понимается документированная информация, разрабатываемая и рассматриваемая органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, иными участниками планирования военного строительства и утверждаемая (одобряемая) Президентом Российской Федерации или определенным его решением федеральным органом государственной власти Российской Федерации. Учеными Военного университета проведена систематизация документов стратегического планирования военного строительства, которые сведены ими в следующие блоки [6, с. 14]:

– *концептуальные документы, разрабатываемые в рамках целеполагания и прогнозирования:*

1) документы планирования военного строительства, разрабатываемые в рамках целеполагания: доктрины, основы и стратегии, основными из которых являются Военная и Морская доктрины Российской Федерации; Основы государственной политики в области обеспечения химической и биологической безопасности Российской Федерации; Основы государственной политики в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности Российской Федерации;

2) документы планирования военного строительства, разрабатываемые в рамках прогнозирования: концепции и прогнозы, основными из которых являются Стратегический прогноз Российской Федерации, взаимосвязанный и взаимозависимый с прогнозами социально-экономического и научно-технологического развития Российской Федерации; Концепции строительства и развития военной организации Российской Федерации, Вооруженных Сил, войск национальной гвардии, воинских формирований и органов;

– *документы планирования военного строительства, разрабатываемые в рамках планирования и программирования:*

1) План обороны Российской Федерации;

2) иные программно-плановые документы: планы, основные показатели, программы и планы-графики, среди которых планы деятельности Министерства обороны; планы мероприятий, выполняемых в Российской Федерации при нарастании угрозы агрессии против Российской Федерации до объявления мобилизации в Российской Федерации; план перевода Российской Федерации на условия военного времени; Мобилизационный план экономики Российской Федерации; Основные показатели Мобилизационного плана экономики Российской Федерации, Долгосрочные (федеральные) целевые программы в области обороны и безопасности Российской Федерации; Программы и планы военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами в соответствии с международными договорами Российской Федерации; Программы ядерных и других специальных испытаний;

– *документы, отражающие результаты мониторинга и контроля реализации документов военного строительства* – доклады и отчеты, основными из которых являются ежегодные доклады Секретаря Совета Безопасности Президенту Российской Федерации о состоянии национальной безопасности и мерах по ее укреплению; доклады и отчеты Министру обороны Российской Федерации об основных показателях и результатах выполнения документов планирования военного строительства и доклады Министра обороны Российской Федерации Президенту Российской Федерации, Совету Безопасности Российской Федерации;

– *документы организационно-методического обеспечения:* приказы, распоряжения, постановления, наставления, уставы, приказаны, предписания, иные правовые акты, вспомогательные (аналитические, информационные, справочные, методические) и другие материалы, основными из которых являются положение «О военном планировании в Российской Федерации»; порядки планирования строительства Вооруженных Сил, войск

национальной гвардии, воинских формирований, органов, других компонентов военной организации; документы, устанавливающие полномочия, задачи и функции участников планирования военного строительства, формируемые вне рамок планирования военного строительства, но во взаимосвязи с ним.

На основе вышеизложенного система документов стратегического планирования военного строительства, в части, касающейся нормативных правовых актов, может быть представлена следующим образом:

1. Конституция Российской Федерации.

2. Международные договоры Российской Федерации.

Среди международных договоров Российской Федерации по рассматриваемому предмету регулирования могут быть отмечены следующие:

Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945, ратифицирован Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20.08.1945); Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Определение агрессии» (принята 14.12.1974 на 29-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН); Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950; с изм. от 13.05.2004).

3. Федеральные конституционные законы.

В перечень федеральных конституционных законов, положения которых учитываются при определении стратегии военного строительства, входят, в том числе:

Федеральный конституционный закон от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»;

Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении»;

Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении»;

Федеральный конституционный закон от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации»;

4. Федеральные законы.

Перечень федеральных законов, составляющих нормативную правовую базу стратегического планирования в области военного строительства, достаточно об-

ширен. В него входят, в том числе, следующие:

Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»;

Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»;

Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»;

Федеральный закон от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих»;

Федеральный закон от 19 июля 1998 г. № 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами»;

Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»;

Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»;

Федеральный закон от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации»;

Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне».

5. Нормативные правовые акты Президента Российской Федерации.

Документы стратегического планирования в области обеспечения безопасности являются основой стратегического планирования в области военного строительства. К числу составляющих правовую основу стратегического планирования в области военного строительства, в первую очередь, могут быть отнесены следующие:

Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы (утв. Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203);

Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208);

Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642);

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400);

Указ Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082 «Вопросы Министерства обороны Российской Федерации»;

Указ Президента Российской Федерации от 23 июля 2013 г. № 631 «Вопросы Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации»;

Указ Президента Российской Федерации от 19 апреля 2017 г. № 177 «Об утверждении Положения о военном округе Вооруженных Сил Российской Федерации».

6. Нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации.

Нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации регламентируют в основном порядок материального, финансового и кадрового обеспечения деятельности воинских частей и формирований, порядок организации выполнения государственных программ вооружения и осуществления военно-технического сотрудничества. Они многочисленны и разнообразны по содержанию и также учитываются при стратегическом планировании в области военного строительства. Среди них могут быть выделены, например, следующие:

Постановление Правительства Российской Федерации от 18 марта 2020 г. № 298 «О лицензировании космической деятельности»; Постановление Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2014 г. № 1151 «Об утверждении Положения о коллегии Военно-промышленной комиссии Российской Федерации»; Постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2013 г. № 1255 «О Правилах разработки государственного оборонного заказа и его основных показателей»; Постановление Правительства Российской Федерации от 11 августа 1995 г. № 804 «О военных представительствах Министерства обороны Российской Федерации».

7. Нормативные правовые акты Министерства обороны Российской Федерации.

Стратегическое планирование в области военного строительства осуществляется с учетом положений нормативных правовых актов Министерства обороны Российской Федерации и иных федеральных органов власти в данной сфере, которые в связи с этим также входят в состав его нормативной правовой базы. Среди них могут быть выделены следующие:

Приказ Министерства обороны Российской Федерации от 16 марта 2021 г. № 160 «Об утверждении Плана противодействия коррупции в Вооруженных Силах Российской Федерации на 2021-2023 годы», Приказ Министерства обороны Российской Федерации от 31 октября 2019 г. № 640 «Об утверждении Инструкции об организации и проведении профессионального психологического отбора в Вооруженных Силах Российской Федерации».

Важно подчеркнуть, что система документов стратегического планирования шире, чем система нормативных правовых актов в области стратегического планирования. Так, ряд документов, которые являются документами стратегического планирования, не имеют статуса нормативных правовых актов (например, Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации; Военная доктрина Российской Федерации; отчет Правительства Российской Федерации о результатах его деятельности; сводный годовой доклад о ходе реализации и об оценке эффективности государственных программ Российской Федерации).

Таким образом, в ходе рассмотрения структуры действующих нормативных правовых актов стратегического планирования в области военного строительства Российской Федерации, можно сделать ряд выводов:

1. В настоящее время в Российской Федерации сформирована нормативная правовая база стратегического планирования, которая, в целом, позволяет решать стоящие в этой области задачи. Однако отечественной системе стратегического планирования присущ ряд недостатков, связанных с расхождением позиций различных ведомств, отсутствием опыта работы с большими массивами данных, отсутствием согласованности документов, формальностью подходов к их разработке и мониторингу исполнения, которые не позволяют в полной мере реализовать потенциал этой технологии государственного управления.

2. Общие проблемы организации стратегического планирования проецируются на отраслевой и ведомственный уровень. В структуре и содержании действующей правовой основы стратегического планирования военного строительства в Рос-

сийской Федерации может быть выделен ряд недостатков:

- отставание темпов разработки необходимых нормативных правовых актов в области обороны, военного строительства и военной безопасности от динамично меняющейся военно-политической обстановки, изменения характера современных войн и вооружённых конфликтов, предъявляемых военно-политическим руководством государства требований в области строительства Вооружённых Сил;

- увеличение количества документов в области стратегического планирования строительства отечественных Вооружённых Сил, концептуальных по своему характеру и, как правило, обладающих режимными ограничениями по их распространению, но не имеющих статуса нормативных правовых актов (например, Военная доктрина Российской Федерации);

- допускаемые нарушения принципа системности правового обеспечения военного строительства в современных условиях, что приводит в ряде случаев к спонтанности в принятии решений о разработке и принятии нормативно-правовых актов в области стратегического планирования строительства Вооружённых Сил;

- противоречивость отдельных положений нормативных правовых актов, регламентирующих общественные отношения в сфере строительства Вооружённых Сил Российской Федерации.

3. Отмеченные недостатки определяют потребность в совершенствовании правового регулирования отношений в области стратегического планирования военного строительства в Российской Федерации как в отношении номенклатуры соответствующих нормативных правовых актов, так и их содержания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афиногенов Д.А., Кочемасова Е.Ю., Сильвестров С.Н. Стратегическое планирование: проблемы и решения // Мир новой экономики. – 2019. – № 13 (2). – С. 23-31.

2. Гайнулин Д.Г., Воронин В.В. и др. Система стратегического планирования Российской Федерации: риски и перспективы // Инновации. – 2018. – № 4 (234). – С. 29-35.

3. Гацко М.Ф. Правовое обеспечение строительства Вооружённых Сил Российской Федерации и использования

их в чрезвычайных ситуациях в интересах военной безопасности России: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М.: РАГС, 2008. – 48 с.

4. Горохова С.С. Национальные проекты Российской Федерации как инструмент достижения стратегических целей и задач государства // Российская юстиция. – 2020. – № 6. – С. 41-44.

5. Домченко А.С. Административно-правовые модели нормирования деятельности: в поисках альтернативы // Юрист. – 2019. – № 9. – С. 70-77.

6. Емельянова А.И., Шнякина Т.С. Система планирования военного строительства: современное состояние и перспективы развития // Военное право. – 2017. – № 6 (46). – С. 13-20.

7. Залоило М.В. Опережающий характер правотворчества и проблема синхронизации правового регулирования // Журнал российского права. – 2019. – № 9. – С. 20-29.

8. Ленчук Е.Б. «Стратегическое планирование в России: проблемы и пути решения» // Инновации. – 2020. – № 2 (256). – С. 24-28.

9. Прилепский В.Ю. Методологические подходы к оценке нормативной правовой базы стратегического планирования в области военного строительства // Вестник военного права. – 2020. – № 4. – С. 23-31.

10. Смирнова О.О., Беляевская-Плотник Л.А., Бочарова Л.К. Методологические подходы к реализации принципов формирования системы стратегического планирования в РФ // Инновации. – 2020. – № 2 (256). – С. 37-42.

11. Смирнова О.О., Бочарова Л.К., Беляевская-Плотник Л.А., Богданова Ю.Н. Концептуальные подходы к формированию архитектуры документов стратегического планирования в России // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2019. – Т. 10. – № 4. – С. 440-456.

12. Стратегическое планирование в Российской Федерации: состояние методического обеспечения. Аналитический доклад (по результатам мониторинга реализации Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации») [Текст]: препринт WP8/2016/02 / А.В. Клименко, В.А. Королёв, Д.Ю. Двинских, Н.А. Рычкова, И.Ю. Сластикина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 60 с.

СЕМЕННИКОВ А.Г., ЗАДОРЖНАЯ И.В.

SEMENNIKOV A.G., ZADOROZHNYAYA I.V.

МЕМОРИАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

MILITARY LAW, MILITARY PROBLEMS OF INTERNATIONAL LAW
MEMORIAL LEGISLATION OF RUSSIA: THEORY AND PRACTICE

Семенников Александр Григорьевич,

кандидат юридических наук
депутат Московской городской думы
E-mail: D27@duma.mos.ru

Semennikov Alexander Grigorievich,

PhD in Law
Deputy of the Moscow City Duma
E-mail: D27@duma.mos.ru

Задоржная Ирина Владимировна,

кандидат юридических наук
ФГКБОУ ВО «Военный университет»
Министерства обороны
Российской Федерации
E-mail: rich705@mail.ru

Zadorozhnaya Irina Vladimirovna,

PhD in Law
«Military University»
Ministry of Defense of the
Russian Federation
E-mail: rich705@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены особенности российского мемориального законодательства. Предлагается характеристика мемориального законодательства, раскрываются причины его актуализации. Приводится классификация мемориальных законов, а также обзор ряда исследований, посвященных применению мемориального законодательства на территории Российской Федерации.

Abstract. The article discusses the features of the Russian memorial legislation. The article offers a description of the memorial legislation, reveals the reasons for its actualization. The classification of memorial laws is given. The article also provides an overview of a number of studies on the application of memorial legislation on the territory of the Russian Federation.

Ключевые слова: мемориальные законы; фальсификация истории; политика памяти.

Keywords: memorial laws; falsification of history; politics of memory.

Один из показателей духовного и нравственного здоровья общества – уважительное отношение к собственной истории. Формированию подобного отношения должна способствовать целенаправленная деятельность государства по культивированию исторической сознательности, базирующейся на научных исследованиях, достоверных исторических фактах.

Историческая достоверность представляет угрозу концепциям, выстроенным на основе фиктивного исторического опыта [2, с. 107].

Мишенью фальсификаторов в последние время все чаще становятся многонациональный народ Российской Федерации, его духовные, культурные, исторические ценности, социальная ос-

нова и легитимность политической системы страны.

В 2014 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) была введена статья 354.1 «Реабилитация нацизма». В 2015 г. по данной статье возбуждено 12 уголовных дел, в 2016 г. – 11, в 2017 г. – 13, 2018 г. – 16, в 2019 г. – 22, в 2020 г. – 40 [7].

Статьей 354.1 УК РФ установлена ответственность в отношении лиц, распространяющих идеологию фашизма и нацистскую символику. Один из последних примеров – события 2020 г., происходящие в ходе акции «Бессмертный полк» в онлайн формате, когда жители нескольких субъектов Российской Федерации разместили на страницах сайта фотографии нацистских преступников. Было возбуждено несколько уголовных дел, часть из них находится на этапе предъявления обвинения; фигуранты ряда уголовных дел уже предстали перед судом. В частности, житель Перми Даниил Симанов осужден и приговорен судом к 200 часам обязательных работ [8].

Зачастую попытки реабилитации нацизма фиксируются и за границами Российской Федерации.

В 2021 г. планируется завершить обвинительным заключением расследование уголовного дела, возбужденного в отношении председателя Украинского института национальной памяти Владимира Вятровича. По данным следствия, он публично систематически отрицал факты, установленные приговором Международного военного трибунала. Например, такой факт, как осведомленность военными дивизии СС «Галичина» о принадлежности их к фашистским войскам и совершении преступлений против мира и человечности [9].

Ведется следствие и в отношении гражданина Латвийской Республики Висвалдиса Лациса. В своей книге «Латышский легион в свете истины» 2017 г. он высказал одобрение действиям латышского легиона СС [10]. Это пример спланированного распространения фальсифицированной информации об исторических фактах и событиях Великой Отечественной войны.

В то же время существуют факты распространения недостоверной информации, связанные с незнанием истории и халатностью представителей исполнительных органов власти. Так, в 2019 г. на

улице г. Орел поставили электронные табло с рекламой организации «Волонтеры Победы». По халатности сотрудников Управления по молодежной политике Орловской области на табло был размещен слоган: «Я забочусь о ветеранах вместе с «Волонтерами Победы». Как следует из их объяснений, ошибка возникла по причине автоматической замены слов [11].

В 2020 г. на улицах г. Усинск (Республика Коми) разместили плакат с изображением солдата с оленем в память об оленнотранспортных батальонах, сражавшихся на Карельском фронте. Однако с попустительства администрации муниципального образования городской округ «Усинск», на плакате был изображен солдат финских войск, которые воевали против СССР [12].

В том же 2020 г. в г. Нижний Новгород на баннерах ко Дню Победы с текстом: «Спасибо за Победу!» был изображен памятник героям Гражданской войны 1918-1919 гг. [13].

Особо циничной представляется сетевая реклама сервиса доставки еды «СберМаркет». При анонсе начала работы с новыми торговыми организациями в ряде городов Волгоградской области они использовали изображение скульптуры «Родина-мать зовёт!» с лимоном в руке. [14].

С учетом изложенного представляется необходимым внести изменения не только в уголовное законодательство, но и в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), установив ответственность за неумышленное искажение исторических фактов.

На данный момент ответственность по ст. 13.15 КоАП РФ наступает за распространение в интернете и средствах массовой информации недостоверной информации под видом достоверной лишь при наличии ряда квалифицирующих признаков. Отсутствие таких признаков позволяет правонарушителям избежать наказания. Чтобы этого не происходило, следует законодательно регламентировать процедуру включения организаций, допускающих изготовление и презентацию продукции, искажающей и оскорбляющей историческую память, в реестр недобросовестных организаций.

Актуализация мемориального законодательства в России произошла в конце

XX – начале XXI вв. В связи с тем, что большинство россиян воспринимает прошлое как ценность, которую необходимо защищать, количество нормативно-правовых актов о защите историко-культурного наследия стремительно увеличивается [1, с. 164].

Первым мемориальным законом Российской Федерации стал действующий в настоящее время Федеральный закон от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий». Согласно положениям закона жертвы политических репрессий времен Гражданской войны 1917-1922 гг. и Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. получают право на восстановление гражданских прав и право на компенсацию материального ущерба.

В 1995 г. издан Указ Президента Российской Федерации от 24 января 1995 г. № 63 «О восстановлении законных прав российских граждан – бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатрированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период», реабилитирующий лиц, подвергшихся репатриации или репрессиям в результате пленения в период Великой Отечественной войны.

В 1996 г. вступил в силу Указ Президента Российской Федерации от 14 марта 1996 г. № 378 «О мерах по реабилитации священнослужителей и верующих, ставших жертвами необоснованных репрессий».

Мемориальное законодательство призвано определять отношение к историческим событиям и устанавливать юридическую ответственность за фальсификацию исторических фактов, то есть мемориальное законодательство – это совокупность нормативно-правовых актов, которыми устанавливается запрет фальсификации истории [6, с. 166].

Существует мнение, согласно которому мемориальные законы представляют собой нормативно-правовые акты, регулирующие способы и формы репрезентации в публичном пространстве исторических фактов и событий [5, с. 31].

На наш взгляд, мемориальные законы относятся к законам, регулирующим общественные отношения, складывающиеся в процессе сохранения и последующей передачи информации о конкретных исторических фактах и событиях.

По мнению ряда ученых, распространению мемориального законодательства препятствует демократизация истории, то есть процесс, при котором состояние исторической науки определяется не только мнением узкого круга профессионалов, но и всех желающих высказаться [4, с. 201].

Классификация мемориальных законов в зависимости от субъекта, уполномоченного на принятие нормативно-правового акта, позволяет выделить 2 группы мемориальных законов: принятые государством и принятые международными организациями.

Типология мемориальных законов, исходя из характера закрепляемых норм, делится на декларативные, определяющие отношение к конкретному историческому событию, и на устанавливающие юридическую ответственность за неверную трактовку исторических событий и фактов [3, с. 62].

В последнее время участились факты фальсификации российской истории в странах Прибалтики и Восточной Европы, осуществляемой при поддержке Соединенных Штатов Америки и Европейского Союза. Например, как следует из текста Резолюции 2019/2819(RSP) «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» от 19 сентября 2019 г., депутаты Европарламента обеспокоены латентностью преступлений, совершенных при советском тоталитарном режиме и призывают стран-участников дополнить национальное законодательство нормами об уравнивании нацизма и коммунизма. На этом фоне в Российской Федерации всё чаще стали говорить об использовании мемориального законодательства для защиты исторической правды.

В 2020 г. в Конституцию Российской Федерации были внесены поправки, касающиеся защиты истории. Часть 2 статьи 67.1 содержит положение о том, что Россия сохраняет преемственность в своем развитии, признаёт сложившееся исторически государственное единство, чтит память предков. Часть 3 статьи 67.1 подчеркивает, что Российская Федерация обеспечивает защиту исторической правды, чтит память защитников Отечества, умаление подвига которых не допускается.

Федеральным законом от 5 апреля 2021 г. № 59-ФЗ «О внесении изменений в

статью 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» в перечень уголовных деяний, подпадающих под действие статьи 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма», включены совершенное публично распространение заведомо ложных сведений о ветеранах Великой Отечественной войны, оскорбление памяти защитников Отечества, унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны.

Статья 354.1 УК РФ дополнена такими видами наказания, как: крупный штраф (до 5 млн. руб.), принудительные работы либо лишение свободы (до 5 лет) за распространение ложных сведений о ветеранах, сведений, унижающих их честь и достоинство, оскорбляющих их память.

Ужесточается ответственность за реабилитацию нацизма с использованием средств массовой информации, должностного положения, сфабрикованными доказательствами.

Устанавливается ответственность за оправдание нацизма посредством интернета, совершенное организованной группой.

На наш взгляд, диспозиции частей 1 и 2 статьи 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» следует дополнить: «а равно действия, направленные на героизацию нацистских преступников и их пособников».

Пристального внимания требует и вопрос, касающийся правовой регламентации публичной демонстрации лиц, осужденных Нюрнбергским трибуналом. В настоящее время законодательством установлены ограничения на использование нацистской символики и атрибутики, запрет на изображение нацистских преступников отсутствует.

Нормативно-правовые акты, призванные способствовать решению данной проблемы, дополняют уже действующие нормы о запрете пропаганды нацизма.

В то же время мемориальное законодательство в части запрета демонстрирования нацистской свастики и атрибутики не должно способствовать искажению исторической действительности, демонстрируемой в документальных и художественных фильмах, книжных иллюстрациях, посвященных Великой Отечественной войне, поскольку публичное демонстриро-

вание без целей пропаганды проявлением экстремизма не считается.

Проведенный авторами статьи анализ мемориального законодательства Российской Федерации свидетельствует, что цели и задачи, содержащиеся в нем, целиком зависят от политики государства. Принятие мемориальных законов и подзаконных нормативно-правовых актов обусловлено желанием защитить от внешних посягательств базовые ценности государства, его основу. Историческая память о Великой Отечественной войне и ее героях находятся под надежной защитой правоохранительных и судебных органов. Однако ряд норм об ответственности за посягательство на них все же нуждается в совершенствовании. Способствовать этому призвано мемориальное законодательство как инструмент политики памяти внутри страны и за ее пределами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин Д.А. «Мемориальные законы: от философских теорий к юридической практике» // Мир человека: нормативное измерение. – 2015. – № 4. – С. 163–168.
2. Ачкасов В. А. «Политика памяти» как инструмент конструирования постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2013. – Т. XVI. – № 4 (69). – С. 106–123.
3. Гигаури Д. И. Политика памяти в практике социального конструирования политической идентичности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 10. – С. 59–64.
4. Залоило М. В., Пашенцев Д. А. Национальный правовой порядок России в условиях цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Право. – 2019. – № 10 (2). – С. 196–209.
5. Касьянов Г. В. Историческая политика и «мемориальные» законы в Украине: начало XXI в. // Историческая экспертиза. – 2016. – № 2. – С. 28–55.
6. Матусевич О.А. Мемориальное законодательство: генезис и противоречия // Труды Белорусского государственного технологического университета. История, философия, филология. – 2014. – № 169. – С. 116–118.

7. В России за три года в 2,5 раза выросло число дел о реабилитации нацизма 23.04.2021. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11232865> (дата обращения: 17.05.2021).

8. Пермьяк получил обязательные работы за фото генерала Власова на сайте «Бессмертного полка». 01.09.2020. URL: <https://59.ru/text/criminal/2020/09/01/69451825/> (дата обращения: 17.05.2021).

9. СК РФ подозревает главу института Нацпамяти Украины в реабилитации нацизма. 14.03.2019. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/6214910> (дата обращения: 17.05.2021).

10. Без срока давности. СК завел дело против ветерана Латышского легиона СС. 26.09.2019. URL: <https://ria.ru/20190926/1559143131.html> (дата обращения: 17.05.2021).

11. Назвавшие ветеранов «ветеринарами» рекламщики извинились. 10.12.2019. URL: <https://govoritmoskva.ru/news/218635/> (дата обращения: 17.05.2021).

12. В Усинске сняли баннер, на котором оказалось фото финского солдата [Электронный ресурс] // 04.05.2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8394691> (дата обращения: 17.05.2021).

13. В Нижнем Новгороде появились баннеры ко Дню Победы с героями другой войны [Электронный ресурс] // 27.04.2020. URL: <https://ria.ru/20200427/1570643100.html> (дата обращения: 17.05.2021).

14. Скандал в Волгограде: «Родину-мать» изобразили с лимоном в руке для рекламы службы доставки [Электронный ресурс] // 17.02.2020. URL: <https://www.vesti.ru/article/1267311> (дата обращения: 17.05.2021).

ТОРГАЕВА И.Н., МУРАВЬЕВА Е.О.

TORGAEVA I.N., MURAVYOVA E.O.

НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ РАБОТЫ ВОЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ПО ПОДГОТОВКЕ К ГОСУДАРСТВЕННОЙ АККРЕДИТАЦИИ

ORGANIZATION OF THE ACTIVITIES OF A MILITARY EDUCATIONAL ORGANIZATION
REGULATORY LEGAL AND ORGANIZATIONAL FRAMEWORK
WORKS OF THE MILITARY EDUCATIONAL ORGANIZATION OF HIGHER EDUCATION
ON PREPARATION FOR STATE ACCREDITATION

Торгаева Ирина Николаевна,

кандидат психологических наук
ФГКВОУ ВО «Военный университет»
Министерства обороны
Российской Федерации
E-mail: lady.torgaewa@yandex.ru

Torgaeva Irina Nikolaevna,

PhD in Psychology
«Military University»
Ministry of Defense of the
Russian Federation
E-mail: lady.torgaewa@yandex.ru

Муравьева Евгения Олеговна,

ФГКВОУ ВО «Военный университет»
Министерства обороны
Российской Федерации
E-mail: office.muraviev@gmail.com

Muravyova Evgeniya Olegovna,

«Military University»
Ministry of Defense of the
Russian Federation
E-mail: office.muraviev@gmail.com

Аннотация. Государственная аккредитация военных образовательных организаций высшего образования является ответственным периодом их образовательной деятельности. В статье рассматриваются нормативные правовые и организационные основы подготовки военной образовательной организации высшего образования к проведению государственной аккредитации с учетом опыта ее подготовки и проведения в Военном университете Министерства обороны Российской Федерации.

Ключевые слова: военное образование; военная образовательная организация высшего образования; Военный университет; государственная аккредитация образовательной деятельности; аккредитационная экспертиза; оценка качества образования; анкетирование; тестирование.

Annotation. Educational accreditation of a higher military universities, academies and institutions is a crucial period of its learning policy. The regulatory and organization aspects are describe in the article with consideration to Military university's experience of passing Educational accreditation.

Key words: military education; higher military educational institution; Military University; Educational accreditation; education quality assessment; questionnaires; testing.

Высшее военное образование в Российской Федерации осуществляется в едином образовательном пространстве на основе единой государственной политики в сфере образовательной деятельности, которая гарантирует военным образовательным организациям высшего образования (далее – ВОО ВО) законность, гуманитарный характер, автономность военно-образовательного процесса, демократический характер управления ими в соответствии с законодательством Российской Федерации в сфере образования.

Образовательный процесс в ВОО ВО проходит в соответствии с требованиями федерального законодательства. В дальнейшем с учетом специфики военного образования осуществляется проверка соблюдения ВОО ВО указанных требований федеральным органом исполнительной власти, в частности постлицензионный контроль, государственная аккредитация образовательных программ и государственный надзор [1].

Государственная аккредитация подтверждает, что ВОО ВО реализует образовательную деятельность в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами (далее – ФГОС).

Нормативные правовые основы проведения государственной аккредитации предполагают, что в ВОО ВО проводится аккредитационная экспертиза Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзором) в соответствии с действующим законодательством в сфере образования.

В соответствии с нормативной правовой базой в сфере высшего военного образования предметом аккредитационной экспертизы является установление соответствия содержания, результатов освоения и всех видов обеспечения образовательной деятельности требованиям ФГОС. Кадровое обеспечение реализации образовательных программ (далее – ОП), в частности обеспеченности ОП штатными руководящими и научно-педагогическими работниками организации, обеспеченности ОП руководящими и научно-педагогическими работниками, привлекаемыми к реализации ОП на условиях гражданско-правового договора, доля научно-педагогических работников (в приведен-

ных к целочисленным значениям ставок), имеющих образование, соответствующее профилю преподаваемой дисциплины, доля научно-педагогических работников (в приведенных к целочисленным значениям ставок), имеющих ученую степень и (или) ученое звание и т. д. регламентируются «Единым квалификационным справочником должностей руководителей, специалистов и служащих» (раздел «Квалификационные характеристики должностей руководителей и специалистов высшего профессионального и дополнительного образования»), утвержденным приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 11 января 2011 г. № 1н и приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 8 сентября 2015 г. № 608н «Об утверждении профессионального стандарта "Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования"». Расчет обоснования потребности денежных средств на оплату государственной пошлины за выдачу свидетельства о государственной аккредитации образовательной деятельности Военного университета проводился в соответствии с пунктом 127 ст. 333.33 части 2 Налогового кодекса Российской Федерации (ред. 17.02.2021), а именно: 100 000 рублей за каждую включенную в свидетельство о государственной аккредитации укрупненную группу специальностей и направлений подготовки с учетом различных уровней высшего образования.

Информационно-образовательная среда (далее – ИОС) является одним из параметров оценивания в рамках проведения процедуры государственной аккредитации. Нормативным правовым обоснованием предъявляемых требований ФГОС к ИОС являются: статья 16 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. 24.03.2021) «Об образовании в Российской Федерации»; пункты 3, 4, 5 постановления Правительства Российской Федерации от 10 июля 2013 г. № 582 «Об утверждении Правил размещения на официальном сайте образовательной организации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и обновления информации об образовательной организации» (с изменениями и дополнениями); пункт 36 постановления Правительства

Российской Федерации от 18 ноября 2013 г. № 1039 «О государственной аккредитации образовательной деятельности» (ред. 30.09.2020); Порядок применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ, утвержденный приказом Минобрнауки России от 23 августа 2017 г. № 816.

С учетом опыта прохождения процедуры государственной аккредитации организационный блок авторами был разделен на следующие этапы. *Первый этап* проведения процедуры аккредитационной экспертизы руководство ВОО ВО определяет самостоятельно. Руководством ВОО ВО планируется и осуществляется организационная работа по подготовке ВОО ВО к аккредитационной экспертизе образовательных программ. Издается соответствующий приказ, назначаются должностные лица, ответственные за проведение мероприятий по государственной аккредитации образовательной деятельности ВОО ВО, и дорожная карта, определяющая алгоритм их работы. *На втором этапе (содержательном)* осуществляется практическая реализация организационных мероприятий проверки образовательной деятельности на предмет соответствия ФГОС и иных требований, установленных действующим законодательством. Осуществляется комплектование пакета документов для федеральных экспертов (приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 9 ноября 2016 г. № 1385 «Об утверждении перечней документов и материалов, необходимых для проведения аккредитационной экспертизы с выездом (без выезда) в организацию, осуществляющую образовательную деятельность, или ее филиал») [3]. *На третьем этапе (документационном)* осуществляется подготовка всех нормативных правовых документов и справочных материалов для работы экспертной группы, необходимых для представления в аккредитационный орган. Заявление о государственной аккредитации и прилагаемые к нему документы представляются в аккредитационный орган [4]. Далее Рособнадзор принимает решение о назначении сроков проверки и составе экспертной группы (далее – ЭГ). Издается соответствующий распорядительный акт Рособнадзора, который размещается на официальном

сайте Рособнадзора. Организационный алгоритм работы ВОО ВО с прибывшей ЭГ описан ниже.

Проводится встреча командования ВОО ВО и ответственных должностных лиц с ЭГ. В соответствии с письменным запросом руководителя ЭГ ВОО ВО предоставляется исчерпывающий перечень документации. При работе федерального эксперта со сведениями, составляющими государственную тайну, необходимо иметь справку о допуске к сведениям, составляющим государственную тайну, по соответствующей форме [5]. Члены ЭГ получают доступ к информационной среде по выданному паролю, проводят анализ соответствия ФГОС.

Особенностью Военного университета является реализация образовательных программ, совместно разработанных и утвержденных организациями, участвующими в реализации программ с использованием сетевой формы. Аккредитационная экспертиза в отношении основных образовательных программ, реализуемых с применением сетевой формы, осуществляется в рамках общих мероприятий по проведению государственной аккредитации образовательной деятельности ВОО ВО, но имеет ряд особенностей.

При проведении аккредитационной экспертизы основной профессиональной образовательной программы (далее – ОПОП), реализуемой с использованием сетевой формы, проверяется:

- наличие ОПОП, совместно разработанной и утвержденной организациями-партнерами;
- наличие письменных согласий обучающихся на обучение по ОПОП с использованием сетевой формы;
- наличие организаций, участвующих в реализации ОПОП с использованием сетевой формы как ВОО, так и организаций-партнеров по совместно разработанной ОПОП;
- соответствие вида, уровня и (или) направленности ОПОП (части ОПОП определенных уровня, вида и направленности), реализуемой с использованием сетевой формы, федеральному государственному образовательному стандарту;
- наличие утвержденного порядка осуществления образовательной деятельности по совместно разработанной ОПОП;

- распределение обязанностей между организациями, участвующими в реализации ОПОП с использованием сетевой формы;
- сроки обучения в каждой организации;
- какие дисциплины изучают в каждой организации;
- как проходит зачет результатов этих дисциплин;
- обеспеченность ОПОП кадровыми условиями реализации, предоставляемыми организациями, участвующими в реализации ОПОП с использованием сетевой формы;
- обеспеченность ОПОП совокупностью ресурсов материально-технического обеспечения, предоставляемого организациями, участвующими в реализации ОПОП с использованием сетевой формы;
- обеспеченность ОПОП совокупностью ресурсов учебно-методического обеспечения, предоставляемого организациями, участвующими в реализации ОПОП с использованием сетевой формы;
- наличие выдаваемого документа об образовании и о квалификации;
- срок действия договора о сетевой форме реализации образовательных программ.

При условии доступного местонахождения организации-партнера (в одном городе) эксперт выезжает в организацию-партнер. При условии отдаленного местонахождения организации-партнера эксперт запрашивает копии документов в электронном виде.

Проверка экспертом выполнения требований к качеству подготовки обучающихся при реализации ОПОП в сетевой форме проводится с учетом предоставленных условий и ресурсов всех организаций, участвующих в реализации данной ОПОП.

Результаты аккредитационной экспертизы в отношении части ОПОП, реализуемой в сетевой форме, отражаются в соответствующем разделе отчета эксперта об аккредитационной экспертизе, закрепленной за ним ОПОП, а также в заключении экспертной группы, составленном ее руководителем на основании отчетов об аккредитационной экспертизе.

На этапе анкетирования и тестирования проводятся опросы с помощью анкет для обучающихся и научно-педагогических

работников ВОО ВО, реализующих заявленную к государственной аккредитации образовательную программу, и с помощью тестов оценки качества сформированности компетенций обучающихся.

Анкетирование обучающихся в ВОО ВО проводится по вопросам, содержание которых основывается на требованиях ФГОС. При этом используется «серийная выборка», поскольку она имеет простой механизм, доступный любому эксперту, эффективна и экономна. В анкетировании по образовательным программам ВОО ВО принимают участие обучающиеся. Они заполняют анкеты, отвечают на вопросы и передают их эксперту для дальнейшей обработки. Эксперт анализирует анкеты и делает выводы о соответствии или несоответствии знаний обучающихся требованиям ФГОС ВО.

Анкетирование научно-педагогических работников проводится с использованием метода механической выборки, опрашивается каждый второй научно-педагогический работник. При этом рекомендуется опросить не более 10 человек, что обусловлено временными ограничениями эксперта, привлеченного к проведению аккредитационной экспертизы. В соответствии с результатами анкетирования эксперт анализирует анкеты и делает выводы.

Оценка качества сформированности компетенций обучающихся по образовательной программе ВОО ВО проводится на основе тестирования. Оно является одним из методов оценки качества подготовки обучающихся по ОП, заявленным на государственную аккредитацию, и позволяет оценить сформированность предусмотренных ФГОС ВО компетенций обучающихся.

Проводится оценка по результатам освоения обучающимися ОП по результатам тестовых заданий на основе оценочных материалов, разрабатываемых ВОО ВО самостоятельно, либо на основе оценочных компонентов, которые, по мнению эксперта, наиболее полно соответствуют направлению подготовки. Структура оценочных материалов может включать задания открытого и закрытого типов, позволяющие оценить от 3 до 5 компетенций из набора компетенций образовательных программ на этапах сформированности компетенций, соответствующих моменту

проведения аккредитационной экспертизы, при условии, что время проведения тестирования не должно превышать 2 академических часа.

Для тестирования могут быть выбраны общекультурные (универсальные) компетенции в соответствии с этапами их формирования у обучающихся на 2 курсе по направлениям подготовки.

При выборе общепрофессиональных и профессиональных компетенций оценивается их сформированность у обучающихся на выпускных курсах соответствующих направлений подготовки, таких как знание специфики военной организации государства, патриотизм, преемственность исторического опыта, способность анализировать и оценивать современную военно-политическую обстановку и пр.

В качестве показателя соответствия или несоответствия требованиям ФГОС выступает *процент обучающихся от числа участвовавших в тестировании, продемонстрировавших сформированность проверяемых компетенций (их этапа)*. Данный процент отражается в протоколе оценки сформированности компетенций (этапа сформированности компетенций), а вывод о соответствии или несоответствии требованиям ФГОС – в акте. Вывод о соответствии требованиям ФГОС делается, когда все участники тестирования продемонстрировали сформированность проверяемых компетенций (их этапа) по образовательной программе.

Минимальное количество участвующих в тестировании составляет 50 человек, максимум – 100-120.

Выбрав компетенции и перечень групп обучающихся ВОО ВО, эксперт формирует план проведения тестирования, включающий дату и время тестирования, номер аудитории, где будет проходить процедура, и список обучающихся для тестирования. План тестирования доводится до должностных лиц ВОО ВО.

Допуск обучающихся на тестирование осуществляется при предъявлении военного билета (удостоверения офицера), при этом эксперт сверяет данные с составленным планом тестирования. Для проведения тестирования неявка обучающихся по уважительным причинам должна составлять не более 10 % от числа включенных в план тестирования.

Тестирование может проходить в письменной (на соответствующих бумажных бланках) или электронной форме, если это позволяют возможности вуза. При проведении тестирования в бумажном варианте эксперт тиражирует в достаточном количестве экземпляры оценочных материалов и бланки ответов (при необходимости). Обучающийся может завершить тестирование раньше отведенного времени.

Эксперт делает выводы об уровне освоения обучающимися ОП по следующим критериям: оцениваемая компетенция (ее этап) сформирована (сформирован), если средняя оценка для контингента тестируемых находится в интервале от 3,5 до 5; при средней оценке для контингента тестируемых ниже 3,5 оцениваемая компетенция (ее этап) не сформирована (не сформирован).

Далее проводится сравнительный анализ результатов тестирования, проведенного в рамках процедуры государственной аккредитации, с итоговыми оценками обучающихся, полученными в ходе образовательного процесса.

Результаты оценки сформированности компетенций (этапа сформированности компетенций) отражаются в протоколе оценки сформированности компетенций (этапа сформированности компетенций).

По результатам проведения аккредитационной экспертизы в ВОО ВО ЭГ принимается решение в форме акта о соответствии или несоответствии ОП требованиям ФГОС. При положительном решении членов ЭГ Рособрнадзор издает соответствующий распорядительный документ, который размещается на официальном сайте Рособрнадзора и доводится до ВОО ВО.

Так, в соответствии с распоряжением Рособрнадзора от 25 декабря 2020 г. № 1459-06 в период с 11 по 15 января 2021 г. Проведена процедура государственной аккредитации образовательной деятельности Военного университета по 22 специальностям и направлениям подготовки, реализуемым в Военном университете. По результату проведенной процедуры государственной аккредитации Военному университету выдано свидетельство о государственной аккредитации образовательных программ, реализуемых в Военном университете, от 21.01.2021 № 3478.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об образовании в Российской Федерации» : с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021: федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ: в редакции от 08.12.2020. URL: <https://base.garant.ru/77706811/> (дата обращения: 12.12.2020).

2. О государственной аккредитации образовательной деятельности (с изменениями и дополнениями): постановление Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2013 г. № 1039: в редакции от 30.09.2020. URL: <https://base.garant.ru/70513356/> (дата обращения: 12.12.2020).

3. Перечень документов и материалов, необходимых для проведения аккредитационной экспертизы с выездом (без выезда) в организацию, осуществляющую образовательную деятельность, или ее филиал по основным образовательным программам высшего образования - программам бакалавриата, программам специалитета и программам магистратуры: приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 9 ноября 2016 г. № 1385 «Об утверждении перечней документов и материалов, необходимых для проведения аккредитационной экспертизы с выездом (без выезда) в организацию, осуществляющую образовательную деятельность, или ее филиал». URL: <https://base.garant.ru/71563112/> (дата обращения: 02.01.2021).

4. О государственной аккредитации образовательной деятельности (с изменениями и дополнениями):

постановление Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2013 г. № 1039: в редакции от 30.09.2020. URL: <https://base.garant.ru/70513356/> (дата обращения: 05.01.2021).

5. Об утверждении порядка работы экспертов и (или) представителей экспертных организаций, включенных в состав экспертной группы, при проведении аккредитационной экспертизы: приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 9 ноября 2016 г. № 1386. URL: <https://base.garant.ru/71557936/> (дата обращения: 02.01.2021).

6. Петухова Т. П. Аспекты оценки качества высшего образования в ходе государственной аккредитации. URL: [https://expert-edu.ru/images/2019/Conference Of GoE/PetuhovaTP.pdf](https://expert-edu.ru/images/2019/Conference%20Of%20GoE/PetuhovaTP.pdf) (дата обращения: 14.01.2021).

7. О государственной аккредитации образовательной деятельности (с изменениями и дополнениями): постановление Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2013 г. № 1039: в редакции от 30.09.2020. URL: <https://base.garant.ru/70513356/> (дата обращения: 12.12.2020).

8. Порядок организации и осуществления образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ : утверждено приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Министерства просвещения Российской Федерации от 5 августа 2020 г. № 882/391. Приложение № 1. URL: <https://base.garant.ru/74626602/> (дата обращения: 14.01.2021).

УДК 343.1

Профессиональная подготовка
военных юристов
Уголовный процесс

МЕЛЬНИК В.В.

MELNIK V.V.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАСПОЗНАВАНИЯ РЕЧЕВОЙ МАНИПУЛЯЦИИ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ В СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

PROFESSIONAL TRAINING OF MILITARY LAWYERS

SCIENTIFIC-METHODICAL BASIS OF RECOGNITION IN THE PROCESS OF PROOF
IN THE CONTROVERSIAL CRIMINAL PROCEEDINGS OF SPEECH MANIPULATION

Мельник Валерий Васильевич,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федера-
ции ФГКВОУ ВО «Военный университет»
Министерства обороны Российской Феде-
рации
E-mail: vetnikvp-vu@mail.ru

Melnik Valery Vasilievich,

Doctor of Law, Professor,
honored Lawyer of the Russian Federation
«Military University»
Ministry of Defense of the Russian Federation
E-mail: vetnikvp-vu@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются научно-методические основы распознавания в процессе доказывания в состязательном уголовном процессе речевой (языковой) манипуляции, используемой судебными ораторами для усиления своей аргументации и ослабления впечатления от аргументации процессуального противника. Используется методология системного анализа.

Ключевые слова: системный анализ; манипуляция; языковая (речевая) манипуляция; демагогия, речевая (лингвистическая) демагогия; научно-методические основы распознавания речевой (языковой) манипуляции, в том числе в форме демагогии.

Annotation. Using the methodology of system analysis, the author examines the scientific and methodical basis of recognition in the process of proof in the controversial criminal process of speech (language) manipulation used by court speakers to strengthen their reasoning and weaken the impression of the argument of the procedural opponent.

Keywords: system analysis; manipulation; language (speech) manipulation; demagoguery, speech (linguistic) demagoguery; scientific and methodical basis for the recognition of speech (language) manipulation, including in the form of demagoguery.

Постановка, обоснование проблемы и методологии ее исследования

В условиях построения в Российской Федерации уголовного судопроизводства на основе конституционного принципа состязательности и равноправия сторон возрастает значение аргументационной компетентности прокурорских работников, особенно поддерживающих государственное обвинение в состязательном уголовном процессе в суде с участием присяжных заседателей.

Составной частью аргументационной компетентности прокуроров-государственных обвинителей является их умение в процессе доказывания в состязательном уголовном процессе распознавать речевую (языковую) манипуляцию, используемую судебными ораторами для усиления своей аргументации и ослабления впечатления от аргументации процессуального противника, своевременно реагировать и опровергать недостаточно обоснованные доводы своего процессуального противника, «замешанные» на «фокусах языка», т. е. на языковом (речевом) манипулировании. Знание научно-методических основ распознавания речевой (языковой) манипуляции является теоретической основой формирования у будущих военных прокуроров умений и навыков эффективного ведения полемики в состязательном уголовном процессе. Специалисты по социальной психологии и когнитивной лингвистике отмечают, что «умение вскрывать приемы неявного управления пониманием есть важнейшее условие квалифицированного ведения полемики. Обычно достаточно указать оппоненту на то, что он использует приемы скрытого управления пониманием, чтобы свести на нет действие этих приемов» [28, с. 9].

Целью настоящей статьи является в порядке постановки и обоснования проблемы с использованием методологии системного анализа разработать для практикующих юристов, студентов-юристов и курсантов прокурорско-следственного факультета Военного университета Министерства обороны Российской Федерации научно-методические основы распознавания в судебных речах адвокатов-защитников, а также в некоторых обвинительных речах языковой (речевой) манипуляции, в том числе в форме демагогии. С этой це-

лью будут рассмотрены два взаимосвязанных вопроса: 1) научно-методические основы распознавания в речах судебных ораторов языковой (речевой) манипуляции; 2) проявление в процессе доказывания в состязательном уголовном процессе речевой (языковой) манипуляции, используемой судебными ораторами для усиления своей аргументации и разрушения или ослабления впечатления от аргументации процессуального противника, его логических, тактико-психологических и риторических доводов.

Научно-методические основы распознавания в речах судебных ораторов языковой (речевой) манипуляции

Для правильного осмысления сущности феномена речевой (языковой) манипуляции необходимо сначала разобраться в содержании более широкого понятия – манипуляция (или манипулирование), разновидностью которого является языковое (речевое) манипулирование.

Манипуляция (манипулирование) является способом не физического, а духовного, социально-психологического влияния людей друг на друга в процессе духовного общения, под которым понимается «процесс взаимного обмена мыслями, чувствами, волевыми побуждениями с целью управления одних людей другими» [31, с. 200]. Этот способ духовного влияния людей на собеседника или определенную аудиторию изучается различными науками: языкознанием, когнитивной лингвистикой, риторикой, социальной психологией, направлением практической психологии, которое называется нейролингвистическим программированием (НЛП), философскими науками (логикой, этикой), политологией, конфликтологией, медициной и другими науками, в том числе юридическими, прежде всего, юридической риторикой, юридической лингвистикой, криминалистикой, юридической логикой и юридической психологией [1; 4; 6; 8; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21].

К настоящему времени наукой еще не разработано общепризнанного определения сущности манипуляции (манипулирования). Для осмысления существенных аспектов этого сложнейшего духовного феномена, значимых для распознавания проявлений манипуляции в различных сферах челове-

ческой деятельности, в том числе в речах судебных ораторов, следует исходить, прежде всего, из переносных значений слова «манипуляция». Согласно современному толково-энциклопедическому словарю, это слово в переносном (иносказательном, метафорическом) смысле имеет два основных значения: 1) *воздействие на сознание, настроение и т.п. людей с целью управления их поведением*; 2) *ловкая проделка, махинация* [10, с. 466].

Первое переносное значение слова «манипуляция» означает, что в широком смысле это слово обозначает корректные и некорректные способы социально-психологического влияния на адресата (собеседника или аудиторию) в целях скрытого (неявного, рефлексивного) управления сознанием, подсознанием и поведением адресата. Второе значение (*ловкая проделка, махинация*) – в основном неблагоприятные, сомнительные, нравственно некорректные способы влияния, психологического воздействия людей друг на друга или определенную аудиторию, социально неодобряемое, нечестное, безнравственное и противоправное поведение человека, который для получения личной выгоды из корыстных побуждений прибегает к ловким проделкам, обманам, ухищрениям, подтасовке фактов и другим махинациям. Именно в этом смысле слово «манипуляция» и однокоренные слова «манипулирование», «манипулировать» и «манипулятор» чаще всего употребляются в разговорной речи и толкуются в толково-энциклопедических изданиях. Власть узких переносных значений этих слов с отрицательной стилистической окраской настолько велика, что влияние этих значений проявляется в языковом сознании большинства россиян, в том числе ученых, рассматривающих манипуляцию в основном как негативное деструктивное явление. Об этом свидетельствуют определения, в которых под манипуляцией (манипулированием) понимается: «косвенное психологическое воздействие, направленное на достижение одностороннего материального или психологического выигрыша» [1, с. 12]; «форма скрытого воздействия на индивида или группу в целях достижения целей, противоречащих интересам данного индивида или группы» [16, с. 177]; «действие, нацеленное на то, что-

бы побудить того, на кого оно направлено, чувствовать, думать и поступать так, как это выгодно манипулятору, но, чтобы при этом манипулируемому не казалось, что его принудили поступать таким образом» [14, с. 108].

Некоторые авторы манипуляцию предпочитают называть «психоманипуляцией», определяя ее как «скрытое, не замечаемое человеком (помимо его сознания и воли) психологическое воздействие, программирующее внутренний мир задаваемыми мнениями, идеями, мировоззренческими смыслами и т. п. Психоманипуляция не раскрывает целей воздействия. В результате, человек, субъективно не меняя убеждений, меняет оценки социально-политических взглядов или не замечает «помощи» в интерпретации фактов через задаваемые объяснения. «Отманипулируемый» человек верит в естественность происходящего с ним и действует порой вопреки своим интересам» [8, с. 35].

В подобных определениях не отражено, что манипуляция не всегда носит корыстный деструктивный характер, она может осуществляться в интересах не только человека-манипулятора, но и во благо манипулируемого, а также в общественных и государственных интересах. В качестве примеров такой «добродетельной манипуляции» приводятся манипулятивные приемы, которые используются в целях побудить адресата бросить пить, курить [19, с. 14], а также нехитрые манипулятивные приемы матерей, уговаривающих дочерей надеть в прохладную погоду менее красивую, но более теплую одежду [15, с. 48] и т. п.

С учетом того, что манипуляция в зависимости от преследуемой манипулятором цели может носить не только деструктивный, корыстный, но и конструктивный, добродетельный характер, среди многочисленных существующих определений манипуляции в качестве исходного рабочего понятия, соответствующего широкому переносному значению слова манипуляция, целесообразно избрать следующее определение известного российского психолога Е.Л. Доценко: «Манипуляция – это вид психологического воздействия, при котором мастерство манипулятора используется для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадаю-

щих с теми, которые имеются у адресата в данный момент» [12, с. 76].

Специалисты по социальной психологии достоинство этого определения видят в том, что в нем «не фиксируется внимание на антагонизме интересов взаимодействующих субъектов» [18, с. 76]. Для иллюстрации авторы со ссылкой на книгу П.С. Таранова приводят любопытный пример использования французским врачом Арманом Трюссо искусной манипуляции для излечения женщины, которая внушила себе, что проглотила лягушку. «При очередном визите к больной он захватил с собой лягушку, дал больной рвотное и, когда началась рвота, незаметно пустил в таз лягушку» [18, с. 76-77; 36].

Реализуя подобные добродетельные медицинские манипуляции, врачи подобно артистам-иллюзионистам, фокусникам ловко действуют не только руками, но и словами, т. е. в подобных ситуациях манипуляции руками предшествует или сопутствует языковая (речевая) манипуляция, при помощи которой врач рефлексивно управляет сознанием, подсознанием и поведением пациента, что соответствует как профессиональным интересам врача, так и интересам пациента.

В основе рефлексивного управления поведением адресата при помощи речи лежит косвенное вербальное внушение, при реализации которого у адресата «существует возможность выбора, т. е. он может и не принять, то, что ему внушают» [36, с. 114]. В отличие от прямого (императивного) внушения, при косвенном внушении «императивно-оценочный компонент прямо не фигурирует» [21, с. 202], его содержание включается в сообщаемую информацию в замаскированном виде и характеризуется незаметностью, неосознанностью и произвольностью усвоения адресатом содержания внушения [9, с. 94-95]. Как и прямое внушение, косвенное внушение предполагает «бесконфликтное принятие какой-либо информации, имеющее место при снижении сознательного ее анализа и критического к ней отношения» [21, с. 201].

В философской литературе отмечается, что манипуляция, в том числе речевая, может быть не только скрытой, но и открытой [8, с. 35-36; 26, с. 30-38]. К наиболее распространенным видам скрытой

и открытой манипуляции относятся различные разновидности речевой манипуляции с использованием софизмов и других приемов псевдоаргументации, которые «сводятся к открытой и скрываемой форме затемнения смысла» [26, с. 38] в целях рефлексивного управления сознанием, подсознанием и поведением адресата.

Различные виды манипуляции как психотехнология социально-психологического влияния людей друг на друга в процессе общения чаще всего применяются в коммуникативных ситуациях, связанных с необходимостью преодолевать различные противоречия (антагонистические, слабоантагонистические и неантагонистические), в том числе обусловленные конфликтом интересов, непониманием своих истинных интересов и интересов других людей, взаимных интересов, особенно когда в процессе влияния возникает необходимость преодолевать психологические барьеры, обусловленные психологическими особенностями и состояниями адресата (негативизм, упрямство, «упертость», недоверчивость, невнимание, непонимание, незапоминание сообщения, предубежденность, повышенная критичность и т. п.), что психологически предрасполагает адресата оказывать рациональное или иррациональное сопротивление внешнему влиянию других людей. В подобных ситуациях для эффективного решения тактических задач, связанных предупреждением, нейтрализацией или разрешением указанных противоречий, применение императивных прямых форм влияния (приказ, требование, запрет, принуждение) и неимперативных прямых форм влияния (просьба, предложение, совет, убеждение, похвала, поддержка, утешение) нецелесообразно или недостаточно для преодоления рационального или иррационального сопротивления адресата, оказания действенного влияния на его сознание, подсознание и поведение в направлении, необходимом для эффективного достижения цели, связанной с обеспечением определенных интересов (личных интересов адресата и (или) субъекта манипуляции, общественных и государственных интересов).

Указанные коммуникативные ситуации нередко возникают на различных стадиях и этапах уголовного судопроизвод-

ства, что психологически предрасполагает участников уголовного процесса со стороны обвинения и защиты прибегать к различным видам манипуляций, которые чаще всего используются в качестве дополнительного к логической аргументации способа социально-психологического влияния.

С учетом сказанного сущность феномена манипуляции можно определить следующим образом. **Манипуляция** – это технология социально-психологического влияния, используемая субъектом-манипулятором (индивидом или группой людей), в целях рефлексивного управления сознанием, подсознанием и поведением адресата влияния (индивида, группы людей, населения или организации), информационно-психологического навязывания адресату определенных представлений, оценок, идей, ценностных установок, ориентаций, явного или скрытого побуждения его, таким образом, к принятию определенных решений, совершению определенных действий в интересах манипулирующего или адресата, либо в их взаимных интересах, которые могут соответствовать или не соответствовать интересам других людей, общественным и государственным интересам.

Полагаем, что именно это определение, раскрывающее существенные признаки любого вида манипуляции, целесообразно использовать в качестве рабочего понятия для системного анализа особого вида манипуляции, который называется «языковая (речевая или лингвистическая) манипуляция». Представляется, что для распознавания и осмысления существенных признаков любой разновидности языкового (речевого) манипулирования, в том числе в судебном дискурсе, особенно важное научно-методическое значение имеют концептуальные положения из области лингвистики:

– в отличие от прямого внушения, основанное на косвенном внушении «языковое манипулирование не подавляет рациональное мышление, а лишь направляет его в нужном для манипулятора русле» [11, с. 25]. Этот системный риторический эффект возникает, благодаря тому, что «косвенное внушение зачастую более эффективно, чем прямое: оно не вызывает внутреннего сопротивления у внушаемого» [9, с. 28];

– о речевом или языковом манипулировании уместно говорить, когда в качестве основного инструмента манипуляции выступает то, что называется «значимым варьированием, а именно, выбор из множества возможных языковых средств описания некоторого положения дел именно тех способов описания, которые несут в себе необходимые говорящему-манипулятору оттенки значения, ассоциации, представляющие ситуацию в выгодном для говорящего свете, вызывают потребный говорящему отклик в душе слушающего и т. д.» [24, с. 58].

Речевое манипулирование особенно характерно для ораторской речи, при произнесении которой осуществляется косвенное воздействие на аудиторию с целью формирования у неё эмоционально-оценочного отношения к какому-нибудь явлению или предмету. С этой целью искусные ораторы воздействуют на эмоциональную сферу слушателей при помощи метафор, сравнений, эмоционально окрашенных синонимов, гиперболических, иронических и юмористических высказываний и других стилистических приемов, вызывающих в их воображении выгодные оратору ассоциации и взаимосвязи, направляющие мышление в нужном для оратора направлении. Для достижения такого манипулятивного эффекта может быть использовано даже умолчание – риторический прием, сущность которого заключается «в таком построении высказывания, когда часть его смысла передается не словами (не вербально), а подтекстом, с помощью намека» [30, с. 335].

Важную роль в обеспечении косвенного манипулятивного воздействия на адресата (аудиорию или собеседника) играет и такая «мелочь», как интонация, искусное использование которой «способствует выделению эмоциональных индикаторов в речи» [22, с. 223]. Следует, однако, учитывать, что «манипулятивному эффекту свойственна не прыгающая, немотивированная паузация, которая является характеристикой истинного аффекта и обусловлена изменениями в процессе мышления, а тщательно продуманная, «риторическая» паузация, так как она повышает манипулятивный потенциал речи» [22, с. 223].

Искусная речевая манипуляция при помощи стилистических средств языка,

повышающих манипулятивный потенциал речи, подразумевается в следующем высказывании американских социальных психологов: «Успешной является такая тактика убеждения, которая направляет и канализирует мысли таким образом, чтобы мишень думала в соответствии с точкой зрения коммуникатора» [3, с. 68], т. е. в соответствии с точкой зрения субъекта-манипулятора. Далее отмечается, что «успешная тактика подрывает любые негативные и поощряет позитивные мысли о предполагаемом образе действия» [3, с. 68].

Отсюда следует, что речевая (языковая) манипуляция может быть использована искусными ораторами как эффективный способ аргументации, который судебные ораторы, особенно адвокаты, нередко используют за неимением веских логических доводов, основанных на достаточном количестве доказательств, отвечающих критериям относимости, допустимости, достоверности и достаточности для решения уголовного дела в их пользу.

Действенность речевой манипуляции как дополнительного способа усиления аргументации возрастает, когда она «работает» не только на языковом, но и на фактическом и логическом уровнях («ярусах») произносимой манипулятором речи. На языковом уровне речи искусно используется широкий спектр приемов языковой манипуляции: «от преднамеренной дезорганизации адресата посредством закрепления за ключевыми словами не свойственных им ранее коннотаций – до тонкой, виртуозной игры слов, создания желаемого впечатления при помощи средств языковой выразительности – тропов, стилистических (риторических) фигур и т. д.» [17, с. 567]. Например, для отрицательной оценки чьей-либо деятельности «отбираются лексические единицы, формирующие более «приемлемую картину» в восприятии адресата» [28, с. 214].

На фактическом уровне речи феномен языковой манипуляции проявляется в виде приемов, основанных на использовании в манипулятивных целях тщательно дозированной и нередко искаженной информации, важной для составления адекватного представления о характере явления или события, о котором говорится в речи. На логическом уровне речи языковая манипуляция выражается в приме-

нении манипулятором софизмов и других приемов псевдоаргументации, под которой понимается использование ложной, недостаточно обоснованной аргументации с нарушением законов логики. Для речевой (языковой) манипуляции характерна ориентация не на логическое убеждение, а на косвенное внушение, рассчитанное на некритическое восприятие речевого сообщения адресатом. С этой целью манипуляторы искусно используют «психологически точные апелляции к эмоциональной сфере адресата, ориентированные на использование его психических нужд» [17, с. 566-567]; речь организуется так, чтобы у адресата формировалась иллюзия самостоятельности выводов: «ключевые компоненты смысла в ней зачастую имплицитируются, субъективная точка зрения преподносится в качестве «исходной очевидности», выводы навязываются адресату в завуалированной форме, высказывания перегружаются оценочной лексикой» [17, с. 567].

С учетом сказанного для распознавания манипуляции научно-методическое значение имеет и следующее определение: **«Манипулирование языковое** – скрытое (тайное) управление поведением и/или сознанием человека с помощью речи. Как правило, осуществляется «в обход» логического мышления и не замечается адресатом» [27, с. 38].

Рассмотренные приемы речевой манипуляции применяются и при реализации такой ее формы, которая называется демагогией. Согласно академическому словарю русского языка это слово употребляется в двух основных значениях: 1) обман лживыми обещаниями, лестью и преднамеренным извращением фактов для достижения каких-либо целей; 2) бесполезные высокопарные рассуждения, основанные на одностороннем осмыслении, истолковании чего-либо или прикрывающие какие-либо корыстные цели [5, с. 656]. Сущность демагогии, ее существенные для распознавания аспекты раскрывают определения, в которых под демагогией (речевой или лингвистической демагогией) понимается:

– «спекуляция реальными проблемами, запросами, надеждами в скрытых целях, нередко личных, корыстных или групповых, социальных и политических,

либо изображение каких-либо событий или взглядов противников в ложном свете. Демагогия обычно сопровождается фальсификацией фактов, оформляется внешне правдоподобной, но по существу искусно подтасованной аргументацией» [25, с. 90-91];

– «прием непрямого воздействия на реципиента, когда идеи, которые необходимо ему внушить не высказываются прямо, а навязываются ему исподволь путем использования возможностей, предоставляемых языковыми механизмами» [11, с. 21].

Для того чтобы навязать адресату свое мнение, одностороннее осмысление или оценку предмета обсуждения, вызвать у собеседника или аудитории определенное представление о действительности, отношении к ней и соответствующие эмоциональные реакции и намерения, демагоги обычно используют следующие приемы манипуляции, затуманивающие истину предмета речи:

– приведение необоснованных аналогий, обобщений, имеющих характер утверждений, рассуждений, основанных на мнимой логике, софизмах, одностороннем истолковании чего-либо; предвзятая подача информации, полуправда, замалчивание в сообщении существенных фактов, подтасовка фактов; использование приемов, искажающих логику и факты, противоречащие мнению демагога; изъятие информации из контекста и ее произвольная трактовка; искажение истинных масштабов событий и явлений, преуменьшение или преувеличение их значимости;

– применение приемов, особым образом «канализирующих» различные концепции, идеи, оценки, взгляды, в том числе рассчитанных на догадку адресата, в основе которых лежит управляемое умозаключение с учетом эффекта психического автоматизма определенных логических переходов [37, с. 70-78; 38, с. 133];

– субъективное мнение подается в форме категорического суждения с апелляцией к некому всеобщему знанию типа «всем давно известно, что (ко «всем» демагог относит только тех, кто с ним согласен); подмена понятий, использование высокой лексики, слов с расплывчатым, эмоционально нагруженным значением, в том числе экспрессивных оценочных слов и выражений, которые отвлекают

внимание адресата от недостающей информации и не позволяют ее критически воспринимать; иллюзия информационной насыщенности речи создается при помощи речевых штампов, банальных фраз и выражений; вместо точных данных используются неопределенные слова и выражения с использованием абстрактной, неконкретной лексики [20, с. 128-129].

Трудность распознавания недобросовестной и добросовестной манипуляции, в том числе в форме демагогии, заключается в том, что «для манипулирования собеседником и аудиторией используются не специальные лексические единицы и грамматические формы, а те же, что выполняют самые позитивные функции» [6, с. 146].

Среди языковых средств речевой манипуляции, в том числе в форме демагогии, филологи особо выделяют такое сильное манипулятивное языковое средство, как эвфемизмы (от греч. *euphemismos* – «хорошее выражение»; *eu* – хорошо, *phemi* – говорю) – слова или выражения, которыми заменяют нежелательные, грубые, слишком резкие, неуместные в определенном контексте названия, слова, маскируют их, по своему «смягчают» высказывание, уменьшают долю содержащих в нем отрицательных, нежелательных в определенной ситуации коннотаций, интеллектуальных и эмоциональных ассоциаций [11, с. 66-79; 32, с. 702].

Искусное использование слов-эвфемизмов и производных от них эвфемистических выражений, переименований «уводят адресата от объекта, который может вызвать негативную реакцию» [6, с. 147]. Подобные манипулятивные приемы могут использоваться и для того, чтобы «скрывать истинную сущность явления» [6, с. 147]. Иначе говоря, эвфемизмы могут быть использованы «для маскировки подлинной сущности обозначаемого» [39, с. 355].

Проявление в процессе доказывания в состязательном уголовном процессе речевой (языковой) манипуляции

В процессе доказывания в состязательном уголовном процессе с помощью речевой (языковой) манипуляции судебные ораторы могут усилить свою аргументацию, а также разрушить или ослабить впечатление от аргументации процессуального противника, его логических, так-

тико-психологических и риторических доводов.

В социальной психологии полагают, что «есть целые области социальных отношений, где манипуляция вполне «законна» (хотя по-прежнему личностно несимпатична). Сферами «разрешенной манипуляции», несомненно, являются бизнес и деловые отношения вообще, политика и идеология» [4, с. 66].

К сфере «разрешенной манипуляции» относятся, прежде всего, операции спецслужб по обезвреживанию террористов и других опасных преступников, а также замешанные на обмане противника войсковые стратегические и тактические операции в условиях войны. Поэтому издревле обучение искусству манипуляции, в том числе при помощи таких способов рефлексивного управления сознанием и поведением противника, как обман и косвенное внушение является составной частью военного искусства. Об этом много веков тому назад (в VI в. до н. э.) Сун-Цзы в трактате «Искусство войны» писал: «Война – это путь обмана. Поэтому если ты и можешь что-нибудь, показывай противнику, будто не можешь; если ты и пользуешься чем-нибудь, показывай ему, будто ты этим не пользуешься; хотя бы ты и был близко, показывай, будто ты далеко; хотя бы ты и был далеко, показывай, будто ты близко; заманивай его выгодой; приведи его в расстройство и бери его...» [33, с. 25].

Таким образом, мы еще раз убеждаемся, что «манипуляция – это не всегда плохо. Большое число профессиональных и педагогических задач подразумевает именно манипулятивное общение» [17, с. 150].

Манипулятивный стиль социально-психологического влияния на адресата, прежде всего на присяжных заседателей и судей нередко проявляется в судебном дискурсе – среди судебных ораторов, особенно адвокатов – чаще всего, когда они не располагают вескими доводами для опровержения позиции своего процессуального противника.

Раскрывая социально-психологическую подоплеку предрасположенности судебных ораторов (прокуроров и адвокатов) к использованию в состязательном уголовном процессе искусственных приемов борьбы, в том числе замешанных

на речевом манипулировании, демагогии, П.С. Пороховщиков (П. Сергеевич – его псевдоним) отмечал, что «сознание того, что последствием судебного решения может быть несправедливая безнаказанность или несоразмерное наказание преступника, а иногда и наказание невиновного, обращает спор между обвинителем и защитником в настоящий бой. Если человек, владеющий шпагой, вышел на поединок с неумелым противником, он волен щадить его, не пользуясь своим превосходством и промахами врага. Но если перед ним равный противник, а от исхода боя зависит участь другого человека, он будет считать себя обязанным пользоваться своим искусством в полной мере. В судебном заседании это сознание борьбы не за себя, а за других извиняет многое и больше, чем должно, подстрекает обыкновенного человека к злоупотреблению своим искусством. Готовясь к судебному следствию и прениям, каждый оратор знает, что его противник приложит все свое умение к тому, чтобы остаться победителем; знает также, что судьи и присяжные, как люди, могут ошибаться.

При таких условиях человек не может отказаться от искусственных приемов борьбы. Поступить иначе значит идти с голыми руками против вооруженного» [29, с. 198-199]. Далее отмечается, что «в красноречии, как во всяком практическом искусстве, технические приемы часто переходят в настоящую ложь, еще чаще в лесть или лицемерие. Здесь нелегко провести границу между безнравственным и дозволенным. Всякий оратор, заведомо преувеличивающий силу известного довода, поступает нечестно; это вне сомнения; столь же ясно, что тот, кто старается риторическими оборотами усилить убедительность приведенного им соображения, делает то, что должен делать» [29, с. 243].

Искусственными риторическими приемами состязательной борьбы, замешанными на искусной, изощренной речевой (языковой) манипуляции, которые в современной литературе по нейролингвистическому программированию (НЛП) называют «фокусами» языка», не гнушались пользоваться даже такие корифеи российской и мировой адвокатуры, как П.А. Александров, выступавший защитником по знаменитому делу Веры Засулич, Ф.Н. Плевако,

С.А. Андреевский, Н.П. Карабчевский [23] и даже «король русской адвокатуры» и известный русский ученый-процессуалист В.Д. Спасович. Одна из причин, из-за которой в дореволюционных судах с участием присяжных заседателей прокуроры «проигрывали» процессы по уголовным делам даже при наличии в деле достаточного количества обвинительных доказательств, заключается в том, что адвокаты-защитники за неимением веских логических доводов «зияющие дыры» своей аргументации искусно прикрывали «фиговым листком» речевой манипуляции, то есть при помощи риторических приемов, основанных на языковой манипуляции, в том числе в форме демагогии, а прокуроры не умели убедительно разоблачать перед присяжными демагогический характер аргументации адвокатов.

Чистейшей демагогией является, например, следующая риторическая фигура, при помощи которой Ф. Н. Плевако побудил присяжных заседателей вынести оправдательный вердикт пожилому священнику, обвинявшемуся в воровстве и прелюбодеянии: «Перед вами сидит человек, который тридцать лет отпускал вам на исповеди грехи ваши. Теперь он ждет от вас: отпустите ли вы ему его грехи?» [34, с. 173].

На демагогии были нередко замешаны и защитительные речи других известных российских адвокатов. Например, в защитительной речи по делу Тарновского С.А. Андриевский ловко использовал следующую демагогическую по содержанию и форме риторическую фигуру: «Ваш долг удалять из общества только дурных, злонамеренных, вредных, опасных людей. Вы не сухие юристы, вы – живые, сердечные судьи совести. И вы не осудите человека с добрейшею душою, привязчивого, искреннего, всеми любимого, но замученного двумя своими недугами до потери всякого смысла <...> Суд присяжных всегда поймет истинное горе подсудимого. Этот суд всегда отличит человека несчастного и безвредного от виновного» [2, с. 267].

Такого рода демагогические риторические приемы адвокаты нередко используют для искажения нравственной перспективы дела, неправильной интерпретации «проблемного поведения» потерпевшего и обвиняемого, несправедливой нравствен-

ной и правовой оценки такого поведения, что может сформировать у присяжных заседателей неверную внутреннюю модель прошлого события, содержащего признаки определенного вида преступления, искаженное представление о сущности и обстоятельствах рассматриваемого в суде уголовного дела и таким образом подтолкнуть присяжных заседателей к вынесению несправедливого оправдательного вердикта.

Речевая манипуляция в форме демагогии особенно широко использовалась адвокатами-защитниками на Нюрнбергском процессе. Как известно, Геринга, Гесса, Риббентропа, Кальтенбруннера и других нацистских главарей защищали авторитетные немецкие ученые и практикующие юристы. Системный анализ содержания и формы их защитительных речей, представленных в двухтомной работе И.С. Яртых [40; 41], свидетельствует о том, что адвокаты подсудимых, пытаясь оспорить нормы Устава Международного военного трибунала и отвести меч правосудия от главных немецких военных преступников за неимением веских защитительных доводов в пользу подсудимых в качестве основного способа защиты зачастую использовали манипуляцию в форме изощренной демагогии.

Для склонения к своему мнению Высокого суда адвокаты нацистских преступников особенно часто использовали демагогическую риторическую фигуру с использованием эвфемизмов, производных от концепта «солдат». Злоупотребление этим риторическим приемом особенно рельефно проявилось в следующих фрагментах вступления и заключительной части речи адвоката доктора Вальтера Зиммерса в защиту подсудимого гросс-адмирала Эрика Редера, в которых этот высокопоставленный военный преступник противопоставляется демоническому образу развязавшего войну Гитлера не как его высокопоставленный подручный, а как 70-летний *честный солдат*, добросовестно выполнявший свой *солдатский долг* в качестве командующего германским ВМФ: «Редер, которому недавно исполнилось 70 лет, т. е. примерно в течение полувека, в период, богатый событиями, был *солдатом*, именно только солдатом душой и телом. Хотя он всегда выполнял только

свой *солдатский долг*, обвинение на этом большом процессе против национал-социализма рассматривает его *не только как солдата*, а именно как командующего германским ВМФ, но и в этом состоит особенность и решающее обстоятельство дела, как *политического деятеля*, как политического заговорщика и члена правительства, хотя эти функции в действительности ему свойственны не были» [41, с. 117]. Далее адвокат нацистского преступника демагогически заявляет, что Редер, якобы, не имел к этим функциям «никакого отношения, а *работал только солдатом*» [41, с. 163], и попытался склонить Высокий суд к своему мнению демагогическим вопросом и ответом на него: «Остается еще один вопрос: *долг ли солдата* выступать с протестом, открыто восставать? На этот вопрос каждый военный человек во всем мире и вообще всякий человек даст отрицательный ответ» [41, с. 165].

Подобные демагогические приемы аргументации позиции защиты, замешанные на языковой (речевой) манипуляции в форме демагогии, на Нюрнбергском процессе за неимением веских доводов защиты применяли и адвокаты других высокопоставленных нацистских преступников. Например, адвокат доктор Отто Нельте в речи в защиту другого военного преступника Вильгельма Кейтеля многократно использовал производные от концепта «солдат» эвфемизмы для характеристики военного менталитета Кейтеля и других высокопоставленных военных преступников, призывавших беспрекословно повиноваться приказам своего фюрера, не ощущая никакой личной моральной и правовой ответственности за последствия их беспрекословного исполнения [42, с. 362, 386].

Представляется, что произведенный анализ научно-методических основ распознавания языковой (речевой) манипуляции, в том числе в форме демагогии, а также проявлений речевой манипуляции в речах судебных ораторов имеет важное научно-методическое значение для обучения студентов и курсантов юридических образовательных организаций высшего образования умению своевременно распознавать и пресекать различные виды и формы речевой манипуляции, которые нередко используют судебные ораторы в процессе доказывания в состязательном

уголовном судопроизводстве, особенно в судах с участием присяжных заседателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азарнова А. Поединок с манипулятором. Защита от чужого влияния. – СПб.: Питер, 2016. – 335 с.
2. Андриевский С.А. Защитительные речи. – СПб., 1909. – 596 с.
3. Аронсон Э., Пратканис Э. Современные технологии влияния и убеждения. Эпоха пропаганды. – СПб., 2008. – 543 с.
4. Битянова М.Р. Социальная психология: учебное пособие. 2-е изд., перер. и доп. – СПб.: Питер, 2008. – 368 с.
5. Большой академический словарь русского языка. – Т. 4. – М., СПб.: Наука, 2006. – 677 с.
6. Брусенская Л.А., Куликова Э.Г. Экологическая лингвистика: монография. – М., 2016. – 184 с.
7. Гостев А.А. Манипуляция социальными представлениями путем воздействия на образную сферу личности // Психологическое воздействие. Механизмы, стратегии, возможности противодействия / под ред. А.Л. Журавлева, Н.Д. Павловой. М.: Институт психологии РАН, 2012. – С. 227–240.
8. Герасимов С.В. Замыкая круг манипуляций // Философские науки. – 2015. – № 5. – С. 34–41.
9. Головин С.Ю. Словарь психолога-практика. 2-е изд., перер. и доп. – Минск: Харвест, 2007. – 976 с.
10. Гуськова А.П., Сотин Б.В. Популярный словарь русского языка: толково-энциклопедический. – 3-е изд. – М., 2007. – 869 с.
11. Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. 3-е изд. – М.: Добросвет, Изд-во «КДУ», 2014. – 228 с.
12. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо, Изд-во МГУ, 1997. – 342 с.
13. Дубинин Ю.В. Мастерство переговоров: учебник для студентов, обучающихся по специальности «Международные отношения». 5 изд., испр. – М., 2018. – 320 с.
14. Завьялова О.Н. Речевое (языковое) манипулирование // Стилистический

- энциклопедический словарь русского языка. – М., 2003. – С. 566–570.
15. Знаков В.В. Макевиализм, манипулятивное поведение и взаимопонимание в межличностном общении // Вопросы психологии. – 2002. – № 6. – С. 45–54.
16. Иванов А.А. Негативистская конфликтология: учебное пособие. – М., 2015. – 304 с.
17. Ильин Е.П. Психология общения и межличностных отношений. 2-е изд. – СПб., 2015. – 592 с.
18. Кабаченко А.П., Кабаченко Т.С. Методы социально-психологического воздействия: монография. – М., 2015. – 614 с.
19. Копнина Г.А. Речевое манипулирование: учебное пособие. 7-е изд. – М.: Флинта; Наука, 2018. – 176 с.
20. Копнина Г.А. Демагогия // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник. – Красноярск, 2012. – С. 128–130.
21. Леонтьев О.В. Приемы психологического воздействия на людей. Конспект лекций. – СПб., 2000. – 63 с.
22. Мажар Е.Н. Манипулятивное воздействие в публичной речи // Риторика и культура речи в современном обществе: сборник материалов X Международной конференции по риторике. – М., 2006. – С. 222–223.
23. Общая психология: Словарь / под ред. А.В. Петровского // Психологический лексикон: энциклопедический словарь: в 6 т. – Т. 1. – М., 2005. – 250 с.
24. Паршин П.Б. Речевое воздействие: основные сферы и разновидности // Рекламный текст. Семиотика и лингвистика: монография / Ю.К. Пирогова, А.Н. Баранов, П.Б. Паршин и др. – М.: Издательский дом Гребенникова, 2000. – С. 57–61.
25. Политология: Энциклопедический словарь / общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. – М: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. – 431 с.
26. Сентенберг И.В., Карасик В.И. Псевдоаргументация: некоторые виды речевых манипуляций // Речевое общение и аргументация. Вып. 1. – СПб., 1993. – С. 30–38.
27. Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка. Спецкурс: учебное пособие. – М.: Высшая школа, 2006. – 148 с.
28. Сергеев В.М. Когнитивные методы в социальных исследованиях // Язык и моделирование социального взаимодействия / сост. В.М. Сергеева и П.Б. Паршина; общ. ред. В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1987. – С. 7–18.
29. Сергеич П. Искусство речи на суде. – М., 1988. – 380 с.
30. Сковородников А.П. Умолчание // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. – М, 2005. – 480 с.
31. Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. – М.: Политиздат, 1972. – 303 с.
32. Стариченок В.Д. Большой лингвистический словарь. – Ростов-н/Д: Феникс, 2008. – 810 с.
33. Сунь-цзы. Искусство войны. – М.: Изд-во АСТ, 2018. – 192 с.
34. Таран А.С. Профессиональная этика юриста: учебник и практикум для прикладного бакалавриата. – М.: Юрайт, 2015. – 173 с.
35. Таранов П.С. Интриги, мошенничество, трюки. Психология знаменитых ситуаций. – Симферополь: Таврида, 1996. – 195 с.
36. Хамидова В.Р. Гипнотические манипуляции. Манипуляции подсознанием. – М., 2007. – 256 с.
37. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учебное пособие. 3-е изд., стер. – М.: Флинта; Наука, 2015. – 201 с.
38. Шелестюк Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: монография. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта; Наука, 2014. – 342 с.
39. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. – М., 2005. – 479 с.
40. Яртых И.С. Нюрнбергский процесс: Защитительные речи адвокатов: в 2 т. – Т. 1. – М.: Юрлитинформ, 2008. – 470 с.
41. Яртых И.С. Нюрнбергский процесс: Защитительные речи адвокатов: в 2 т. – Т. 2. – М.: Юрлитинформ, 2008. – 453 с.

СОКОЛОВ А.П., МИШУТКИНА Д.И.

SOKOLOV A.P., MISHUTKINA D.I.

ПРАВОВОЙ СТАТУС СУДЬИ ВОЕННОГО СУДА

POINT OF VIEW

LEGAL STATUS JUDGES OF THE MILITARY COURT

Соколов Алексей Павлович,

доктор экономических наук, доцент
ФГКВОУ ВО «Военный университет»
Министерства обороны
Российской Федерации
E-mail: srrpj@mail.ru

Sokolov Alexey Pavlovich,

Doctor of Economics, Associate Professor
«Military University»
Ministry of Defense of the
Russian Federation
E-mail: srrpj@mail.ru

Мишуткина Диана Игоревна,

студентка
ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия»
E-mail: dianamish98@mail.ru

Mishutkina Diana Igorevna,

student
FSBEI HE «Russian State
University of Justice»
E-mail: dianamish98@mail.ru

Аннотация. Судебная власть в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, осуществляется военными судами, занимающими особое место в системе судов общей юрисдикции Российской Федерации. В целях проверки гипотезы об особом правовом статусе судьи военного суда проведен анализ соответствующих научных и нормативных правовых источников. Сделан вывод о едином статусе судей федеральных судов общей юрисдикции, при этом выделен ряд отличительных элементов статуса судьи военного суда.

Ключевые слова: правосудие; правовой статус судьи; военный суд; судья военного суда; правовое положение (статус) судьи военного суда.

Annotation. Judicial power in the Armed Forces of the Russian Federation, other troops, military formations and bodies in which military service is provided for by federal law is exercised by military courts, which occupy a special place in the system of courts of general jurisdiction of the Russian Federation. In order to test the hypothesis about the special legal status of a judge of a military court, an analysis of the relevant scientific and regulatory legal sources was carried out. A conclusion is made about the uniform status of judges of federal courts of general jurisdiction, while a number of distinctive elements of the status of a judge of a military court are highlighted.

Key words: justice; the legal status of a judge; military court; military court judge; the legal status (status) of a judge of a military court.

Военные суды занимают особое место в судебной системе Российской Федерации, они осуществляют судебную власть в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба. Вместе с тем, научных исследований, посвященных институту судьи военного суда, крайне мало.

Приступим к рассмотрению этого вопроса с раскрытия понятия «правосудие». Под правосудием В. С. Нерсисянц понимает процедуру установления порядка в обществе, которой необходимо придание определенной формы. Ещё со времён первобытного общества, нуждающегося в четких запретах и предписаниях, начала возникать потребность в правовом формализме, которая на последующих этапах развития общества преобразовалась в довольно жесткие религиозные и судебные формы [9, с. 203]. Этим ученым была обоснована идея, что только при наличии четко зафиксированных процессуальных процедур и материальных норм можно донести до общества существующую систему запретов и ограничений, пояснить членам общества, что можно, а что нельзя и раскрыть сущность так называемой «формулы осуществления правосудия». Отмечено, что общество в процессе жизнедеятельности руководствуется широким спектром различных норм, а одним из наиболее эффективных социальных регуляторов является право [7, с. 20].

Согласимся с мнением О. Н. Василенко, полагающей, что любая деятельность, которая осуществляется судом и связана с рассмотрением споров, будет являться правосудием [2, с. 103]. Так, согласно этой позиции, правосудие осуществляется судами не только в процессе непосредственного судебного рассмотрения дела, но также на стадии подготовки к судебному разбирательству. Таким образом, понятие «правосудие» по своему содержанию шире, чем понятие «процесс отправления (осуществления) правосудия» (в процессе рассмотрения дела судом, принятия решения и т. д.), поскольку им охватывается и подготовительная стадия (подготовка дела к судебному разбирательству).

Обращаясь к рассмотрению понятия «правовой статус судьи военного суда», от-

метим, что понятие «правовой статус» большинство ученых рассматривает как синонимичное понятию «правовое положение». Так, И. И. Матузов полагает оправданным не разделять понятия «правовое положение» и «правовой статус» субъектов, а отличать между собой по различным критериям правовое положение разных субъектов, рассматривая их в разных социальных ролях. Кроме того, в юридической литературе можно обнаружить позицию ученых-юристов, согласно которой под правовым положением понимают более широкую категорию, раскрывающую с различных сторон урегулированное на законодательном уровне состояние личности.

Существует мнение и о необходимости введения в научный оборот нового юридического термина «правовой модус личности», который поможет конкретизировать понятия «правовое положение» и «правовой статус» по отношению к различным группам лиц по отдельным признакам (профессиональный, социальный, семейный статус и т. п.) [4, с. 27-32].

В научной литературе встречается также понятие «гражданское состояние», которое, по мнению А.А. Ерошенко, представляет собой совокупность обусловленных социально-экономическими условиями прав, свобод, обязанностей, принадлежащих лицу [6, с. 22-23]. На наш взгляд, такие попытки обоснования понятий «правовой модус личности» и «гражданское состояние» не слишком убедительны, поскольку практически не раскрывают сущность понятия «правовой статус».

Более логична идея, что понятия «правовой статус» и «правовое положение» – это равнозначные понятия. Анализ п. 1 ст. 2 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» помогает прийти к такому же выводу, поскольку в тексте закона содержатся понятия «правовой статус» и «правовое положение» и употребляются данные понятия как синонимичные. При этом большинство ученых придерживается мнения, что термин «правовой статус» необходимо рассматривать как совокупность юридических прав, обязанностей, гарантий и ответственности за неисполнение обязанностей [1, с. 21].

Закрепленные в нормативных правовых актах права и обязанности моделируют стандарты поведения, которые

государство считает обязательными для исполнения и наиболее подходящими для обеспечения нормального функционирования общества. Сами по себе права и обязанности при отсутствии гарантий и механизма их реализации не отражают сущность правового статуса.

Под правовым статусом судьи военного суда следует понимать его правовое положение как представителя судебной власти в Вооруженных Силах Российской Федерации, которое определено совокупностью закрепленных в законодательстве прав и обязанностей, гарантий их реализации, а также ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей.

Содержание правового статуса судьи военного суда в узком смысле представляет собой комплекс прав и обязанностей, подкрепленных гарантиями, а также предусмотренными порядком их реализации и положениями об ответственности за нарушения. Однако, рассматривая данную категорию в более широком контексте, становится понятно, что в него также следует включить порядок наделения судей полномочиями, сроки полномочий судей, требования, предъявляемые к кандидатам на должность судьи военного суда, порядок формирования судейского корпуса и т. д.

Говоря о правовом статусе судьи, важно отметить, что данный институт является комплексным и охватывает организационно-правовые, процессуально-правовые и управленческие стороны.

Согласно ст. 11 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) «О судебной системе Российской Федерации» судья – это лицо, наделенное полномочиями по осуществлению правосудия и исполняющее свои обязанности на профессиональной основе. Однако следует отметить, что Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (ред. от 08.12.2020, с изм. от 30.12.2020) «О статусе судей в Российской Федерации» не дает определение понятия «правовой статус судьи». В статье 2 лишь содержится положение, что все судьи обладают единым статусом и различаются между собой только компетенцией и полномочиями.

В настоящее время законодательство устанавливает ряд специальных требова-

ний к судьям российских судов, которые детализируются применительно к статусу самого суда. Речь идет о выделении *общих и специальных требований* к судьям отдельных судов. Общие требования характерны для судей всех судов Российской Федерации независимо от их вида и статуса. К числу таких требований можно отнести дееспособность, гражданство Российской Федерации, высшее юридическое образование, стаж работы по юридической профессии не менее пяти лет. Федеральным законом могут быть установлены дополнительные требования к судьям судов Российской Федерации [8].

Специальные требования характерны для отдельных категорий судей применительно к статусу суда, в составе которого они осуществляют профессиональную деятельность. К числу специальных требований действующее законодательство позволяет отнести:

- достижение установленного законом возраста, который по общему правилу не может быть менее 25 лет. Однако достижение указанного возрастного предела характерно лишь для судей судов первой инстанции, для судей вышестоящих судов установлен иной возрастной ценз. Так, например, для судей Конституционного Суда Российской Федерации – 40 лет (ст. 8 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 09.11.2020) «О Конституционном Суде Российской Федерации»), окружного (флотского) военного суда – 30 лет (подп. 3 п. 2 ст. 4 Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»);

- наличие необходимого стажа профессиональной деятельности, который по общему правилу должен составлять не менее 5 лет работы по юридической профессии. Данное требование также корректируется применительно к статусу суда, в котором осуществляет деятельность судья. Например, для судей Конституционного Суда Российской Федерации минимальный стаж составляет не менее 15 лет, для судей Верховного Суда Российской Федерации – не менее 10 лет, окружного (флотского) военного суда – не менее 7 лет (п. 2 ст. 4 Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»).

Особенности правового положения некоторых категорий судей определяются федеральными законами. Так, статус судей военных судов и судей Судебной коллегии по делам военнослужащих определяется Конституцией Российской Федерации, Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации», Законом Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации», Федеральным конституционным законом от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации», иными федеральными конституционными законами и федеральными законами.

Правовой статус судьи военного суда на протяжении длительного периода времени как в советский, так и постсоветский периоды характеризовался наличием элементов, присущих и правовому статусу военнослужащего, и правовому статусу судьи. Такое положение накладывало на судей обязанности не только по отправлению правосудия, но и специальные обязанности, предусмотренные воинскими уставами. Одновременно, как отмечается в специальной литературе, партийность судейского корпуса, а также возможность возбуждения в отношении судьи дисциплинарного производства органом исполнительной власти не отвечали основополагающим принципам независимости судебной власти.

Постсоветский период развития института статуса судьи характеризуется укреплением его независимости и самостоятельности [3], вместе с тем до 1 июля 2009 г. судья военного суда обладал одновременно статусом судьи и статусом военнослужащего.

Кардинальные изменения статуса судей военных судов и Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации произошли в связи с принятием Федерального конституционного закона от 29 июня 2009 г. № 3-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О военных судах Российской Федерации». Основным содержанием данных изменений стало лишение судей военных судов статуса военнослужащего. Следует предположить, что при принятии данного Федерального конституционного закона законодатель

исходил, прежде всего, из того, что он будет способствовать обеспечению конституционного принципа независимости судей и их беспристрастности [5]. У юристов данное решение законодателя активной дискуссии не вызвало, было воспринято как констатация свершившегося факта.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что правовой статус судьи общего суда и судьи военного суда единый, а особенности правового статуса судьи военного суда представлены его полномочиями (определяемые компетенцией и задачами, стоящими перед военными судами), требованиями для назначения на должность, некоторыми особенностями социального обеспечения.

В соответствии со ст. 27 Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации» судьей военного суда может быть гражданин Российской Федерации, отвечающий требованиям, предъявляемым к кандидатам на должность судьи Законом Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации». Дополнительным условием является получение кандидатом на должность судьи военного суда положительного заключения Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. При этом преимущественным правом на назначение на должность судьи военного суда обладает военнослужащий, имеющий воинское звание офицера, а также гражданин, имеющий воинское звание офицера, пребывающий в запасе или находящийся в отставке.

Таким образом, действующий механизм формирования военно-судебного корпуса не дает гарантий назначения на должность судьи военного суда кандидата, имеющего звание офицера, поскольку речь идет лишь о «преимущественном праве». Практика применения нового порядка назначения судей подвергается обоснованной критике, учеными и практикующими юристами раскрываются, в том числе, проблемы, возникающие при назначении на должности судей военных судов сугубо гражданских лиц: профессиональные, морально-этические, психофизические.

Мы разделяем мнение Н. Н. Веретенникова и высказанное им предложение о совершенствовании отбора кандидатов на должности судей военных судов путем

внесения в ч. 2 ст. 27 Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации» и требования о наличии у кандидата воинского звания офицера и стажа службы на офицерских должностях.

Особенности социального обеспечения судей военных судов касаются: 1) материального обеспечения судей, 2) выплаты им пожизненного содержания либо предоставления пенсионного обеспечения, а также 3) в случае гибели (смерти) судьи военного суда или судьи Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации (в том числе, судьи, пребывающего в отставке) не в связи с его служебной деятельностью пенсия положена нетрудоспособным членам его семьи. Особенности социальной защиты судей предусмотрены нормами статей 29-31 Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации».

Таким образом, институт судьи военного суда как один из институтов, посредством которых реализуется судебная власть в Российской Федерации, обладает комплексным характером, правовое регулирование которого осуществляется нормами нескольких отраслей права и законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буробин В.Н. Правовой статус судьи военного суда: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1996. – 169 с.
2. Василенко О.Н. Проблемы онтологии и эволюции правосудия и форм права: дис... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2000. – 172 с.

3. Веретенников Н.Н. Статус судьи военного суда в условиях мирного и военного положения: проблемы становления и перспективы развития // Российский судья. – 2016. – № 1. – С. 25-30.

4. Витрук В.В. Основные теории правового положения личности в социалистическом обществе. – М.: Наука, 1972. – 229 с.

5. Григорьев О.В. Демилитаризация личного состава военных судов как новый этап в развитии военно-судебной системы России // Военно-юридический журнал. – 2014. – № 9. – С. 3-5.

6. Ерошенко А.А. Правовое положение гражданского состояния в СССР: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Л.: ЛГУ, 1986. – 25 с.

7. Маслов Н.А. Роль морали, религиозных и иных норм в реализации воинской обязанности в современной России // Сибирский юридический вестник. – 2012. – № 2 (57). – С. 20-24.

8. Научно-практический комментарий к Федеральному конституционному закону от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (постатейный) / Е.А. Григорьева, М.А. Беляев, Н.А. Бочкарева и др.; под ред. В.А. Дмитриева. – М.: Юстицинформ, 2016. – 152 с.

9. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства. – М.: Норма, 2004. – 552 с.

10. Табаров Н.Д. Институт военного судьи в досоветском Таджикистане: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1996. – 193 с.

11. Юридический энциклопедический словарь. – М.: Советский энциклопедический словарь, 1994. – 560 с.

ОБЗОР ИЗМЕНЕНИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

REVIEW OF CHANGES IN THE LEGISLATION ON MILITARY SERVICE AND STATE SECURITY

Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 288-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

Поправками, внесенными в Федеральный закон от 20.04.1995 № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов», в перечень таких лиц включены, в том числе:

сотрудники федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы, военнослужащие спасательных воинских формирований и федеральные государственные гражданские служащие федерального органа исполнительной власти в области предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий;

граждане РФ, уволенные со службы (работы) в органах внутренних дел РФ, войсках национальной гвардии РФ, органах федеральной службы безопасности, органах государственной охраны, в отношении которых осуществлялась государственная защита в соответствии с Федеральным законом «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» при наличии сохраняющейся угрозы посягательства на жизнь, здоровье и имущество указанных лиц.

Кроме того, в том числе уточнены органы, обеспечивающие безопасность.

Внесены также поправки в федеральные законы от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» и от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 279-ФЗ «О внесении изменения в статью 13 Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»

Установлено, что военнослужащие (сотрудники) войск национальной гвардии

вправе производить оцепление (блокирование) участков местности (акватории), в том числе, при пресечении попыток лиц незаконно проникнуть на территории (акватории) (покинуть территории (акватории) охраняемых войсками национальной гвардии объектов.

Федеральный закон от 28 июня 2021 г. № 232-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»

В частности, нарушение правил хранения или ношения оружия гражданами, повлекшее его утрату, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния, повлечет наложение штрафа на граждан в размере от пяти тысяч до десяти тысяч рублей с конфискацией оружия или без таковой либо лишение права на приобретение и хранение или хранение и ношение оружия на срок от одного года до трех лет с конфискацией оружия или без таковой.

Нарушение требований законодательства об оружии участником собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования, религиозного обряда и церемонии, культурно-развлекательного, спортивного и иного публичного мероприятия, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния, повлечет наложение штрафа на граждан в размере от трех тысяч до пяти тысяч рублей с конфискацией оружия и патронов к нему или без таковой либо лишение права на приобретение и хранение или хранение и ношение оружия на срок от одного года до трех лет с конфискацией оружия и патронов к нему или без таковой.

Участие в деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории РФ ее деятельности в соответствии с законодательством РФ, либо нарушение запретов, установленных Федеральным законом «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод челове-

ка, прав и свобод граждан Российской Федерации», если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния, повлечет для должностных лиц - работников аппаратов избирательных комиссий дисквалификацию сроком на один год.

Федеральный закон от 28 июня 2021 г. № 231-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»

В частности, в Федеральном законе от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» закреплены, в том числе понятия: «гладкоствольное огнестрельное оружие», «нарезное огнестрельное оружие (огнестрельное оружие с нарезным стволом)», «переделка оружия».

В Российской Федерации запрещается: хранение юридическими лицами (за исключением государственных военизированных организаций) оружия в помещениях, предназначенных для его хранения, не оборудованных охранной сигнализацией с выводом на пульт охраны организаций, имеющих право осуществлять охрану соответствующих помещений;

хранение списанного оружия гражданами и юридическими лицами (за исключением государственных военизированных организаций) без уведомления об этом федерального органа исполнительной власти, уполномоченного в сфере оборота оружия, или его территориального органа;

переделка оружия.

Предусмотрено, что приобретение, экспонирование и коллекционирование списанного оружия не подлежат лицензированию. Собственник списанного оружия обязан уведомить федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный в сфере оборота оружия, или его территориальный орган в двухнедельный срок со дня приобретения этого оружия для его регистрации.

Скорректированы положения, касающиеся возраста, по достижении которого граждане имеют право на приобретение оружия.

Расширен перечень категорий граждан, которым не выдается лицензия на приобретение оружия.

Установлено, что в целях осуществления учета и контроля за оборотом гражданского и служебного оружия на территории РФ федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в сфере оборота оружия, формируются и

ведутся в электронном виде реестры лицензий и разрешений.

Федеральный закон вступает в силу по истечении одного года после дня его официального опубликования, за исключением отдельных положений, для которых установлен иной срок их вступления в силу.

Федеральный закон от 11 июня 2021 г. № 172-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обороне»

В закон внесена статья 3.1. «Служебная тайна в области обороны».

Федеральный закон от 26 мая 2021 г. № 140-ФЗ «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о военном сотрудничестве»

Договор, подписанный в г. Нур-Султане 16 октября 2020 г., предусматривает осуществление и развитие военного сотрудничества между двумя странами. Уполномоченными органами по реализации документа являются Министерство обороны Российской Федерации и Министерство обороны Республики Казахстан.

Федеральный закон от 30 апреля 2021 г. № 135-ФЗ «О внесении изменений в статью 28 Федерального закона «О ветеранах»

Внесенные поправки касаются погибших (умерших) лиц, которые при жизни не успели получить удостоверение ветерана боевых действий.

Члены семей вышеуказанных лиц смогут получить свои удостоверения на основании документов, подтверждающих факт гибели (смерти) лица и его участие в боевых действиях.

Таким образом, соцгарантии, предусмотренные для членов семей погибших ветеранов боевых действий, теперь будут распространяться на родственников военнослужащих, погибших (умерших) в ходе ведения боевых действий и не получивших статус ветерана боевых действий при жизни.

Закон вступает в силу со дня опубликования.

Федеральный закон от 30 апреля 2021 г. № 131-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» и статью 21 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»

Урегулированы вопросы организации и проведения медосмотра граждан, не пре-

бывающих в запасе, призванных на военную службу, перед направлением к месту прохождения военной службы.

Уточнены нормы о выборе врача и медорганизации военнослужащими.

Закреплены положения о выборе врача и медорганизации задержанными, заключенными под стражу, отбывающими наказание в виде ограничения свободы, ареста, лишения свободы либо административного ареста.

Ряд поправок касается контрольного медосвидетельствования граждан, получивших отсрочку или освобождение от призыва на службу по состоянию здоровья; граждан, освобожденных от исполнения воинской обязанности в связи с признанием их негодными к службе по состоянию здоровья; граждан, заявивших о несогласии с медзаключением.

Федеральный закон от 30 апреля 2021 г. № 130-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе»

Расширен перечень оснований для досрочного увольнения контрактников при условии обязательного возмещения ими расходов, понесенных на их военную или специальную подготовку. В числе новых оснований:

- утрата доверия к военнослужащему со стороны должностного лица, имеющего право принимать решение о его увольнении;
- наличие статуса обвиняемого (подсудимого) по уголовному делу об умышленном преступлении;
- уклонением военнослужащего от проверочных мероприятий и (или) сообщение им заведомо ложных анкетных данных;
- однократное нарушение предусмотренных контрактом о прохождении военной службы обязательств, связанных с защитой гостайны;
- привлечение к административной ответственности за незаконное употребление наркотиков.

Федеральный закон от 30 апреля 2021 г. № 116-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

В соответствии с изменениями, внесенными в Конституцию РФ, уточнены положения ряда федеральных законов в части ограничений для замещения государственных и муниципальных должностей, должностей государственной и муниципальной службы, иных должностей в связи с наличием гражданства (поддан-

ства) иностранного государства либо права на постоянное проживание в нем.

Установлен запрет замещать указанные должности, несоблюдение которого служит основанием для отказа в приеме на соответствующую службу или назначении на соответствующую должность, а также для расторжения служебного контракта, трудового договора или досрочного прекращения полномочий.

Определены случаи, когда указанный запрет не распространяется на отдельные категории военнослужащих, государственных и муниципальных служащих.

Закон вступает в силу с 1 июля 2021 г.

Федеральный закон от 30 апреля 2021 г. № 105-ФЗ «О внесении изменений в статью 333.35 части второй Налогового кодекса Российской Федерации» (документ не вступил в силу)

С 1 января 2022 г. военнослужащие-призывники освобождаются от уплаты госпошлины за выдачу водительских прав категории «D» и подкатегории «D1».

Также будут освобождены от госпошлины за выдачу водительских прав граждане, подлежащие призыву на военную службу и получившие военно-учетные специальности солдат, матросов, сержантов и старшин по направлению военного комиссариата.

Федеральный закон вступает в силу с 1 января 2022 г.

Федеральный закон от 5 апреля 2021 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»

К лицам, подлежащим госзащите, отнесены в т. ч. госслужащие Вооруженных Сил РФ.

Федеральный закон от 5 апреля 2021 г. № 73-ФЗ «О внесении изменения в статью 4 Федерального закона «Об обороне»

Президент РФ наделен полномочием назначать граждан России, не являющихся военнослужащими, на воинские должности, для которых штатом предусмотрены воинские звания высших офицеров в Вооруженных Силах РФ, других войсках, воинских формированиях и органах, а также освобождать их от указанных должностей.

Указанное назначение не является правовым основанием для частичного приоб-

ретенция такими гражданами статуса военнослужащих, включая возложение на них соответствующих обязанностей, и, как следствие, не влечет за собой обязательств со стороны государства по предоставлению им социальных гарантий, установленных для военнослужащих и членов их семей.

Федеральный закон от 5 апреля 2021 г. № 66-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном оборонном заказе»

Уточнены положения в части госконтроля (надзора) и банковского сопровождения в отношении госконтрактов, заключаемых в интересах органов внешней разведки, ФСБ и Госкорпорации «Росатом».

Отменена обязанность на присвоение идентификаторов этим контрактам.

Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»

Стратегия является базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели и задачи государственной политики в области обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу.

Утратил силу указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

Указ вступает в силу с 2 июля 2021 г.

Указ Президента РФ от 26 апреля 2021 г. № 247 «О призыве граждан Российской Федерации, пребывающих в запасе, на военные сборы в 2021 году»

Объявлен призыв пребывающих в запасе граждан России для прохождения военных сборов в Вооруженных Силах Российской Федерации и органах ФСБ России.

В прошлом году призывали на сборы также в войска нацгвардии и органы госохраны.

Указ вступает в силу со дня его официального опубликования.

Указ Президента РФ от 26 апреля 2021 г. № 246 «О внесении изменения в Положение о Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 30 сентября 2016 г. № 510»

Директор Росгвардии наделен полномочием утверждать типовые положения о подразделениях (органах) войск национальной гвардии.

Указ вступает в силу со дня его подписания.

Распоряжение Правительства РФ от 15 апреля 2021 г. № 996-р «Об утверждении единого плана мероприятий по реализации Основ государственной политики РФ в Арктике на период до 2035 года и Стратегии развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года»

Утвержден единый план мероприятий по реализации Основ госполитики в Арктике и Стратегии развития Арктической зоны и обеспечения национальной безопасности до 2035 г.

Определены сроки реализации мероприятий и ответственные исполнители.

Приказ ФСБ России от 5 апреля 2021 г. № 121 «О внесении изменений в Инструкцию об организации работы в органах федеральной службы безопасности по пенсионному обеспечению лиц, уволенных с военной службы, и их семей, утвержденной приказом ФСБ России от 14 февраля 2017 г. № 87»

На ФСБ возложено пенсионное обеспечение лиц, уволенных с военной службы из федерального органа исполнительной власти в сфере мобилизационной подготовки и мобилизации, и их семей. Скорректирована соответствующая инструкция.

Приказ Главной военной прокуратуры РФ от 2 апреля 2021 г. № 65 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения служебных проверок в органах военной прокуратуры в отношении прокурорских работников и военнослужащих, проходящих военную службу на иных должностях»

Обновлен порядок проведения служебных проверок в органах военной прокуратуры в отношении прокурорских работников и военнослужащих, проходящих службу на иных должностях.

Уточнены основания для проверки и те подразделения, которые ее проводят.

В зависимости от сложности проверки она может быть поручена специально создаваемой комиссии.

Прежний порядок признан утратившим силу.

Обзор подготовлен с использованием справочно-правовой системы «Гарант»

